Орден Знак Почета

смена

№10 ОКТЯБРЬ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ 2014

смена

№10 октябрь 2014

О жизни и творчестве
художницы Тамары Лемпицки читайте на стр. 66

СМЕНА октябрь 2014 16+

Российские династии

Светлана Бестужева-Лада **Морозовы**.....4

Неизвестное об известном

Алла Зубкова **Песня длиною в жизнь** 18

Рассказ

Кирилл Берендеев **Хоуп** 30

Рандеву

Елена Воробьева **Сергей Терехов: «Научиться можно, научить нельзя»** 48

Минувшее

Денис Логинов **Русская императрица Римской империи** 56

Судьба художника

Ирина Опимах **Богиня ар-деко в зелёном «Бугатти»** 66

Мастерская

Татьяна Харламова **Воздушные замки из глины** 77

Поэзия

Дмитрий Силкан, Юрий Рыченков **Стихи** 82

Марина Новикова **Стихи** 110

Житейские истории

Сергей Бехлер **«СХ-21»** 86

Наши публикации

Михаил Козырев **Дьявольская штука**..... 94

Евграф Дольский **Подарок Фелимона Дунькина**..... 97

Василий Лебедев-Кумач **Инкогнида**..... 101

Штрихи к портрету

Евгения Гордиенко **Копенгагенский стиль**..... 103

Криминально-приключенческая повесть

Ия Йохимка **Мойщик**.....112

Кроссворд. Эрудит 188

смена

октябрь 2014

Основан в январе 1924 года

№ 1800

Главный редактор, генеральный директор Кизилов Михаил Григорьевич

Заместитель главного редактора Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru

Арт-директор Веселова Надежда Александровна

Директор по распространению Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru

Web-редактор Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru

Корректор Чекова Валентина Михайловна

Обложка «Джокер». Работа скульптора Дмитрия Пучкова

Иллюстрации Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом журнала «Смена».

Адрес редакции и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
e-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**
Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.
Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор» ОАО «Первая Образцовая типография»**
Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж —7500 экз.
Зак. №5033
Цена свободная
Номер подписан в печать: 22.09.2014

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

Уважаемые читатели!

ООО «Журнал «Смена» предлагает Вам оформить новый вид подписки — на электронную версию любимого журнала. Данный вид подписки актуален для читателей, предпочитающих наслаждаться чтением при помощи компьютера, IPad, IFon и иных современных гаджетов.

Вы можете оформить подписку и ежемесячно получать электронную версию журнала «СМЕНА» на свой e-mail. Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в отделении Банка или при помощи on-line системы любого банка по нашим реквизитам и выслать копию купона и оплаченной квитанции на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость за 3 месяца подписки	Стоимость за 6 месяцев подписки
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

*** Цены указаны без учета комиссии банка.**

КУПОН

Ф.И.О. _____ город _____

Дата рождения _____ Эл. адрес (e-mail) _____

Указать, интересующие Вас, номера _____

<table>
<tr><td rowspan="11">Извещение

Кассир</td><td colspan="3">ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа</td></tr>
<tr><td colspan="3">Расчетный счет 40702810410150414401</td></tr>
<tr><td colspan="3">ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка</td></tr>
<tr><td colspan="3">Корреспондентский счет 30101810400000000555 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России</td></tr>
<tr><td colspan="3">ИНН 7714026110 КПП 771401001</td></tr>
<tr><td colspan="3">БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)</td></tr>
<tr><td colspan="3">
другие банковские реквизиты</td></tr>
<tr><td colspan="3">Адрес:</td></tr>
<tr><td colspan="3">Ф.И.О.</td></tr>
<tr><td>Вид платежа</td><td>Дата</td><td>Сумма</td></tr>
<tr><td>Подписка на электронную версию журнала «Смена» за _____ (месяца-ев)</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="3">Подпись плательщика</td></tr>
<tr><td rowspan="11">Извещение

Кассир</td><td colspan="3">ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа</td></tr>
<tr><td colspan="3">Расчетный счет 40702810410150414401</td></tr>
<tr><td colspan="3">ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка</td></tr>
<tr><td colspan="3">Корреспондентский счет 30101810400000000555 в ОПЕРУ Московского ГТУ Банка России</td></tr>
<tr><td colspan="3">ИНН 7714026110 КПП 771401001</td></tr>
<tr><td colspan="3">БИК 044525555 (для юр.лиц) Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)</td></tr>
<tr><td colspan="3">
другие банковские реквизиты</td></tr>
<tr><td colspan="3">Адрес:</td></tr>
<tr><td colspan="3">Ф.И.О.</td></tr>
<tr><td>Вид платежа</td><td>Дата</td><td>Сумма</td></tr>
<tr><td>Подписка на электронную версию журнала «Смена» за _____ (месяца-ев)</td><td></td><td></td></tr>
<tr><td colspan="3">Подпись плательщика</td></tr>
</table>

Светлана Бестужева-Лада

МОРОЗОВЫ

Символ русского предпринимательства

Фамилия Морозовых со временем стала почти что нарицательной — такой огромный вклад внесли представители этой династии в развитие промышленности, финансовой сферы, науки, образования, культуры, здравоохранения и духовного потенциала России.

Хотя сам термин «предприниматель» появился лишь в XVIII веке во Франции и обозначал человека, который берет на себя риск, связанный с организацией нового предприятия или разработкой новой идеи, новой продукции или нового вида услуг, предлагаемых обществу, история русского предпринимательства исчисляется практически тысячелетием. Его юбилей можно было бы отмечать вместе с тысячелетием России, настолько неразрывно связаны друг с другом эти понятия.

На протяжении многих веков русское государство осваивало обширные территории благодаря тому, что опиралось на предпринимательство и частную инициативу. То есть параллельно с политическим освоением шло освоение экономическое, которое обеспечивалось тяжелым и самоотверженным трудом предпринимателей, далеко не всегда поддерживаемых государством.

История династии Морозовых — ярчайшее тому подтверждение.

Морозовы: Абрам Абрамович (слева), Тимофей Саввич (сидит в центре), Иван Захарович, Викула Елисеевич

Символом русского предпринимательства XIX века стала семья старообрядцев Морозовых. Родоначальником знаменитой династии был крепостной крестьянин Московской губернии Савва Васильевич Морозов, который родился в 1770 году в семье старообрядцев. В детстве он помогал отцу вести хозяйство, но быстро понял, что небольшой клочок обрабатываемой земли может только прокормить семью, не более того.

Труд в православной этике русского человека — безусловная добродетель, и такое отношение к своему труду было характерно для многих русских предпринимателей, прежде всего и особенно — для старообрядцев, которые в значительной степени сумели сохранить старорусские идеалы и традиции. Савва Морозов блестяще доказал это всей своей жизнью.

Еще подростком Савва стал заниматься шелкоткацким делом, нанявшись ткачом на небольшую шелковую фабрику Кононова, получая по 5 рублей ассигнациями в год и будучи на хозяйских харчах. Когда на Морозова выпал жребий идти в солдаты, он откупился от воинской повинности, взяв у хозяина крупную сумму денег взаймы. Кононов хотел таким образом пожизненно закабалить хорошего работника, но тот привлек к ткачеству всю семью, перешел на сдельную оплату труда и… выплатил долг за два года.

Воодушевленный достигнутым результатом, Савва в 1797 году завел в родном селе Зуево собственное предприятие с первоначальным капиталом в пять (!) рублей. Пятнадцать лет дело развивалось, но развивалось чрезвычайно медленно. К тому же великий московский пожар 1812

Основоположник рода Морозовых — Савва Васильевич

года уничтожил всю столичную ткацкую промышленность.

Но сразу после войны возник огромный спрос на льняные и хлопчатобумажные изделия, миткаль и ситец, и предприятие Морозовых стало быстро богатеть. Дело постепенно расширилось и пошло так хорошо, что в начале 1820-х годов Савва Васильевич купил у своего хозяина — помещика Рюмина — вольную для себя и своей семьи за 17 тысяч рублей единовременно (огромные деньги по тем временам). К тому времени на Морозовском предприятии уже работало 40 человек.

Чудо? Вовсе нет. В России издавна существовала группа энергичных предпринимателей-старообрядцев, у которых было в обычае помогать друг другу. Более того, поступавшие на их предприятия крестьяне, став рабочими, также принимали старообрядчество, потому что за это им полагался льготный заем для быстрого выхода из крепостного состояния и для покупки квитанций, избавляющих от рекрутчины. Морозов в этом плане исключение — ему денег на откуп от армии дал хозяин.

В 1830 году, вернув долги, Морозов основал в городе Богородске небольшую Богородско-Глуховскую хлопчатобумажную мануфактуру. Через несколько лет — в 1838 году — открылась одна из крупнейших в России по размерам Никольская механическая ткацкая фабрика, которая размещалась в большом многоэтажном каменном корпусе. Через девять лет рядом был выстроен огромный прядильный корпус.

В 1850 году, уже в очень преклонном возрасте, Савва Васильевич

отошел от дел, передав управление сыновьям. Умер он в 1860 году.

У Саввы Васильевича было пять сыновей: Тимофей, Елисей, Захар, Абрам и Иван. О судьбе последнего известно немного, а первые четыре явились создателями четырех главных Морозовских мануфактур и основателями четырех ветвей рода Морозовых. Семейного предприятия не было, каждая ветвь по-своему управляла собственной мануфактурой. В результате перед революцией 1917 года общий капитал всех семей Морозовых составлял более 110 миллионов рублей, а на их предприятиях трудилось около 54 тысяч рабочих.

Самая первая — Богородская мануфактура — перешла к третьему сыну, Захару. Постепенно расширяя дело, он построил механическую ткацкую фабрику, а позже утвердил паевое товарищество «Компания Богородско-Глуховской мануфактуры». После его смерти в 1857 году всеми делами заведовали его сыновья, Андрей и Иван Захаровичи, при которых дело еще больше расширилось и расцвело. А потомки Абрама стали хозяевами Тверской мануфактуры.

Время для предпринимательской деятельности в России было самым подходящим. Страна располагала значительным резервом внутренних средств, чтобы вкладывать их при необходимости в промышленность. Начиная с 1876 года, вплоть до 1913 года, Россия имела непрерывный активный баланс. По темпам роста промышленной продукции и по темпам роста производительности труда она вышла на первое место в мире, опередив стремительно развивающиеся Соединенные Штаты. За 1880–1910 годы темпы роста промышленной продукции России превышали 9% в год.

Таковы были плоды русского предпринимательства, обещавшие в будущем большой урожай. На основе анализа динамики развития России французский экономист Э. Тэри уверенно предсказывал:

«*К середине текущего XX века Россия будет господствовать над Европой, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении*».

Не сложилось… Первая мировая война, революции, гражданская война… Но в любом случае довоенную Россию пора уже, наконец, перестать считать отсталой, нищей и полуграмотной страной, уступающей по всем показателям остальному «цивилизованному миру».

Успешнее остальных братьев оказался Тимофей Саввич, основавший сперва фирму «Товарный дом Саввы Морозова Сын и К°», а в 1873 году учредивший паевое товарищество под тем же названием. Контора Товарищества находилась в Твери, но основные усилия прилагались к развитию и модернизации Зуевской фабрики, находившейся в селе Никольском (ныне — город Орехово-Зуево).

Это была мануфактура, целиком укомплектованная новейшими ан-

глийскими станками и использовавшая высококачественный американский хлопок и импортные красители. Продукция фабрики, зачастую продававшаяся непосредственно со складов, полностью соответствовала мировым стандартам и приносила ежегодно несколько миллионов рублей чистого дохода.

Эти деньги Морозов тратил с большим знанием дела: приглашал не только опытных мастеров-англичан, но и талантливых русских инженеров, которых, если требовалось, отправлял на обучение за границу. Город Орехово-Зуево напоминал, по словам современников, «удельное княжество Морозовых». Все 15-тысячное население работало на мануфактуре и полностью зависело от нее. Даже полиция содержалась за счет Морозовых. Можно сказать, что Морозовская мануфактура стала первым в России градообразующим предприятием.

Но не все было так пасторально-прекрасно. Тимофей Саввич слыл грозным и жестоким хозяином. Он — тоже первым в России — ввел драконовскую систему штрафов за малейшее нарушение. Даже образцовые рабочие теряли на штрафах до 15% заработка, у некоторых вообще к выдаче оставались жалкие гроши. Не случайно именно на Зуевской мануфактуре в 1885 году произошла первая в России организованная стачка рабочих.

Положение рабочих она чуть-чуть улучшила, но оказалась роковой для хозяина: Тимофей Саввич, получив нервное потрясение, надолго заболел, отошел от дел и в 1889 году скончался. Дело унаследовал его сын — Савва Тимофеевич, который до сих пор считается самой яркой и противоречивой фигурой в мире русского предпринимательства.

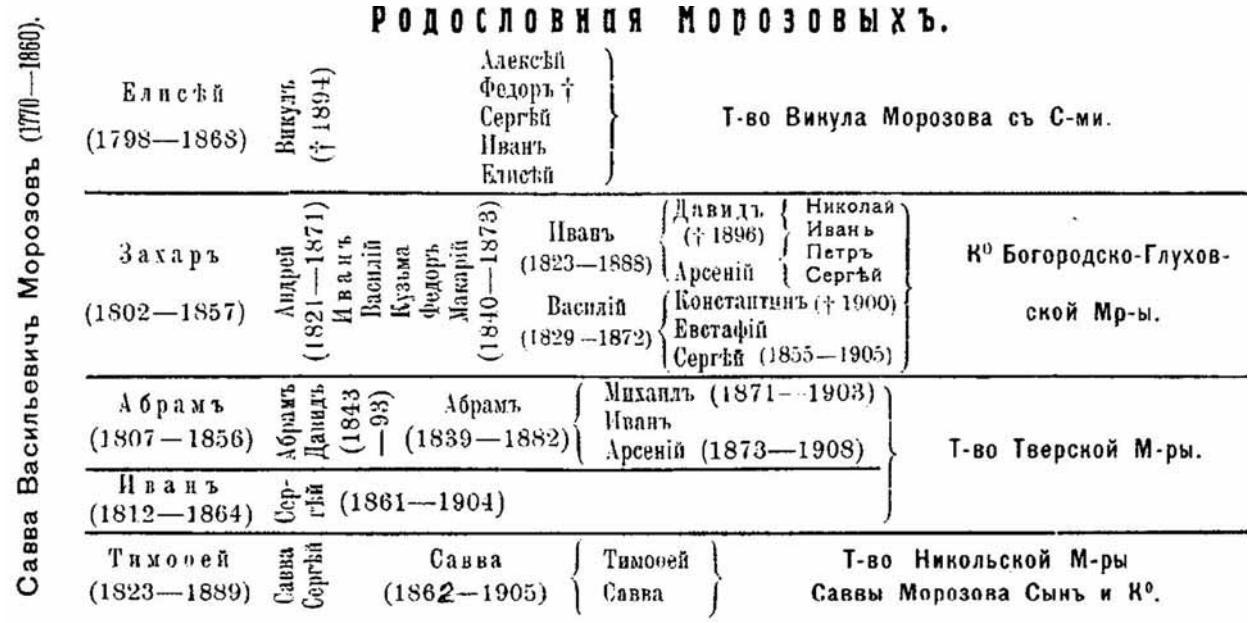
Детские и юношеские годы Саввы прошли в Москве в родительском особняке в Большом Трехсвятском переулке. Родители твердо придерживались старообрядческих традиций, но вместе с этим у детей были гувернантки и гувернеры, их обучали светским манерам, музыке и иностранным языкам.

В 14 лет Савву определили в 4-ю городскую гимназию, где он, по его собственному признанию, научился «курить и не веровать в Бога», что уж вовсе немыслимо для старообрядца.

По окончании в 1881 году гимназии Савва поступил на физико-математический факультет Московского университета. Прослушав четырехлетний курс, уехал в Англию и учился в Кембриджском университете, где успешно и глубоко изучал химию и даже собрался защищать диссертацию, но необходимость возглавить семейное дело заставила его вернуться в Россию.

С 1887 года он уже был фактическим руководителем Никольской мануфактуры и первым делом ликвидировал введенные отцом притеснительные меры: отменил штрафы, построил для рабочих много новых казарм, образцово поставил меди-

Схема основных ветвей рода Морозовых по мужской линии



цинское обслуживание. Все эти улучшения он провел на правах управляющего.

В подлинном смысле слова хозяином мануфактуры он никогда не был, поскольку большая часть паев после смерти Тимофея Саввича перешла к его вдове, Марии Федоровне, женщине очень властной, с большим умом и самостоятельными взглядами. Она пережила своего знаменитого сына и скончалась в 1911 году в возрасте 80 лет, оставив после себя 30 миллионов чистого капитала.

Личная жизнь Морозова также была своеобразной. По словам хорошо знавшего его Горького, «личные потребности Саввы были весьма скромные, можно даже сказать, что по отношению к себе он был скуп, дома ходил в стоптанных туфлях, а на улице иногда появлялся в заплатанных ботинках». А вот его супруга, Зинаида Григорьевна, была совершенно другой. Любила наряжаться в наимоднейшие туалеты, обожала ездить на модные, дорогие курорты, ее выезду завидовали даже особы царской фамилии, со многими из которых она была «на короткой ноге». О таких мелочах, как собственная ложа в театре и внушительная коллекция драгоценностей, можно и не говорить, хотя о вкусах самой госпожи Морозовой лучше всего свидетельствует роскошный особняк в готическо-мавританском стиле, построенный в 1896 году в Москве на Воздвиженке.

Некоторые, правда, считают, что особняк был построен по заказу

Тимофей Саввич Морозов, сын Саввы Васильевича

другого Морозова — Арсения Абрамовича — после посещения им Испании и Португалии. Действительно особняк представляет собой миниатюрный средневековый замок в духе ренессансного португальского зодчества стиля «мануэлино», в котором широко используются живописные детали декора — раковины, корабельные канаты, подковообразные и стрельчатые арки. Но внутренние интерьеры особняка выполнены в разных стилях: китайском, итальянском, мавританском, что больше соответствует экстравагантным вкусам Зинаиды Григорьевны.

Савва Тимофеевич ни в чем не отказывал супруге, но его собственные интересы лежали совсем в иной сфере. Морозов был предводителем купечества и промышленников России («Купеческим воеводой») и председателем Нижегородского ярмарочного комитета. Вторая должность позволяла ему оказывать непосредственное влияние на промышленное развитие России, решать конкретные вопросы социального сотрудничества предпринимателей и рабочих и даже разрабатывать государственные проекты развития здравоохранения и просвещения народа.

Свои современные взгляды и незаурядную дальновидность тридцатилетний председатель Нижегородского ярмарочного комитета ярко проявил в 1896 году в своем выступлении на официальной церемонии открытия ярмарки.

«В одном твердо убежден: торгово-промышленное сословие на Руси сильно не только мошной сво-

Савва Тимофеевич Морозов, сын Тимофея Саввича

Зинаида Григорьевна Морозова, супруга Саввы Тимофеевича

ей, но и сметкой. Не только капиталами, но и умом... Одна беда — культуры мало! Не выработало еще наше сословие сознание собственного достоинства, сословной солидарности! Но тезисы о малочисленности и слабости русской буржуазии, о ее малограмотности и обделенности талантами являются проявлением либо вопиющего невежества, либо злонамеренного искажения истины».

Морозов удивлял самого Максима Горького своим безграничным уважением к русскому народу:

«*Можете считать меня сентиментальным, неискренним — ваше дело. Но я люблю народ... Люблю не так, как пишете об этом вы, литераторы, а простой физиологической любовью, как иногда любят людей своей семьи: сестер, братьев. Талантлив*

наш народ изумительно! Удивительная талантливость всегда выручала, выручает и выручит нас. Вижу, что он ленив, вымирает от пьянства, сифилиса и, главным образом, от того, что его не учат работать. А талантлив он изумительно. Очень мало нужно русским, чтобы они поумнели».

Савва Тимофеевич предлагал и конкретный выход из сложившейся ситуации:

«*Необходимо введение всеобщего обязательного школьного обучения с расширением программы существующих народных училищ и установлением упрощенного порядка для открытия всяких учебных заведений, библиотек, читален, просветительных учреждений, обществ, так как в просвещении народа — сила и могущество государства и его промышленности*».

Но его призыв, к сожалению, так и не был услышан.

Все Морозовы занимались благотворительностью. Например, Алексей Викулович Морозов свой досуг отдавал коллекционированию фарфора, гравированных портретов и древнерусской живописи. Его собрание фарфора послужило основанием музея фарфора во дворце Шереметева в Кускове. На пожертвования Морозовых были созданы, помимо многого другого, институт для лечения раковых опухолей при Московском университете, несколько психиатрических клиник, Морозовская детская больница, городской родильный дом и богадельня. Не стал исключением и Савва Тимофеевич, пожалуй, даже превзошедший своих родственников.

Дом Саввы Морозова на Спиридоновке в Москве

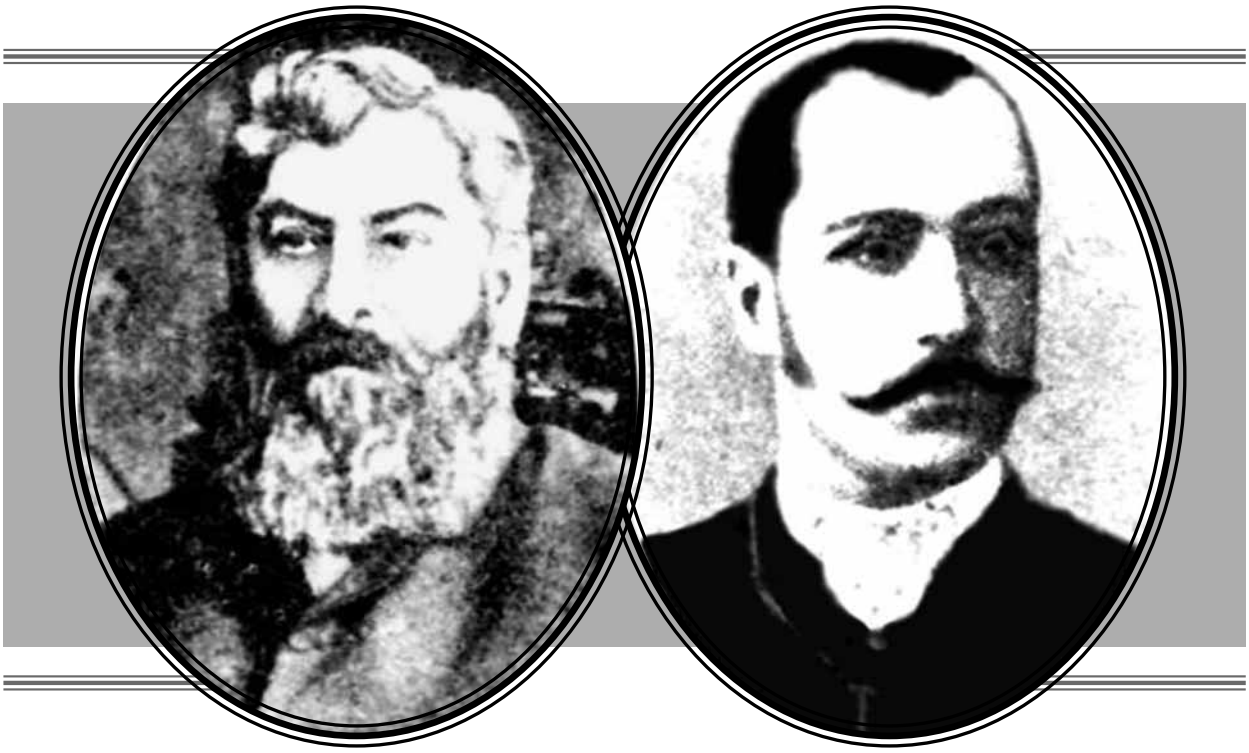
Он, впрочем, руководствовался при выборе объекта благотворительности какими-то одному ему известными соображениями. Например, на создававшийся профессором Цветаевым «Музей изящных искусств» (ныне «Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина») Морозов не пожертвовал ни копейки. Это тем более странно, что Савва Тимофеевич, не считаясь ни с какими расходами, поддерживал все, в чем предчувствовал важное влияние на отечественную культуру. В этом смысле показательно его отношение к Московскому художественному театру, в создании которого заслуга Морозова ничуть не меньше, чем Станиславского и Немировича-Данченко.

На учреждение театра требовались значительные средства. Их не было ни у Станиславского, ни у Немировича-Данченко. Получив отказ от правительства, они стали обращаться к меценатам или, как бы сейчас сказали, искать спонсоров. Морозов с самого начала дал на театр 10 тысяч рублей. В 1900 году, когда в деятельности труппы возникли большие осложнения, он выкупил все паи и один взялся финансировать текущие расходы.

В течение трех лет он поддерживал театр на плаву, избавив его руководителей от изматывающих финансовых хлопот и дав им возможность всецело сосредоточиться на творческом процессе. Под его руководством было перестроено здание и создан новый зал на 1300 мест. Это строительство обошлось Морозову в 300 тысяч рублей, а общая сумма, издержанная им на МХАТ, приблизилась к полумиллиону. В результате абсолютно убыточный театр, обреченный на скорую гибель, стал одним из ведущих театров России.

Савва Тимофеевич Морозов с детьми — Марией, Тимофеем и Еленой, 1897 год

Погубило Морозова то, что в начале XX века он живо заинтересовался политикой. В его особняке, например, происходили полулегаль-



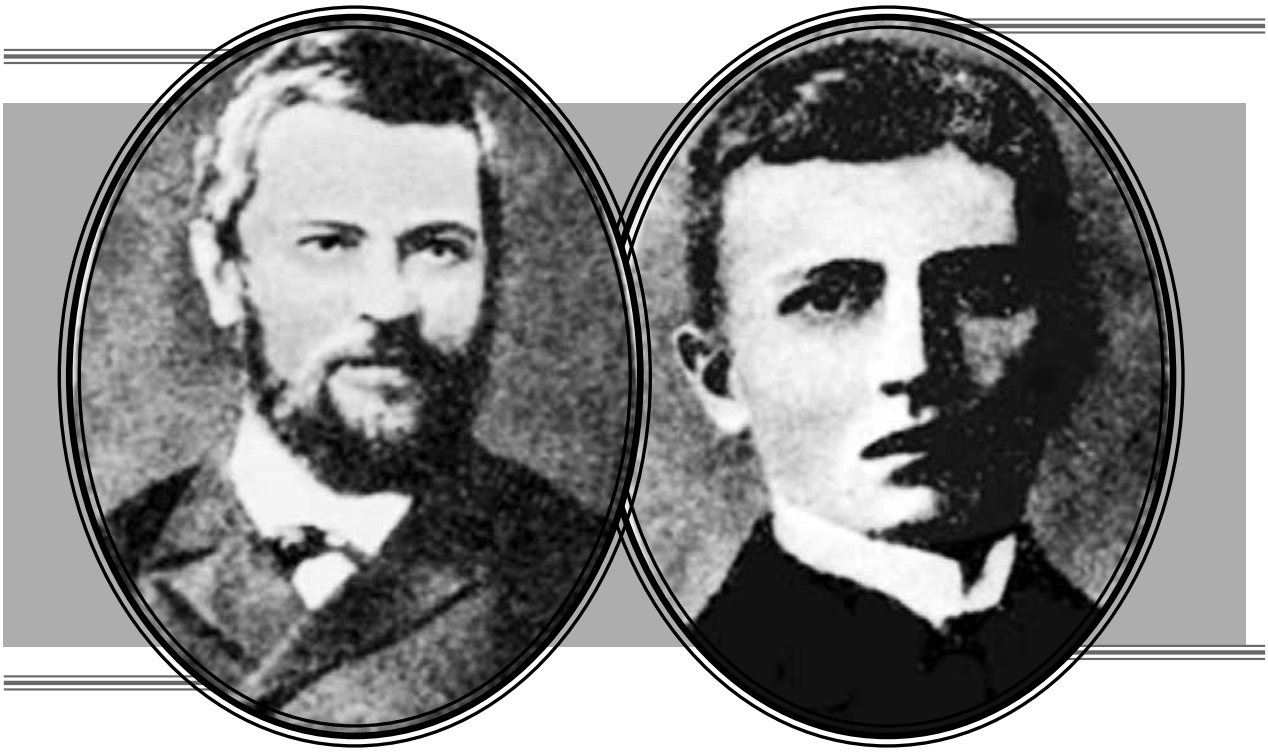
Морозов И.З. ***Морозов И.В.***

ные заседания кадетов. Это, впрочем, было еще неудивительно, так как многие крупные промышленники тяготели в то время к конституционным демократам. Но Савва Морозов был максималистом и радикалом, так что половинчатые реформы, которые собирались провести в России либералы, его никак не устраивали. Закончились его поиски тесным общением с партией, придерживающейся самой крайней социалистической ориентации. Известно, что Морозов давал деньги на издание «Искры». На его средства были учреждены первые легальные большевистские газеты «Новая жизнь» в Петербурге и «Борьба» в Москве.

Не случайно Витте обвинял Морозова в том, что он «питал революцию своими миллионами». Морозов делал даже больше: нелегально провозил типографские шрифты, прятал от полиции революционера Баумана и сам доставлял запрещенную литературу на свою фабрику.

После событий января 1905 года, которые его буквально потрясли, он составил собственную программу социальных и политических реформ. В частности, в ней шла речь об отмене самодержавия, об установлении парламентарной системы с всеобщими прямыми выборами, о свободе слова, печати и союзов, неприкосновенности личности и жилища… 9 февраля 1905 года он выступил с

Представители других ветвей рода Морозовых



Морозов Д.И. *Морозов Н.Д.*

заявлением по рабочему вопросу на заседании правления Товарищества Никольской мануфактуры, в котором, в частности, говорилось:

«*Существующее законодательство и способ его разработки не соответствует потребностям населения и русской промышленности, в частности, необходимо в выработке законодательных норм участие представителей всех классов населения, в том числе лиц, избранных промышленниками и рабочими. Участие этих же представителей необходимо и в обсуждении бюджета, ибо последний является могущественным двигателем в руках государства при разрешении промышленных вопросов страны*».

Заявление предполагалось предоставить в Кабинет министров. Но члены Правления не поддержали заявление Саввы Тимофеевича, как «излишне революционное» и отказались его подписать.

Тогда Савва Тимофеевич задумал единовластно провести на своей фабрике серьезные преобразования, которые должны были дать рабочим право на часть получаемой прибыли. Но мать, обладавшая решающим голосом в правлении, отстранила его от управления делами вообще, не понимая «новомодных веяний и безбожных затей».

Видимо, решение матери стало причиной тяжелого нервного срыва. Морозов начал избегать людей

(с женой у него уже давно не было взаимопонимания), много времени проводил в уединении, не желал никого видеть.

Созванный в апреле по настоянию жены и матери консилиум врачей констатировал, что у Саввы Тимофеевича наблюдается «тяжелое общее нервное расстройство», и рекомендовал направить его за границу. Морозов уехал в Канн и здесь в номере отеля «Ройяль» 13 мая 1905 года застрелился.

Революция 1917 года не обошла стороной и семью Морозовых. Старший сын Тимофей Саввич (15.11.1888 — 21.02.1921 гг.), окончивший математический факультет Московского университета и являвшийся попечителем Московского Старообрядческого института и Коммерческого училища, был расстрелян в 1921 году большевиками. Одна из дочерей — Мария — утонула в Оке при невыясненных обстоятельствах, а вторая дочь — Елена — эмигрировала в Бразилию. Младший сын, Савва, окончил институт инженеров транспорта. Был репрессирован. Позже работал переводчиком в Мострансе, инженером по строительству мостов и скончался в 1964 году.

Внук Саввы Тимофеевича Морозова, его полный тезка Савва Тимофеевич Морозов, был старейшим московским журналистом и писателем. Участник Великой Отечественной войны, почетный полярник СССР, автор романа «Льды и люди» и повести «Дед умер молодым». Он несколько раз приезжал в Орехово-Зуево, встречался с общественностью города, выступал в музее и Зимнем театре. Скончался в Москве в 1995 году.

История Морозовых — это история превращения крепостных крестьян-самоучек в высокообразованных бизнесменов, настоящих интеллигентов и тонких ценителей искусств. Морозовы безуспешно искали выход из назревшего в стране общественно-политического кризиса, пытаясь, с одной стороны, достичь того или иного соглашения с верхами, а с другой — идя на поддержку революционных партий, хотя представить себе не могли, чем обернется эта поддержка.

P.S. **В 1993 году был инициирован так называемый «Морозовский проект» — широкомасштабная программа подготовки кадров новой формации для работы в условиях рыночной экономики и поддержки малого предпринимательства в России. Ядром проекта является учебно-деловой центр «Савва», созданный и активно действующий на базе Орехово-Зуевского химико-экономического колледжа — на родине династии промышленников-предпринимателей Морозовых.**

Широкая и активная совместная деятельность в центре и в регионах, спонсорская помощь участвующих в Морозовском проекте организаций — все это позволило

создать разветвленную систему подготовки нового поколения предпринимателей и поддержки малого бизнеса, которая имеет свои представительства в виде учебно-деловых центров в более чем 60 регионах Российской Федерации.

Будучи негосударственной системой, Морозовский проект завоевал государственное, общественное и международное признание, стал заметной составляющей национальной инфраструктуры поддержки малого предпринимательства, олицетворением того нового, что постепенно, шаг за шагом, утверждалось в российской действительности.

Наконец, возникновение и развитие Морозовского проекта надо рассматривать в контексте возрождения исторической преемственности лучших традиций российского цивилизованного предпринимательства, не потерявших свою актуальность и сегодня.

Полагаю, Савва Тимофеевич Морозов остался бы доволен. ❑

ПЕСНЯ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Алла Зубкова

О Франце Шуберте снято больше фильмов, чем о любом другом европейском композиторе — свыше девятисот. В большинстве гениальный музыкант предстает беспечным гулякой, вся жизнь которого проходила в винных погребках и кафе веселой Вены, где он походя создает свои шедевры. Увы, реальный путь композитора в искусстве был усыпан не розами, а терниями. И, тем не менее, всего за четырнадцать лет он успел создать больше, чем многие выдающиеся композиторы за гораздо более продолжительный срок. В этом смысле с ним может сравниться разве что Моцарт. Шуберт не дожил и до тридцати двух лет. В этом возрасте ни Бах, ни Гендель еще не написали ни одного из своих крупных произведений, а Бетховен был автором всего лишь одной симфонии. На счету же Шуберта огромное количество произведений всех жанров и форм, от симфоний и опер до песен, которых он создал фантастическое количество — более шестисот. Но дело, разумеется, не в количестве.

Франц Шуберт появился на свет 31 января 1797 года в пригороде Вены Лихтентале в семье скоромного школьного учителя. Он был двенадцатым по счету из четырнадцати детей. Правда, десять из них умерли еще в младенчестве. Францу повезло, хотя крепким здоровьем он никогда не отличался. Несмотря на бедность семьи, детство будущего композитора было счастливым. Сухую пунктуальность и педантичность отца умеряли и смягчали ласка и нежность тихой, заботливой матери. Впрочем, толстенький карапуз был так мил и простодушен, что даже строгий отец почти никогда не наказывал его. Шуберты были довольно музыкальным семейством: отец играл на виолончели, старшие братья — на клавире. Музыкальная атмосфера в доме помогла рано проявиться дарованию Франца. Совсем малышом он частенько бегал в фортепианную мастерскую, находившуюся по соседству, и там с наслаждением подбирал аккорды на инструменте. В пять лет мальчик начал посещать школу, где был одним из лучших учеников. К этому же времени относятся и первые уроки музыки, которые дают ему отец и брат. Заметив необычайные способности «Францля», отец отправил его к регенту Лихтентальской церкви, Михаэлю Хольцеру. Тот был в восторге от своего ученика. Он обучил Франца не только пению, но и игре на органе и основам гармонии. Мальчик усваивал науку с такой легкостью, что старому музыканту порой казалось, будто его ученик все это давно знает. А осенью 1808 года одиннадцатилетний Шуберт, с блеском сдав экзамены, поступил в школу-интернат Конвикт, где ученики получали и общее, и музыкальное образование. Комиссию возглавлял сам знаменитый маэстро Антонио Сальери. Франц был на седьмом небе от счастья и гордости. Впрочем, вскоре восторгов у него поубавилось. В Конвикте царила суровая дисциплина, за малейшую провинность грозили нешуточные наказания, вплоть до порки и карцера. К тому же кормежка была такой скудной, что учащиеся постоянно испытывали чувство голода. Сказать, что Франц этого не замечал, было бы лицемерием, но даже голод не мог погасить в нем любовь к музыке. Из-под его пера начали выходить песни, кантаты, фортепианные и струнные пьесы. Единственной проблемой была нотная бумага, которой вечно не хватало, и приходилось разлиновывать обычную. Впрочем, Франц быстро привык и к этому. Он и в более поздние годы порой использовал для нотных записей все, что попадало под руку: оборотную сторону листков календаря и даже ресторанные меню.

Шуберт настолько был увлечен музыкой, что зачастую забывал про другие предметы. Его успехи в богословии и в математике были более чем скромны. Это очень тревожило отца, который вовсе не хотел, чтобы его сын стал музыкантом. Их в Вене

и так великое множество, и далеко не все они могут заработать на жизнь. Пусть лучше Франц пойдет по его стопам — станет учителем.

Между тем Франца «заметил» сам Сальери и начал давать ему уроки. Такой чести не был удостоен ни один из воспитанников Конвикта. Удивительный человек был этот маэстро Антонио Сальери. Второстепенный композитор, он умел снискать расположение сильных мира сего и стал при императоре Иосифе II некоронованным владыкой музыкальной Вены. Всем в столице была известна его острая неприязнь и зависть к гениальному Моцарту. Молва утверждала, что он отравил своего великого соперника, но, скорее всего, это лишь досужие домыслы. Если композитором Сальери был весьма посредственным, то педагогом он по праву считался блестящим. Среди его учеников были Бетховен, а позднее — Лист. Встретив настоящий талант, он самозабвенно и бескорыстно пестовал его. Шуберту он дал очень много. В то же время он не понимал и не одобрял тягу Франца к сочинению лирических песен на национальные темы, стремясь сделать из него в первую очередь оперного композитора в итальянском стиле, к чему у Шуберта не было ни склонности, ни особого призвания. Однако Сальери, разгадав редкий талант юноши, не терял надежды обратить его в «свою веру».

Францу исполнилось пятнадцать лет, когда его из-за юношеской ломки голоса отчислили из певческой капеллы училища. Более того, из-за плохой успеваемости по математике над ним нависла реальная угроза вообще быть исключенным из Конвикта. И тут вмешался Сальери. Он лично обратился к императору, и Иосиф II собственноручно начертал на прошении: «Касательно… Франца Шуберта… я удовлетворяю ваше ходатайство, однако, если он после каникул не исправит своих двоек или на экзамене в следующем семестре снова срежется… он будет немедленно отчислен, ибо пение и музыка — дело второстепенное, главное же — благонравие и прилежание в науках».

Франц Шуберт в юности

Впрочем, вмешательство Сальери лишь ненадолго продлило пре-

бывание Шуберта в Конвикте. Он сам решил порвать с училищем, забросить скучные, ненужные учебники, позабыть об иссушающей ум и сердце зубрежке и целиком отдаться музыке, жить только ею и ради нее.

Осенью 1813 года он завершил работу над своей первой симфонией. На последнем листе партитуры Франц написал: “Finis et ëne” — «Окончание и конец». Окончание симфонии — и конец Конвикту. Он вступал во взрослую жизнь.

Несмотря на бедность семьи, детство будущего композитора было счастливым. Сухую пунктуальность и педантичность отца умеряли и смягчали ласка и нежность тихой заботливой матери. Впрочем, толстенький карапуз был так мил и простодушен, что даже строгий отец почти никогда не наказывал его

Старший Шуберт решил, что настал подходящий момент привлечь сына к профессии, которой он занимался всю жизнь, — Франц должен был стать помощником учителя. Выбора у юноши не было. После ухода из Конвикта ему грозил рекрутский набор, и его уже трижды вызывали на призывной пункт. В те времена солдатчина означала жизнь, сломленную навсегда, ибо измерялась семнадцатью годами. Франц еще не знал, что все его страхи напрасны, так как в любом случае призыву он не подлежал: ему не хватало почти дюйма до минимального роста, требуемого для рекрута. Рост Шуберта составлял всего 156,5 см. Как бы то ни было, вскоре Шуберт уже «сеял разумное, доброе, вечное» в одной из венских школ для бедноты, где преподавал его отец. Молодой учитель был равнодушен к ученикам, те — к учителю. Они не уважали его, но не настолько, чтобы не бояться. Тем более что на высоком столике рядом с классным журналом всегда лежали розги. Когда в классе становилось чересчур шумно, и где-то на задних партах вспыхивала потасовка, он спешил к драчунам и, деловито оттаскав их за вихры, восстанавливал порядок. После чего пугливо оглядывался на дверь: не учуял ли, упаси боже, беспорядок отец, занимавшийся в соседней аудитории. Он обучал своих «приготовишек» читать, писать и считать, а в душе его в это время бушевал нескончаемый поток мелодий. Франц ухитрялся сочинять во время занятий, равномерно меряя класс неторопливыми шагами, но, когда шум, производимый сорванцами, грубо прерывал его музыкальную мысль, терял тер-

пение и, по старому учительскому рецепту отца, хватался за розги. Школа отнимала лучшие часы его жизни, и можно лишь изумляться количеству произведений, созданных им в эти годы. Только за один 1815 год Шуберт написал сто сорок четыре песни, четыре оперы, две симфонии, две фортепианные сонаты, струнный квартет. Среди творений этого периода немало таких, что озарены немеркнущим светом гениальности. Это песни «Маргарита за прялкой», «Лесной царь», «Трагическая» и «Пятая си-бемоль — мажорная» симфонии.

За годы пребывания в Конвикте вокруг Шуберта образовался кружок друзей, искренне любивших его и восхищавшихся его талантом. Шуберт вообще обладал счастливой способностью привлекать к себе сердца. Именно в общении с друзьями он находил не только утешение, но и стимулы для творчества. Среди них были поэты, художники, музыканты. Они подсказывали молодому композитору новые темы и сюжеты для его произведений. Они же становились и первыми слушателями. Как-то в октябре 1815 года, навестив Шуберта, жившего тогда у своего отца, приятели застали Франца в величайшем возбуждении. С книгой в руке, он расхаживал взад и вперед по комнате, читая вслух «Лесного царя» Гете. Внезапно он сел за стол и принялся писать. А когда поднялся, великолепная баллада была уже готова, и композитор исполнил ее восхищенным друзьям. Кстати, почти всегда Шуберт сочинял, сидя за столом, а не за фортепиано.

Хотя Сальери композитором был посредственным, зато педагогом считался блестящим. Встретив настоящий талант, он самозабвенно и бескорыстно пестовал его. Так и в юном Шуберте он смог разгадать редкий талант и очень много дал ему

Однако кроме друзей, был еще один человек, которому Франц поверял свои творческие планы и с гордостью приносил новые произведения. Девушку звали Тереза Гроб. Она была дочерью владельца маленькой шелкоткацкой фабрики, которого, ко времени знакомства с Францем, уже не было в живых. Далеко не красавица — полноватая, неяркая блондинка с круглым детским личиком, слегка отмеченным оспинами, но необычайно доброе и милое существо, готовое сочувствовать всем страждущим на свете. Главное же, она удивительно чувствовала музыку. Тереза пела в церковном хоре — у нее было

очень красивое сопрано, и восхитительно исполняла песни Шуберта. Франц всерьез мечтал о женитьбе. Увы, мечтам этим не суждено было сбыться. Он отчаянно пытался выйти из тяжелого материального положения, которое не позволяло ему даже надеяться на союз с Терезой. Так продолжалось три года, пока, наконец, мать девушки не настояла на браке дочери с преуспевающим кондитером. Тереза стала женой лавочника и прожила долгую однообразно-благополучную жизнь, умерев на семьдесят восьмом году.

Франц тяжело переживал потерю любимой. Спасала только работа. Он создал уже немало произведений, которые оказали бы честь любому знаменитому композитору. Друзья отлично понимали это. Но этого не знала широкая публика, и близкие Франца задались целью пробить брешь в стене молчания и безвестности, окружавшей музыканта. Собрав его квартеты и украсив титульный лист рукописи надписью «Франц Шуберт, ученик Антонио Сальери», они отправили ноты известному издателю Артариа. Ответ пришел быстро и носил оскорбительный характер. «Ученических работ не принимаю», — заявил издатель.

Тогда друзья придумали иной, показавшийся им очень удачным, план — послать произведения Франца великому Гете. Ведь не может гений всех времен и народов остаться равнодушным к творениям, проникнутым столь безусловным талантом,

Антонио Сальери

а несколько одобрительных слов веймарского мудреца, без сомнения, распахнут перед молодым композитором двери всех издательств. И вот в Веймар был отправлен пакет с семнадцатью песнями на слова Гете. Увы, этот план также потерпел неудачу. Через некоторое время в Вену вернулись ноты. И ни единой строки, ни единого слова Гете. До сих пор остается загадкой, прослушал ли автор «Фауста» песни Шуберта. Но, если это и произошло, стоить учитывать, что Гете был завален разного рода предложениями от музыкантов и почти всегда возвращал подобные послания без ответа.

Однако вполне возможно, что песни Шуберта ему просто не понравились, слишком разными были вкусы этих двух людей.

Несмотря на все неудачи, друзья Шуберта и он сам не складывали оружие. Франц понимал, если он хочет создать себе положение в музыкальных кругах Вены, то должен найти талантливого певца, исполнителя его песен. И такой человек в его окружении появился. Звали его Иоганн Михаэль Фогль.

Между тем отношения Франца с отцом, который по-прежнему нетерпимо относился к его музыкальной карьере, ухудшились настолько, что он вынужден был уйти из дома и жить у друзей. Они же помогли ему получить место учителя музыки в семье графа Эстергази, в его летней резиденции, замке Желиз. Еже-

дневно в течение нескольких месяцев Шуберт давал уроки пения и игры на фортепиано двум дочерям графа. За исключением этих уроков, он был хозяином своего времени и наслаждался полной свободой. Наконец-то он мог, сколько душе было угодно, отдаваться композиции. Здесь у него зародились музыкальные идеи, которые позднее вылились в знаменитый «Венгерский дивертисмент» — одно из блистательных творений шубертовского гения. Здесь же он задумал свою «Сонату до мажор», которая создавалась много позже и осталась незаконченной. Кстати, возможно, переживания, послужившие толчком к созданию «Неоконченной сонаты», были вызваны любовными томлениями молодого композитора. В замке Желиз Франц влюбился в горничную графини Эстергази красавицу Жозефину Пекельхофер. Она отвечала ему взаимностью. Правда, у Шуберта был соперник — камердинер графа, за которого Жозефина, или Пеппа, как ее называли в замке, позднее вышла замуж.

После возвращения в Вену Шуберт все теснее сближался с Фоглем. Знаменитый певец, человек эгоистичный, властный и грубоватый, вел себя по отношению к молодому композитору с трогательной заботой и нежностью. Он более, чем кто либо другой, понимал масштаб таланта Шуберта. Подкупала его и поразительная скромность молодого гения. Францу было абсолютно безразлично, что львиная доля успеха доставалась певцу, а он в роли аккомпаниатора получал лишь скупые аплодисменты. Кстати, именно во время поездки Шуберта вместе с Фоглем на родину певца в Верхнюю Австрию, он создал свою знаменитую «Ave Maria».

Надо отдать должное Фоглю — он сделал все, чтобы распахнуть перед молодым композитором двери оперного театра, и благодаря своему огромному влиянию преуспел в этом. В 1820 году состоялась премьера Шубертовской комической оперы «Близнецы». Однако первая встреча с театром радости Францу не принесла. Впрочем, как и все последующие. Либретто «Близнецов», так же, как затем и другие драматические произведения, было бездарно и беспомощно, даже музыка Шуберта, в которой было немало поэзии, искреннего чувства, задушевной выразительности, спасти положения не могла. Кроме того, пора лирической оперы еще не настала. И потому, увы, три встречи с театром не принесли Шуберту ни успеха, ни славы. Он как был, так и остался безвестным музыкантом.

Судьба Шуберта со стороны казалась незавидной. Жизнь, густо просоленная нуждой и лишениями, утонувшая в бездне горестей и несчастья. Так, однако, казалось только тем, кто мало его знал. Сам он меньше всего этим терзался. Кроткий, незлобивый, готовый довольствоваться малым, он не считал се-

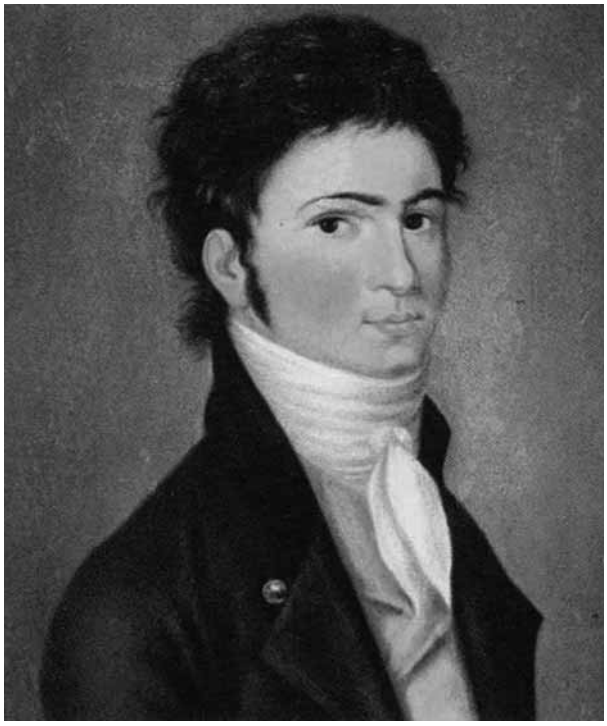
бя обойденным милостями судьбы. Ведь у него была его музыка, были друзья. Без встреч с ними он бы зачах. С ними из молчаливого неловкого увальня он превращался в веселого общительного человека, полного обаяния и юмора. Более того, записать, хотя все же свыше трехсот уцелело. Кстати, сам Франц танцевать не умел.

Кончались праздники и начинались трудовые будни. Композитор предпочитал работать по утрам. Нередко друзья заставали его в по-

Шуберт обладал счастливой способностью привлекать к себе сердца. Среди его друзей были поэты, художники, музыканты, подсказывавшие молодому композитору новые темы и сюжеты для его произведений. Они же становились и первыми слушателями

становился своего рода магнитом, притягивающим других. Поэтому частые встречи с друзьями получили название «шубертиад». Происходили они в разных домах, а летом за городом. Друзья нанимали извозчика, взгромождались в пролетку, до отказа облепив ее, и отправлялись в имение на Дунае под Веной, где управляющим был дядя одного из приятелей Шуберта. Здесь целыми днями гуляли по лугам, устраивали пикники. По вечерам собирались в гостиной. Шуберт усаживался за рояль. Начинались танцы. Каждая из мелодий была маленькой жемчужиной музыкального искусства. Трудно было поверить, что все эти вещи создавались налету. Именно здесь рождались шубертовские танцы, впоследствии украсившие концертный репертуар. К сожалению, многие из них он даже не удосужился стели за работой, с кипами исписанной бумаги.

Шуберт был близорук и, чтобы в любое время иметь возможность взять бумагу и карандаш, даже спал в очках. Когда он сочинял, то забывал обо всем: о еде, мытье, одежде. Ему важно было только иметь достаточный запас табака. Мало-помалу, его сочинения начали печатать. Но Франц был совершенно беспомощен в денежных делах. Пользуясь этим, издатели ловили момент, когда он особенно нуждался, и за гроши скупали его произведения, наживая на них в сто раз больше. Только за пять тетрадей цикла «Песни мельника», за которые он получил сущие крохи, издатель, благодаря переизданиям, имел такой доход, что смог купить себе целый дом. Равнодушие композитора к такому поведению издателя кажется почти невероятным.



Антонио Сальери

Иоганн Михаэль Фогль

Возможно, он вел себя так потому, что был творчески настолько плодовит, что не понимал настоящей ценности своей музыки.

Лето 1824 года Шуберт, по приглашению графа Эстергази, вновь провел в замке Желиз. Он уже не давал уроки дочерям графа, а лишь аккомпанировал старшей Марии — неплохой певице, и играл в четыре руки с младшей — девятнадцатилетней Каролиной. Францу не удалось устоять перед обаянием юной девушки. Впрочем, сегодня никто уже не может с уверенностью сказать, какие именно чувства преобладали в душе музыканта. С легкой руки некоторых приятелей Шуберта родилась легенда о его любви к Каролине, любви возвышенной, поэтичной и безответной. Нужно сказать, что повод подал сам Шуберт. Однажды Каролина в шутку упрекнула его за то, что он не посвятил ей ни одного своего произведения, а он ответил: «К чему же? Ведь и так все посвящается Вам». Кстати, именно эта версия пользуется особой популярностью у создателей многочисленных фильмов о композиторе. Между тем, чувство, которое испытывал Шуберт к Каролине, вряд ли можно назвать любовью. То было спокойное восхищение умом, вкусом и деликатностью девушки. Это нежное сдержанное чувство превратилось с годами в сердечную дружбу, на которую молодая аристократка искренне отвечала.

Шуберт всегда преклонялся перед Бетховеном. Вена не была большим городом, и Франц часто встре-

чал своего кумира на улицах столицы, но ни разу не набрался храбрости подойти к нему и заговорить. Тем не менее, Бетховен был знаком с творчеством молодого коллеги. Незадолго до смерти он, просмотрев ноты нескольких циклов его песен, воскликнул: «Поистине в этом Шуберте живет искра божия! Он еще заставит весь мир говорить о себе!»

Известие о кончине Бетховена потрясло Шуберта. После окончания траурной церемонии он с друзьями зашел в один из венских ресторанов почтить память усопшего. О том, что произошло дальше, друзья Франца вспоминали еще долгие годы. Осушив бокал, Шуберт вновь наполнил его и произнес: «А теперь выпьем за того из нас, кто первым последует за нашим Бетховеном!» Предчувствовал ли он, что пьет за себя самого?

Начало нового 1828 года ознаменовалось для Шуберта большой и неожиданной радостью. Друзья помогли ему организовать авторский концерт. Несколько известных певцов, в том числе и Фогль, вызвались петь бесплатно. Их примеру последовал ряд первоклассных венских музыкантов — пианистов и скрипачей. Концерт состоялся в конце марта. Помещение Общества друзей музыки было забито до отказа. Зал то и дело содрогался от восторженных оваций. Казалось, вызовам не будет

конца. Шуберт был счастлив. Концерт принес и значительный материальный успех. Для Франца, не избалованного деньгами, полученные шестьсот гульденов казались огромной суммой. Неотвязные мысли о хлебе насущном теперь не одолевали композитора. Он мог отдаться музыке, не думая ни о чем, кроме нее, и в его творчестве начался такой подъем, который оставил далеко позади даже его самые плодовитые годы.

Он написал ряд очаровательных песен на стихи Гейне, монументальную кантату «Победная песня Мириам», закончил свою Гаштейнскую симфонию и изумительную по красоте фа-минорную фантазию для двух фортепиано. Сочинил блистательный струнный квартет и бессмертные фортепианные миниатюры, ставшие новыми вехами в развитии мировой фортепианной музыки.

Увы, это был последний взлет творческой фантазии великого композитора. Дни его уже были сочтены. Поначалу недомогание не очень встревожило его, он привык не обращать внимание на плохое самочувствие. Однако состояние его все больше ухудшалось. В кровь уже попали бациллы тифа, которым он заболел, вероятнее всего, выпив зараженную воду в доме своего брата. Болезнь быстро прогрессировала. Шуберт не мог ни есть, ни пить, его мучил жар. Начался бред. Композитору казалось, что он лежит в каком-то незнакомом месте, и умолял брата перенести его в собственную комнату: «Не оставляйте меня в этом углу под землей! Неужели я не заслужил места на земле!» Брату и маленькой сводной сестре Франца с трудом удавалось удерживать его в постели. Когда врач, пытаясь успокоить его, начал что-то говорить о выздоровлении, Шуберт посмотрел ему в глаза и медленно произнес: «Нет, здесь, здесь мой конец».

Он не ошибся. 19 ноября 1828 года в три часа пополудни великого музыканта не стало. Похоронили его на Верингском кладбище неподалеку от могилы Бетховена. В конце XIX века прах обоих композиторов был перезахоронен на Центральном кладбище Вены. Там они рядом и покоятся. ❑

С о стороны судьба Шуберта казалась незавидной — жизнь, полная нужды и лишений, утонувшая в бездне горестей и несчастья. Но сам он меньше всего терзался этим. Кроткий, незлобливый, готовый довольствоваться малым, он не считал себя обойденным милостями судьбы. Ведь у него были друзья, а главное — была его музыка

Кирилл Берендеев

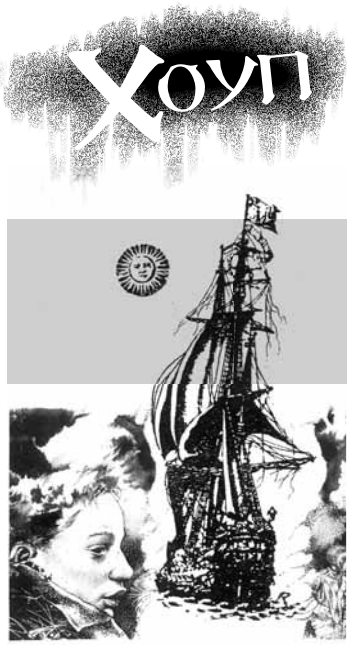
Хоуп

В последнее воскресенье октября шестнадцатого года в гавань города Бар вошел потрепанный годами трехмачтовый китобойный барк «Хоуп». Паруса посерели от колких морозов и проливных дождей, небрежно залатанные, они шумно трепыхались на ветру. Им вторил поскрипывавший рангоут, жаловавшийся на судьбу, заставлявшую столько лет бродить по просторам всех пяти океанов. Судно медленно подходило к пирсу, проплывая меж тяжелых портальных кранов и несмело выискивая место для краткой остановки.

Первым его увидел Иштван Галь, он давно проснулся и теперь неотрывно стоял у окна, пристально глядя на море. Паренек, ни разу не видевший водных просторов до появления в Баре, теперь впитывал каждое мгновение, проведенное в его созерцании, будто пытаясь с ним не то породниться, не то разделить тринадцатилетнее одиночество — Иштван от рождения был сиротой.

— Парусник… — прошептал он словно в забытьи. — Настоящий парусник!

Барак медленно начал просыпаться, мальчики задвигались, поднимали головы, потягивались и вставали. Первым к окну подошел Горан.



— Парни, ей же ей, парусник! Да еще какой! — воскликнул он. — Кровь из носу, если не китобой. Ивица, ты у нас дока, ну-ка, глянь!

Иштвана тут же отпихнули, всем хотелось поглядеть на чудо, впрочем, для него чудо уже кончилось, он отошел и сел на кровать. Туман просыпался на улицы мелкой взвесью. Тучи наглухо закрыли небо, оставив воспоминания о солнце, тепле и лете. Не этих — давних, одиннадцатого еще года. Последнего предвоенного, растаявшего где-то далеко в прошлом, а одна война, сменяя другую, продолжается без перерыва уже четыре года, и будет длиться еще, неизвестно сколько. Кажется, можно приспособиться и к ней. Особенно тем, чей век очень короток и начался вместе с этим веком. И злость, отчаяние, зависть, когда-то попеременно перекипев, оставили в душе мальчишек то незнакомое опустошение, что не всякому взрослому доведется пережить.

Барк немедля оцепили. Офицер восьмого класса, вместе с десятком солдат в потрепанных синих мундирах, взошел на борт, так и не дождавшись схода командира судна. Пробыв там от силы десяток минут, видимо, досмотр заключался в пополнении кошелька обыскивающего, майор спустился на берег и стал отдавать распоряжения то подчиненным, то замершим неподалеку жителям. Но больше всего за судном следили десяток пар глаз, сменяя друг друга у маленького слухового оконца. Даже учитель Крстич, пришедший к ученикам, не мог оторвать взгляда от парусов, пока дверь склада, некогда переоборудованного под ночлежку, где прибывшие ожидали решения военных властей, не отворилась, и двое солдат не рявкнули что-то про приказ. В этот миг показалось, их, так и не нашедших в Баре подходящего пристанища, повезут обратно. Ведь в районе всего Скадарского озера уже две недели проходила операция по поиску партизан, а господина учителя власти дер-

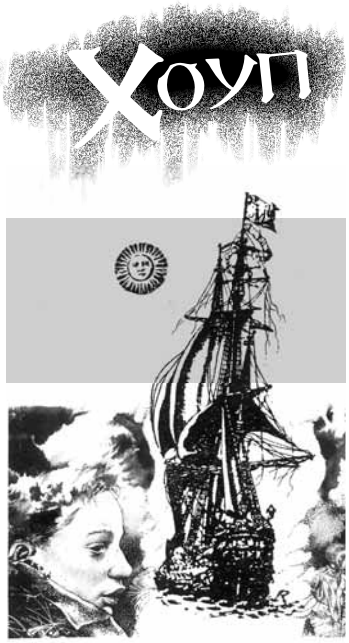
жали на заметке — его брат, партизанивший в горах, давно стал занозой у оккупационных правителей. Крстича постоянно вызывали на допросы, иной раз затягивавшиеся до утра, но всякий раз отпускали. А в начале сентября, когда в приюте должны были начаться занятия, власти приказали оставить помещения под лазарет и отправляться сначала на один склад, затем на другой, после вообще в Вирпазар, а когда выяснилось, что и этот город переполнен беженцами, дезертирами и инсургентами, — уже в Бар. Как раз перед отъездом господин учитель попросил разрешения, чтобы приют покинул страну через миссию Международного Красного Креста.

Поначалу имелась в виду Швейцария. Но Женева не дала добро, видимо, всех, кого могла или хотела принять, уже вместила в свои невеликие границы, речь зашла о Североамериканских штатах, по слухам, охотно принимавших всех, кто захочет сменить разоренную войной родину на тихую, изолированную от всего мира гавань благополучия. Учитель Крстич, рассказывая об Америке, неоднократно поминал президента Вильсона, старавшегося положить конец страданиям простого народа — хотя бы бегством, как поначалу назвали свой грядущий переезд ученики.

Военком согласился. Американец прибыл на три дня позже, теперь ему надлежит быстрее освободить место для прибывающих мониторов и канонерок. Пусть проваливает в Нантакет, раз уж ни у Североамериканских штатов, ни у Красного Креста не нашлось посудины поприличней. Солдаты смеялись собственным шуткам и приказывали шевелиться — барк получил разрешение пробыть в порту всего восемь часов.

Подростки спешно одевались и скучивались у входа. Их должно быть не менее семидесяти, но оккупационные власти предпочли отправить только старший класс, самых беспокойных. Приют расформировали, оставив во главе группы Крстича, младшие классы перевезли в Цетине.

Господин учитель задержался проверить, не забыли ли что, но что можно забыть, если всех пожитков — заплечный мешок? Он оглядел склад и едва не наткнулся на Ивицу, подросток растерянно смотрел на учителя, сжимая в руках котомку. Крстич смешался, Ивица с самого появления прилепился к наставнику, видя в нем куда больше, нежели просто воспитателя. Он-то в приюте не с малых лет, как большинство сверстников, всего — ничего, ни к чему не привык, да и друзей не завел. Отца и старшего брата убили еще во время войны за независимость, мать умерла, его, девятилетнего, взяла на попечение двоюродная тетка, но после первых поражений королевской армии предпочла уехать, оставив Ивицу одного.



Так он и попал в подгорицкий приют, где, наряду с преподаванием, проводились и общественно-полезные работы, ведь до четырнадцати лет ребенок принадлежал государству, а затем его вбрасывали в мир готовым тружеником. В том приюте полагались в основном на столярное дело, но Ивица в занятии не преуспел, зато стараниями господина Крстича влюбился в чтение, все свободное время проводил в скудной библиотеке, чем стал объектом насмешек среди товарищей. Вот и сейчас, когда все прочие поспешили к пирсу, он остался дожидаться учителя.

Крстич молча закрыл двери склада, легонько подтолкнул Ивицу следом за другими, и сам пошел к потрепанному барку. Нетерпеливый заводила Горан приплясывал на сходнях. Вечно сам по себе, сбежав от родителей и попав в приют в восьмилетнем возрасте, он не признавал никаких авторитетов. Горан и старшую сестру пытался увести из дому, но та отказалась. Почему он сошелся с Ивицей, почему иногда поколачивал, не позволяя никому другому и пальцем его тронуть, трудно сказать. Больше всего этого не понимал сам Ивица, но разойтись с приятелем не мог, то ли боялся, то ли привык к колючему нраву товарища. Не разделял только отношения к господину учителю, ведь для «названого брата» авторитетом тот никогда не был. Горан терпел его уроки исключительно для получения документа. Он и выглядел на добрые семнадцать, даже пушок на верхней губе появился. Без документа никуда, не раз говорил он, а с ним устроиться можно подмастерьем, везде рукастые люди нужны. Горан мог хоть канаты плести, хоть ботинки подбивать, — лишь бы платили…

Раздался звонкий перестук сапогов, и по причалу быстрым шагом прошли четверо: обер-лейтенант в новенькой серой шинели, очевидно, из штаба, и трое таких же серых фельдфебелей.

— Милан Крстич? — холодно произнес офицер. Тот только кивнул в ответ, ком в горле не дал возможности говорить. — Вы задержаны на неопределенный срок для дачи показаний. Пройдемте!

— Вы его арестовываете, но за что?! — встревоженно спросил Ивица.

— Вы задержаны, — повторил обер-лейтенант. — Только сейчас пришел «воздух» из Вирпазара: ваш брат Милослав пойман, мы обязаны провести очную ставку.

— Но я не видел его два года. — Господин учитель впервые растерялся, не зная, что делать. Ведь судно скоро отойдет, его ребята, как они будут… А Милослав… он и вправду всем сердцем желал увидеть брата, не при таких, конечно, условиях… И все же, если ему нужна помощь… Но что будут ребята без него делать?..

— Заметьте, мы вас пока только задерживаем. Вероятно, после очной ставки вас отпустят. А они, — кивнул офицер в сторону мальчиков, — подождут вас в Нантакете.

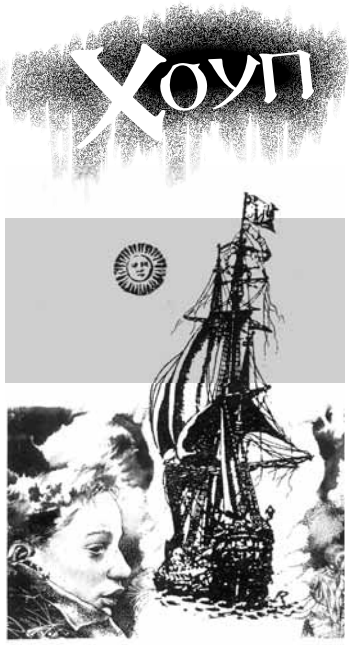
Добра он желал или кривил душой, Крстич не понял, но неожиданно почувствовал, как в бок ему уперлось дуло маузера.

— Не дурите, Крстич, ваши воспитанники сами доплывут.

Побледнев, учитель кивнул, обернулся к ребятам, которые немедля окружили его, и дрожащей рукой помахал им. Горан схватил Ивицу едва не в охапку, будто боялся, что тот мог броситься на выручку, — а ведь мог бы. Крстич прокричал: «Держитесь, я скоро!», подростки заорали в ответ, а потом разом все смолкли. Фельдфебели старательно загнали их на палубу барка и тут же покинули судно. Сходни попадали на причал. Издалека донесся властный голос: «Отчаливай!», и судно все быстрее начало уходить в открытое море.

На барке кипела работа, взбегавшие по вантам матросы ставили паруса, поворачивали реи, чтобы барк скорее подхватил попутный ветер. Вся эта подвижность, текучесть, все это немыслимое быстрое перемещение множества людей напоминало работу муравьев в муравейнике.

— Evening, boys, — окликнул ребят капитан, крепко сложенный, невысокого роста, в длинном помятом сюртуке и широкополой шляпе иссиня-черного цвета, из которой выбивались седые волосы, в матросских расклешенных штанах и ботинках на высоком каблуке с пряжками. — I shall… — Он вдруг замолчал, сообразив, что его не понимают, и стал говорить по-немецки: — Вы, парни, переходите в мое распоряжение до конца путешествия. Проезд ваш мне никто не оплачивал, так что придется отработать. Не волнуйтесь, без дела не останетесь. Если еще не ходили под парусом, команда научит. Теперь два слова о правилах. Меня зовут Хоуп, обра-



щаться либо «сэр», либо «господин капитан», и всегда отвечать, когда задают вопрос. Это старший помощник Стабб, когда меня нет, для вас он — это я. Все поняли?

Ответом ему было невнятное разноголосье, он потребовал повторить, и только с третьего раза «да, сэр!» вышло, на его взгляд, прилично.

— Кто-то мечтал из вас удрать в море? — Иштван зачем-то поднял руку. — Значит, радуйся, парень, твоя мечта осуществилась. Первое время будете драить и тянуть, а потом выясним, кто к чему годен. В Нантакете способные всегда пригодятся. — Капитан зыркнул на Горана, словно ему адресовал последние слова, и, сойдя со шканцев, скрылся в каюте.

Стабб подошел к паренькам, молча позвал всех за собой. Сжавшейся, будто пружина, толпой, они, постоянно озираясь, двинулись следом за ним. Перед ними распахнулась дверь, обнажившая крутую лестницу в темные корабельные недра. Один поворот, другой, третий, они оказались в кубрике, сейчас пустовавшем. Старпом молча покидал мешки мальчишек на свободные двухъярусные кровати, затем, по-прежнему без слов, повел их обедать. Познакомил с коком, и тут только у Стабба обнаружился голос — сухой, надтреснутый, чем-то схожий с самим обладателем — узколицым, невысоким, но старавшимся выглядеть чуть выше, он ходил и сидел так, что к спине хоть линейку прикладывай.

После обеда все вновь поднялись на палубу. Туман сделался еще гуще, «Хоуп» плыл в нем, как в вате. Одежда сразу промокла.

— Вы все новобранцы, а потому занятия дам простые: убирать, драить, найтовать. Кто-то умеет вязать узлы? Сейчас покажу.

К вечеру без дела никто не остался. Как ни старался Ивица, с Гораном его разлучили, так что до позднего вечера, когда рында пробила десять

склянок — время отбоя, — с единственным товарищем так и не увиделся. А после отбоя уже не осталось сил разговаривать. Оба намаялись, обоих разбросали по разным углам узкой комнатки, ужом извивавшейся в недрах барка, да какие тут разговоры, когда пришедшие матросы немедля затянули храпака? Ивица посидел немного на кровати, с непривычки руки и ноги ломило от боли, потом лег и не заметил, как погрузился в тревожный, беспокойный сон…

Едва прозвенели шесть склянок, рожок вытряхнул его из постели.

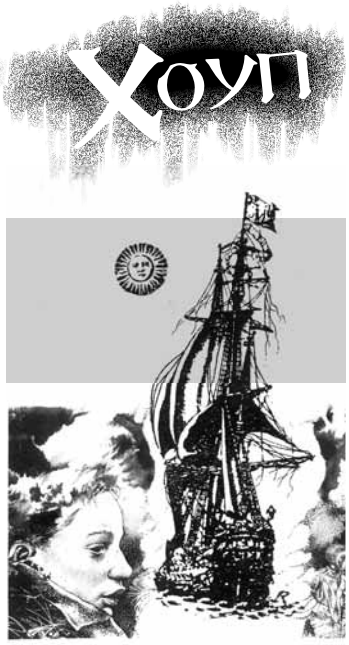
Распорядок на судне поддерживался неукоснительный: в шесть подъем, в десять отбой, меж ними один перерыв на обед, и всегда, хоть в штиль, хоть в шквал, находилось уйма дел, которые надо непременно закончить. Поначалу казалось, капитан нарочно дает им столько заданий, чтобы пассажирами не ехали, и чтобы матросы немного отдохнули. Но все работали много, а отдыхали мало.

Стабб действительно разбросал приютских по разным углам нарочно. Всех причин не понять, но, скорее всего, чтоб осваивались на судне быстрее. Команда немецкого языка почти не знала, первое время общаться приходилось жестами, объясняться руками и ими же поколачивать непонятливых. Ну, да к подобному каждый из приютских сызмальства приучен, это только господин учитель рукам волю не давал, а все прочие пользовались метром исключительно в назидательных целях, а пороли уж раз в месяц обязательно. Говаривали, будто в уставе приюта записано: не поротый ученик к познанию неспособен.

Здесь наука подавалась проще. Стабб заметил слабые мускулы Ивицы и отправил его в камбуз. Горана определили к плотнику, заметив его умения, Иштвана отдали в помощь кузнецу, и их компания, и так не шибко сплоченная, почти распалась. Да и просто поговорить не было ни сил, ни времени.

Хоуп собирался остановиться на острове Пантеллерия, пополнить припасы, раз уж этого не дали сделать в Баре, да заодно прикупить пеньки и парусины побольше, октябрь наступил, а с ним в море пришли шторма. Это сейчас незаметные, а при пересечении Атлантики они не слабо потреплют утлую посудину. Оставалось одно вакантное место, Стабб спрашивал, знает ли кто английский, чтобы помогать ему вести дневник. Но, увы, таких не сыскалось. Почему он не подрядил кого-то из матросов, все мужчины за тридцать, некоторым и вовсе посеребрила виски седина, и хоть команда «Хоупа» и представляла сборную солянку с половины планеты — от Аравии до Квебека, все владели языком в должной мере.

Но первую неделю не до вопросов, она, неясная и сырая, действительно проскочила как в тумане, что окружал их почти все время плавания по



Адриатике. Только когда барк повернул на запад, дни стали проясняться, а ночи светлеть. Как раз в этот момент Ивица получил повышение: старший кок, увидев его усердие и даже увлеченность, стал посылать со стряпней в кают-компанию, разделив обязанность обносить экипаж снедью с молчаливым помощником-ирландцем. Оба — и хозяин кухни, и его помощник — многим походили друг на друга, Ивица, куда более живой, мрачно размышлял, что за месяцы пути заразится и станет похожим на них, чего очень не хотелось. Но и не с кем поговорить толком, каждый спешит поделиться своим, а слушать — не слушает.

Вот только по прошествии недели, когда небо вызвездилось, а судно повернуло на запад…

Ивица принесся к Горану как на крыльях, хоть до склянок оставалось порядком.

— Газета! Не поверишь, капитан читает газету!

Поначалу Горан не понял, потом посмеялся, потом посерьезнел, дал затрещину и потребовал объяснить в деталях. В другой раз Ивица надулся бы, но сейчас подзатыльник — как новое подтверждение отношений с «названым братом». И он зачастил: когда уносил тарелки из кают-компании, вдруг заметил номер некоего «Обзервера», правда, понял совсем немного, да и времени не было, в каюту входил капитан. Успел прочесть только два заголовка: землетрясение в Японии и захват Италией Корфу. Все же итальянцы выступили против австрияков, несмотря на тот ужас, что навел на них дредноут «Тегетгоф», заставивший взять слова об объявлении войны назад и сидеть тихо. Значит, еще не все потеряно, значит, живем. Горан еще раз перетряхнул Ивицу, точно, он ничего не напутал? Это действительно новая газета? Действительно новая, ответил тот. Но откуда? Телеграф, радио? А не все ли равно?

Оба неожиданно обнялись, охваченные позабытой в далеком теперь Баре надеждой. Потом Горан

рассказывал о захвате Корфу уже в кубрике, мальчики трепетали в неясном предвкушении чего-то прекрасного, что ждет их впереди. По обыкновению, молчал только Иштван, но и он долго ворочался, глубоко вздыхая, радоваться вместе со всеми, как и печалиться, он так и не научился.

Наутро Хоуп собрал экипаж на носу. Коротко прошедшись перед матросами, похвалил новобранцев за усердие и труд, а затем сообщил: барк не будет останавливаться на Пантеллерии, Мальту они проскочили, теперь остановятся на Менорке или другом острове, он подумает, в каком из портов.

— Мы можем узнать причину вашего решения, господин капитан? — возмущенно спросил Горан.

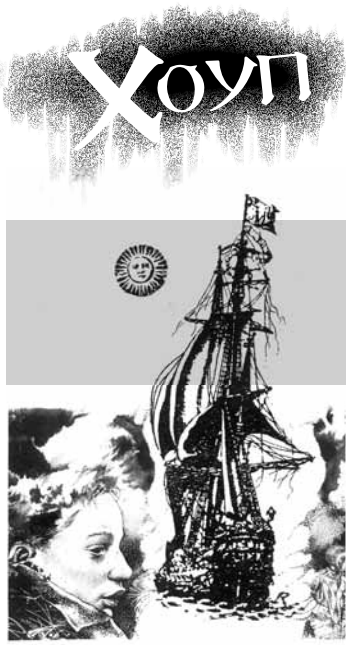
— Фамилия? — хрипло буркнул Хоуп, пристально разглядывая его. Паренек представился по всей форме, и капитан, кивнув, пояснил: — Мне не нравится установившийся в Италии режим. Несколько дней назад они захватили греческий остров.

— Но ведь это значит, они, наконец-то, вступили в войну, — не сдавался Горан.

— Вот именно поэтому. Инцидентов по дороге мне еще не хватало. Все, вопросов больше нет, мы идем дальше. — Капитан круто развернулся на каблуках и поднялся на вахту.

День прошел в тревоге, мальчишки сбегали с работы, шепчась друг с другом и передавая всяческие слухи и домыслы, быстро обраставшие подробностями. Продался австрийцам еще в Баре или раньше? И, если так, куда он их везет, может, не в США, а продаст работорговцам в Алжире? К вечеру страх стал таким паническим, что никто не мог заснуть. А наутро Стабб едва утихомирил мальчишек, напомнив о долге. Иштван, всегда молчавший, вдруг потребовал у него объяснений, спросил, не поменял ли господин капитан маршрут следования. Стабб нахлестал того по щекам, холодно, размеренно, после чего приказал заткнуться и работать — никаких перемен в маршруте не предвидится, а Иштвана вечером накажут. После склянок Иштвана отхлестали прутом и отправили в кубрик приходить в себя. Но вот странно, несмотря на так и не прояснившееся положение, приютским стало легче. И в самом деле, еще несколько дней, они доберутся до берегов Королевства, а там…

В течение трех дней судно проследовало мимо острова, остроглазый Ивица даже разглядел катера, курсировавшие у берега. Миновав Менорку, барк резко взял на юг, видимо, намереваясь пристать к одному из Балеарских островов. Прошли Мальорку, Форментеру, лениво купающуюся в лучах жаркого солнца, еще дальше.



Ивица под разными предлогами подольше задерживался в кают-компании и, как только капитан и старпом покидали ее, начинал лихорадочные поиски. Так он нашел целую стопку «Обзервера», но какую-то странную, потрепанные листы за самое начало двадцатого века и даже за конец девятнадцатого, не подшивка, а разрозненные номера. Покопавшись, он даты так и не нашел, только год, на некоторых был указан и месяц. Выходит, это ежемесячник? Но тогда почему его доставляют каждый день капитану? Да и откуда?

Горан с Борисом разбили барк на сектора и обшарили его весь в поисках хоть какого-то приемника. Но ни скрытых антенн, ни тайных проводов, ни мимеографа, на котором могла прямо здесь, по сообщениям радио или телеграфа, печататься газета, так и не нашли. Вопрос отложили на потом — когда Ивица стал приносить известия о свержении короля Альфонсо XIII, о вооруженных выступлениях, в том числе и на островах, мимо которых проплывал барк. Противостояние новоизбранному президенту Саморе стремительно усиливалось. Сначала в Астурии, а затем и по всей стране началось восстание. В последнем сообщении, полученном Ивицей из газеты, говорилось, что Италия вмешалась в гражданскую войну и захватила Мальорку. Эту статью Ивица прочитал насколько мог внимательно — в небольшой врезке внизу страницы рассказывалось, что за последний десяток лет Италия в значительной степени расширила зоны влияния, захватив немало территорий: Ионические и Додеканесские острова, Корфу, Албанию, Далмацию, Сомали, Эфиопию, Эритрею… список вышел пугающим. Конечно, Англия и Франция могли похвастаться куда большими колониями, но не за такой срок и не в Европе. Да и не во время войны со столь мощным противником.

За стеной послышались шаги, у Ивицы оставались последние секунды, чтобы положить газету

на место. Он успел только взглянуть на шапку «Обзервера» и, разглядев дату издания, вздрогнул от неожиданности. Дата была непонятная, нелогичная — «1939 a.d. May». Ивица выскочил на палубу, где и столкнулся с Хоупом. Бледный как полотно, с искаженным лицом, он чем-то напомнил мальчугану скверного театрального актера, переигрывающего роль Мурада или Сулеймана.

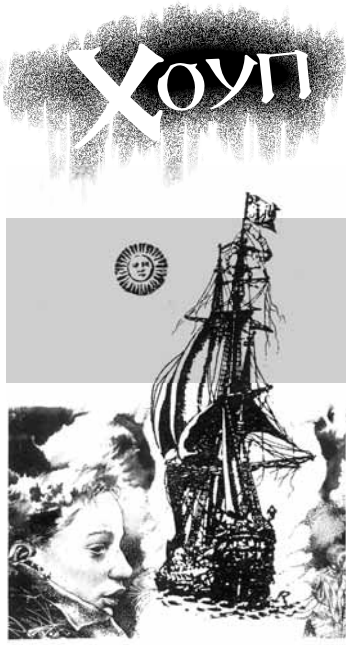
Впрочем, все последние дни Хоуп выглядел худо. Если и показывался на глаза, то лишь для того, чтобы переговорить со старпомом и снова скрыться в каюте. Обеды он стал пропускать, носить же еду капитану Ивице строго воспрещалось, это делал лично Стабб, оставляя для мальчишки лишние минуты нахождения без присмотра в кают-компании, чем тот и пользовался — старательно обшаривал помещение. Как в тот раз, когда нашел кипу старых номеров «Обзервера», или как сегодня, когда детально смог прочесть, пусть через слово, статью об основателе империи и великом председателе правительства Италии с неприятным лицом. Статья о премьере находилась на второй странице, и паренек уже перелистывал ее, как его спугнули чьи-то шаги.

— Проклятая лохань! — ругнулся Хоуп, делая вид, что не замечает Ивицу. — Мы тут как в мышеловке. Не одна страна, так другая, не погромы, так революции. Нет, к черту их всех, идем в Алжир. — Он, наконец, взглянул на Ивицу так, словно только что его увидел. — Вам надо поразмять ноги, засиделись на корабле. А дальше в океан, только в океан, пропади эти моря и проливы пропадом! Вот что, — вдруг наклоняясь к нему, произнес капитан, — тебе ведь нравится здесь, вижу, нравится. Корабль у нас крепкий, сколько бы ему ни стукнуло, еще долго проплавает. Подумай, может, останешься с нами? И друзей своих спроси. Подумай, — повторил он, — время летит ох как быстро. А я здесь всегда.

Паренек не заметил, как домчал до камбуза. Столкнувшись с Гораном, он принялся сбивчиво тараторить, забыв про тарелки, — об Алжире, о предложении капитана.

— А по мне, почему бы и нет, — пожал плечами Горан. — Место доброе, меня тут вроде как приветили. Посмотрим, как шторм пройдет, а то вдруг укачает. И Иштван возражать не будет, он и в Подгорице никого не знал, кроме нас, на кой ему Нантакет… А когда сэр будет набирать, по прибытии или чуток позже? А ты сам? Ведь столько всего про корабли знаешь — и хоть бы раз себе помог. Ну, что за дело, поваренок на кухне.

— В камбузе, — машинально поправил товарища Ивица и замолчал. В самом деле, в подгорицком приюте книги собирались больше на приключенческую тематику, а не только богословские трактаты и наставле-



ния старцев. Видно, прежний директор, да и сам господин Крстич — как он сейчас, отпущен ли, плывет следом? — старались хоть немного да потакать вкусам отроков, с малолетства оторванных от семьи и принужденных искать утешения в чем-то ином, кроме компании себе подобных. Стивенсон, Сабатини, Буссенар, Верн, Лондон, Миклухо-Маклай и другие авторы представляли новых друзей. Ивица особенно любил героев двух последних — одиночек, ищущих испытания для тела и спокойствия для души. Трудностей и в его жизни хватало с избытком, а за чтением можно представить, как, пусть нелегко, пусть непросто, но можно их все преодолеть. Больше всего ему нравились книги о море, потому, наверное, что путешествия по морю, тогда еще, до войны, с родителями, оставались самыми приятными воспоминаниями.

Не сказать, что сейчас все было хорошо — «Хоуп» походил на другой приют, только для тех, кто постарше. Ивица не знал, что его ждет в Нантакете, не особо верил в лучшее, как, наверное, и все здесь, но предложение капитана оставило холодный отпечаток в душе. Да и Борис воспротивился:

— Не буду я тут годы корячиться ни за грош. Из Нантакета махну в Нью-Йорк, там, поди, работу можно найти получше, чем паруса трясти да канаты плести.

Перед склянками Хоуп собрал экипаж. Он был бледен, кусал губы, словно получил еще одно послание, новую газету. А, может, так и было.

— Война расползается, — зло бросил он матросам и оглянулся на Стабба. Тот стоял рядом, на шканцах, изредка касаясь помятой куртки Хоупа, под которой виднелась застиранная рубаха и кое-как повязанный шейный платок, словно успокаивал этими прикосновениями капитана. — Вся лохань Средиземного моря охвачена ею.

Америка пока не участвует в войне, но не так давно крупно вляпалась, может вляпаться повторно. Я не знаю, как отреагируют на наш флаг, — махнул он на изодранную полосатую тряпку с кругом звезд в синем крыже, — в Баре мне уже высказали пару ласковых. Я бы мог поднять испанский, это судно когда-то носило королевский штандарт, но сейчас там республика, а за неправильный флаг в любом порту могут вломить. Особенно сейчас. — Хоуп помолчал немного и добавил: — Мы идем в Оран. Но если и там… поспешим.

Пробурчав последние слова, он круто развернулся и бухнул дверью каюты. До самого порта его почти никто не видел. Да и не до него было — на следующий вечер Ивица утащил две газеты, по настоятельному требованию Горана, который должен был своими глазами увидеть и во всем разобраться.

«Бутафория», — буркнул он поначалу, заполучив номера, английский давался ему с трудом. Проще всего было отдать газету Борису, но тот, как всегда, когда просили, начал ломаться. Пришлось напомнить, кто главный. Не совсем номера, пояснил Борис, подборка статей с такого по такой-то месяц, потому газета и толстая, на тридцать две полосы. Может, капитан увлекается фантастикой?

— Тут много чего непонятного написано, особенно про передвижные цистерны с пушками, ракетные бомбардировки и много чего еще. На Жюль Верна похоже, — несколько разочарованно произнес Ивица.

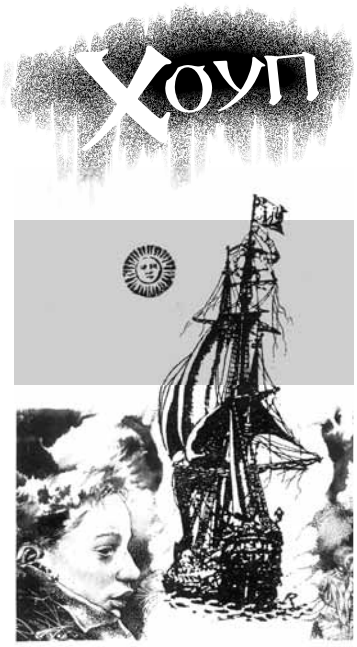
Иштван разглядывал номера последним, долго листал, прежде чем вернуть, пробурчал: «Все может быть. — И добавил: — Я, наверное, останусь», сделав ударение на слове «наверное», чтобы стало понятно, с кем он теперь. Тем более что следующую ночь вахтовать ему.

Вернулся Иштван под утро, сосредоточенное выражение лица говорило, что ему хочется многим поделиться, но только натура не позволяла. Оставшись один, Иштван забылся беспокойным сном, а когда проснулся, тут же разыскал Ивицу и заговорил с ним. Слова давались ему с трудом.

— Странный прибор видел, что-то вроде шара. Господин капитан его каждую полночь проверяет, мне Вилл, рулевой, сказал. Не компас, не астролябия, там деления от одного до одной к тремстам шестидесяти пяти по кругу, вот так: один, одна вторая, одна треть, четверть… На «Кодак» похоже, помнишь, у господина учителя… — Ивица невольно вздрогнул, и Иштван тут же добавил: — Сам посмотришь, скоро тебе стоять.

— На скольких сейчас стоит? — вдруг спросил Ивица.

— Одна двадцать четвертая, — замявшись, ответил Иштван.



Оба замолчали. Ивице хотелось еще посидеть, но не получилось, так и разошлись, думая об одном, да порознь. Спускаясь в трюм, он видел, как Иштван подошел к борту и долго всматривался вдаль, будто надеялся увидеть стремительно приближавшийся берег — барк шел ходко, крепчавший ветер раздувал паруса, подгоняя судно. Вечером он перешел в шквал, но приказа снимать паруса не поступило. Судно рвалось на юг, подгоняемое колючим ветром.

Поздней ночью на горизонте показалась земля, «Хоуп» буквально ворвался в порт. Суета, шум, гам, матросы загрохотали коваными башмаками по палубам, стремительно взлетали по вантам, травили гики, выбирали фок и грот: судно теряло ход, истошно визжа под напором безумствовавшего ветра, направляясь к самому дальнему пирсу — бетонной скале, одиноко белевшей в свете стремительно светлеющего неба. Пара минут, начался и закончился восход, будто выпущенное из темницы светило стремительно поднималось по небу, спеша в зенит. Перед высыпавшими на палубу мальчишками открылась картина полупустого порта, чей век или уже прошел, или еще не настал, величавые портальные краны, сгрудившись, позванивали, жалуясь на долгий простой. Капитан крикнул портовым на скверном французском, его едва поняли, но швартовы приняли, сходни подали. Кто-то из начальства поднялся на борт, объяснился, польстившись на золото, незамедлительно согласился на все и принялся отдавать распоряжения. Хоуп развернулся и стал командовать своими, включая и Стабба, старпом ушел в трюм и там руководил разгрузкой. Ивица уже не выбирался с кухни: капитан пригласил отобедать начпорта, а тот пригласил и своих помощников, так что коку и его подручным работы прибавилось вчетверо.

Все ждали вечера. Хоуп уже предупредил новичков: без его команды никто борт не покидает

ни при каких обстоятельствах, только вечером, как работы стихнут. Но за работой мало кто смотрел на дразнящий устойчивой надежностью берег, времени не было: матросы меняли марсели и стаксели, принимали и найтовали груз. Хоуп распорядился с ходу сменить часть бегучего такелажа, пока хозяин Орана столь щедр. Истертые центнеры пеньки отправили в трюм на размотку.

К вечеру, когда гости ушли, экипаж едва держался на ногах. Зато Хоуп выбил у начпорта две недели спокойной стоянки, надо осмотреть судно от бушприта до кормы, проверить, поправить. Всем будет время прогуляться.

Наутро Ивица понес завтрак в кают-компанию, долго искал газету, но так и не нашел, позвал капитана и старпома, но не дозвался. Услышав странные сдавленные стенания из каюты Хоупа, он подумал, что капитану стало плохо, что-то с сердцем, как у его покойной матушки. Не постучавшись, Ивица ворвался в каюту и замер. Хоуп сидел на кровати, покачивая головой, закрытой ладонями, и… плакал?

Паренек не знал, что ему делать, а капитан поднял на него покрасневшие глаза и глухо произнес:

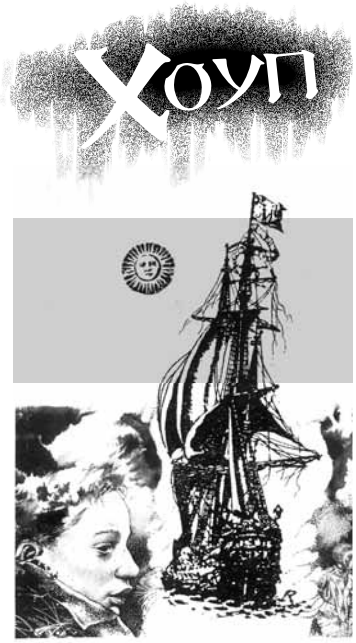
— Стабб ушел. Еще ночью ушел в город.

— Надолго?

— Если ушел, то навсегда. Как я без него, он ведь со мной с самого Бостона, он для меня — все. Не знаю, почему, не знаю, не знаю, — несколько раз повторил Хоуп, потом снова взглянул на Ивицу: — Не понимаешь? И я сначала не понимал. Видишь ли, мальчик, я тут, на корабле, с десяти лет обитаю. Только здесь. Не знаю даже, сколько лет прошло, сколько стран, морей пройдено. Самого себя не знаю. Первое, что помню: очнулся посреди океана, вцепившимся намертво в крышку рундука, ко мне подплывала лодка, из нее махали люди, ободряли. Потом меня подняли на борт. Этот вот. Тогда «Хоуп» именовался иначе, неважно как. Когда я стал намного старше, и прежний капитан ушел, я назвал его «Надеждой». А как еще? Только им и жив. Когда капитан ушел, было очень тяжко. Одному, среди таких же, как я, пацанов, набранных по всем углам мира. Стабб стал мне как отец, он мудрый человек, он… И он все-таки ушел.

— Сэр, я могу… — прошептал Ивица.

— Можешь. Идем. Новобранцам пора на берег. — Положив руку ему на плечо, Хоуп повел Ивицу к борту и приказал созвать новобранцев. Вглядываясь в лица девятерых мальчишек, стоявших перед ним нестройным рядом, он пробормотал: «Мал у меня экипаж», и разрешил всем сойти на берег.



Единогласное «ура!» сотрясло судно — мальчишеские ноги в неудобных, не в размер, башмаках сотрясли сходни. Мчались по одному, по два, едва не падая на бетон пирса, норовя поскорее добраться до твердой земли, ощутить, почувствовать ее, прикоснуться. Ивица рванулся за ними, побежал следом, но вдруг споткнулся и замер у сходен.

Там, на берегу, происходило что-то немыслимое. Сошедшие с корабля начали стремительно прибавлять годы, возвращая позабытые дорогой десятки лет. Горан, едва успевший осмотреться по сторонам, немедля истаял горсткой пепла, развеянного по ветру. Ивица будто услышал голос, прошелестевший в голове: взят вместе с Крстичами у Скадарского озера, погиб при попытке к бегству. Еще один скончался в фильтрационном лагере от холеры. Другой, чуть позже, забит черно-рубашечниками…

Невозможно было оторвать взгляда, невозможно было и смотреть. Ивица оглох и ослеп, поэтому даже не почувствовал, как Хоуп схватил его за плечо и заорал что было сил:

— Назад! Все на борт!

Подростки не успевали взрослеть… Двадцать лет, двадцать пять… Кто-то поехал освобождать Корфу, кто-то отправился на помощь республики в Испанию — господин учитель воспитал достойных людей, свято верящих в идеалы братства и справедливости, и теперь им всем приходилось расплачиваться за убеждения учителя.

Иштван переселился в Венгрию, пытаясь хоть там найти родные корни, его, убежденного коммуниста, сдали властям, обвинив в мятеже; по приказу регента Хорти, его и еще двадцать сторонников расстреляли. Борис, единственный, кто обрел семью, переехал в Скопье, обзавелся собственным делом. После убийства усташами и болгарскими нацистами короля Александра I попал

в сербский список как предатель своего народа, тяжело ранен во время погромов, а через три дня…

— Быстрее же, быстрее!

Борис споткнулся на последней ступеньке, грохнулся на пол барка, пятная его кровью. Ивица бросился к нему, нагнулся, пытаясь проверить пульс, но не находил его.

— Корабль Красного Креста не дошел до Бара, — произнес Хоуп. — Не то наткнулся на скалы, не то австрийцы потопили. Меня по дороге приняли за него, сообщили, что я должен взять на борт сирот и отвезти их в Нантакет. Мне говорили о семидесяти, видимо, отпустили не всех. А раз так… мне нужен был экипаж. Первый раз останавливался во время войны, даже представить не мог, что она настолько затянется и затянет вас всех в свои жернова.

Борис вдруг резко поднял голову, встряхнулся, поднимаясь на ноги, — живой, невредимый. В чужой одежде с чужой жизнью за плечами. И там, где никак не должен оказаться.

— Мне что, привиделось? — недоуменно спросил он.

— Ты умер и попал сюда, — кивнул Хоуп. — Я должен был отвезти тебя в Нантакет, но теперь ты точно преставишься, если сойдешь с барка. Тебе повезло, что успел подняться на борт до начала тридцать девятого.

— Значит, и газета, и что там Иштван наговорил про астролябию, или как там… все это… — Борис вздрогнул всем телом.

— Я даже не знаю, сколько мне лет по времени судна. Двадцать, вряд ли больше, — снова заговорил Хоуп. — Последний раз я сходил с барка… задолго до Стабба и бостонского чаепития. — Он наконец разжал руку на плече Ивицы. — Думаю, мы не будем ждать. Запасов много, деньги на судне всегда найдутся, так уж оно устроено, а куда плыть, узнаем из газет. Думаю, нам не стоит навещать Европу раньше, чем через лет пятьдесят. Но я надеюсь, что вы будете отличной командой. Ведь я видел ваши жизни. — Он вдруг замолчал, а затем, обернувшись, отдал сигнал к отплытию. Слова потонули в грохоте ботинок, эхом прозвучавшим над блеклыми от жары, пустынными небесами.

К вечеру барк покинул акваторию Орана, а через несколько дней вышел в Атлантический океан… ❑

Сергей Терехов:

«Научиться можно, научить нельзя»

Сергей Терехов — доцент кафедры сценической речи, педагог кафедры мастерства актера и режиссуры факультета музыкального театра Российского университета театрального искусства — ГИТИСа, педагог Молодежной оперной программы Большого театра России.

— Сергей, недавно вы вернулись из Франции, где находились с артистами Молодежной оперной программы Большого театра. Эта поездка была необычной?

— Я подготовил, как режиссер, полуконцертную версию фрагментов из опер «Иоланта» и «Орлеанская дева» Петра Ильича Чайковского.

Можно сказать, что это было музыкальное романтическое путешествие по Франции с посещением исторических мест, связанных с действием опер, по местам короля Рене. Камерные концерты проходили в старинных замках Лакост, Азе-

ле-Феррон. Действие «Иоланты», как вы помните, происходит в XV веке, в Провансе, в горах Южной Франции, там и находится древний замок короля Рене, там жила прекрасная Иоланта. Его окружают огромные орлеанские леса, протекает река Луара… Эти места связаны с легендарной героиней — Жанной д'Арк.

В Лакост мы приехали по приглашению знаменитого Пьера Кардена, который вот уже четырнадцать лет, традиционно, в прекрасном уголке Прованса проводит свои музыкальные фестивали. В исполнении молодых артистов прозвучали также романсы Петра Ильича Чайковского. В гастролях принимали участие Анна Нечаева, Кристина Мхитарян, Юлия Меннибаева, Борис Рудак, Петр Мигунов, Юлия Мазурова, Андрей Жилиховский, Павел Червинский, Даниил Чесноков, Арсений Яковлев.

— Когда была основана Молодежная оперная программа Большого театра ?

— В октябре 2009 года. С целью подготовки для спектаклей новое поколение талантливых артистов, тринадцать певцов и три пианиста, проходят обучение в ее рамках. Занятия вокалом, мастер-классы известных певцов и педагогов-коучей, изучение иностранных языков, пластики и актерского мастерства. Каждый из певцов Молодежной программы имеет сценическую практику, участвует в спектаклях и концертах Большого театра. Видные дирижеры, певцы с мировыми именами входят в совет консультантов и педагогов, такие мегазвезды как Елена Васильевна Образцова, Евгений Нестеренко, менеджеры крупнейших оперных труп, известные импресарио.

Аналогичные программы давно и успешно существуют в театре «Ла Скала», «Метрополитен-опере», Ковент-Гардене, Парижской национальной опере, Баварской опере, Мариинском театре.

— Студенты Молодежной программы в своем большинстве из России?

— География обширна и необъятна, ребята из различных городов нашей страны, многие из Украины, Беларуси, Молдовы.

— А москвичи есть?

— Один только — Арсений Яковлев, очень интересный студент, прекрасный тенор, ему всего двадцать один год. Я думаю, что из него получится хороший артист.

— Кто еще из студентов подает надежды?

— Андрей Жилиховский — он дебютировал в постановке Большого театра « Так поступают все», исполнял главную партию с замечательной Юлией Мазуровой. Есть прекрасная певица-актриса Кристина Мхитарян, она творческая личность, в ней есть какая-то внутренняя неуспокоенность, что очень важно для артиста. Вообще, надо сказать, нагрузки у студентов очень большие. Не все их выдерживают, некоторые срываются и уходят.

— Сергей, как вы считаете, ГИТИС сегодня изменился?

— Да, конечно, и в лучшую сторону. Радует, что большинство выпускников работают в мюзиклах, в оперетте, в музыкальных театрах — то есть, по специальности, а это очень важно. Но беда в том, что образование в РАТИ сократилось до четырех лет. Третий и четвертый годы обучения — это дипломные спектакли, и получается, что на вокальную подготовку заложено всего два с половиной года.

— Кого выпускает факультет музыкального театра ГИТИСа, и какой подготовкой нужно обладать для поступления?

— В основном на факультет поступают дети подготовленные, у которых в арсенале есть музыкальная школа или музыкальное училище, которые с ранних лет занимались музыкой. Они качественно, если так можно выразиться, другие, с особым внутренним строем.

При поступлении требуется вокальная подготовка или наличие хороших вокальных данных. Абитуриент должен исполнить арию из оперы, оперетты, русскую народную песню, романс — надо показать владение голосом. Кроме того, он должен прочесть стихотворение, басню, прозу. Также экзаменационная комиссия обращает внимание на пластику абитуриента. Студенты с обычного актерского факультета сильно отличаются от студентов музыкального театра. Благодаря хорошему образованию, наши студенты находят для себя разные творческие пути. Умеют петь, танцевать, играть, хорошо двигаться на сцене, а это крайне важно для того, чтобы состояться в актерской профессии.

В обучении в первую очередь «идешь» от голоса, от индивидуальности студента, который станет потом артистом. «Не навреди!» — наша основная заповедь обучения.

Нельзя допустить перевеса в сторону чисто вокальной школы. Мы работаем так, чтобы студент по-настоящему слышал, видел и ни в коем случае не имитировал. Дается многогранное образование, но у каждого своя дорога в жизни. Наши выпускники работают во всех оперных театрах, в мюзиклах, например, в «Красавице и чудовище», идут на эстраду, играют в кино, в драматических театрах, в таких, как «Сфера», имени В. Маяковского, имени Н. Гоголя и в других. Можно сказать, что наш выпускник получает универсальное актерское образование.

— А развить вокальный голос можно, или он дается от рождения?

— Развить можно, но есть так называемая искра божья в человеке. Бывает и так, что природные данные могут открыться не сразу. Это зависит от того, какой «ключик» к ним подобрать. У нас на курсе есть студент, который пришел со средними данными, но сегодня он поет так, что его «не узнать». Нашли «ключик», правильный, индивидуальный подход, и студент открылся. Бывает, что «голосово» абитуриент не очень показывается, но мастер курса идет на риск, и потом, в процессе обучения, студент показывает отличные результаты. Есть случаи, когда среднего уровня абитуриенты поступали и педагоги не верили в то, что они будут «срывать звезды с неба», а они прорывались вопреки всем прогнозам вперед.

— Какие дисциплины, на ваш взгляд, самые важные при обучении?

— Практически все. Образование дается всестороннее. Среди общеобразовательных предметов есть иностранные языки, сценогра-

фия, история костюма, история живописи, литературы — нашей и западной, театра — отечественного и зарубежного, театра музыкального...

Читают лекции по истории России, всемирной истории. Лекционных дисциплин вообще очень много. И, конечно, студентам нелегко. Помню, как во время экзаменов, будучи студентами, мы трудились круглые сутки: у нас специальность — с утра до ночи, а тут еще надо столько всего читать... У нас вообще занятия начинаются в 10.00 утра, а заканчиваются — в одиннадцатом часу вечера, а то и позже. И не обязательно первыми в расписании будут стоять лекции. Это может быть и мастерство актера, и сценическое движение. И тогда это вдвойне тяжело: утром организм еще не разогрет, а работать уже надо с полной отдачей. На лекции еще можно подремать, а вот на специальности такое не проходит.

Но, как правило, все общеобразовательные дисциплины сосредоточены на 1-3-м курсах. Дальше — 4-й и 5-й — это только мастерство, и вообще больше творческой работы. Может быть, нам специально столько предметов поставили вначале, чтобы мы не расслаблялись. Наш великий мастер, Георгий Павлович Ансимов, говорил: «Я люблю перенагружать».

— Студент-первокурсник музыкального факультета проходит также и хорошую актерскую школу?

— Конечно. Начинают учиться с этюдов, наблюдений, с показа предметов, животных, в общем проходят все то же, что и студенты актерского факультета, только к этому добавляется работа над голосом. Определяются среди студентов сразу: баритон, бас, тенор, определяется и его амплуа. Если он тенор — то всегда будет героем. В свою очередь, тенор подразделяется на лирический и драматический. Лирическому свойственны мягкость тембра, способность к передаче мелодий певучего характера и легкая подвижность. Драматический отличается большой силой и широтой звучания на всем диапазоне. Бывает также тенор лирико-драматический. Баритон — это мужской голос, по высоте средний между тенором и басом, обладающий большей гибкостью и разнообразием тембра, чем бас, и более мощный и сочный, чем тенор. Бас — самый низкий мужской голос и очень глубокий.

— Как еще в детстве можно определить, музыкален ребенок или нет?

— Раннее проявление музыкальной впечатлительности, различные формы активной деятельности — пение, подбор по слуху, импровизация, наличие устойчивой потребности в художественных впечатлениях, достаточно выраженный характер музыкальных предпочтений, естественная, не привитая взрослыми, экспрессия и нюансировка в исполнении, соотношение между результатом и затраченным трудом.

— Музыкальный слух и музыкальный ритм можно развить?

— Человек, даже очень одаренный в музыкальном отношении от природы, все равно не рождается с какими-либо определенными и совершенными музыкальными вкусами. Его дальнейшее понимание музыки будет соответствовать тем воспитывающим факторам и оценкам, с которыми он столкнется в процессе обучения.

И слух, и ритм можно воспитать у человека, если правильно и серьезно к этому отнестись, но только при условии, что он к этому способен.

Способности — это фундамент, на котором строится многое в процессе воспитания и обучения. И даже при наличии этих качеств очень важно трудолюбие ученика, его желание учиться.

— Многое зависит от педагога в вокальном обучении студента?

— Конечно. Бывают случаи, что студенту педагог не подходит, и здесь не может быть никаких обид. Нужно найти в себе смелость признаться в этом и перейти в другой класс, к другому наставнику. Понимающий педагог такой поступок не осудит, наоборот, скажет: «Иди! Пробуй себя!» Ведь он для студента — вторая семья, это человек, который всегда поймет и поддержит, не оттолкнет, направит ученика в нужное русло.

— Ваши студенты, помимо вокала, занимаются и танцем, что крайне необходимо для артиста...

— Занятия танцем, пластикой — необходимая часть обучения артиста.

Музыкальность — это свойство человека тонко чувствовать и понимать музыку. Без нее немыслима работа ни одного работника, связанного с хореографией, будь то артист балета или балетмейстер-постановщик, репетитор или педагог.

Музыкальность — это одно из первых и непременных условий и требований при занятиях хореографией. Сегодня оперные артисты совсем другие, чем десять-двадцать лет назад. Они подтянутые, спортивные, очень пластичные. Если на сцену выходит в опере «Евгений Онегин» Татьяна, то я хочу из зрительного зала видеть стройную молодую девушку, а не необъятных размеров «тетю». Артисты оперы сейчас понимают, что внешняя форма очень важна.

— Что вас огорчает в некоторых молодых артистах сегодня?

— Ограниченность, успокоенность, бывает так, что у певца полное отсутствие интереса к истории создания оперы, он спел свою арию хорошо, и этого достаточно… А кто его герой, почему он поступает так или иначе — ему безразлично. Актерское мастерство

в консерватории существует на уровне факультатива, там воспитывают чисто вокалиста, вокализация ставится на первое место, и это большая ошибка. Все великие певцы еще и большие драматические артисты: Мария Каллас, Федор Шаляпин, Елена Образцова, Анна Нетребко….

Меня удивляет, что некоторые артисты поют на родном языке так, что, сидя в театральном зале, зритель понимает лишь какие-то отдельные слова, а ведь это носители русского языка! Артист занимается извлечением звука, и складывается впечатление, что он не понимает, о чем поет. Это ужасно!

— Скажите, пожалуйста, процесс обучения ваших студентов можно назвать просветительским?

— Конечно! Театр всегда был просветительским. Зритель приходит в театр, чтобы познавать что-то новое, а не развлекаться. Раньше, лет десять тому назад, актер, диктор телевидения и радио всегда были представителями культуры: голос, произношение, четкая дикция — по этим профессиональным признакам они сразу отличались от других. Было много среди них ярчайших индивидуальностей. Театр драматический всегда был идеалом языковой нормы произношения. Зрителей нужно подтягивать до уровня культуры. Я призываю к тому, чтобы актер был думающим, имел гражданскую позицию, чтобы он вел зрителя к культуре, а не стремился только « стать звездой и пожинать лавры».

Театр — это Храм, если в него ты, артист, пришел, то служи. Не зря ведь истинные артисты с гордостью говорят о себе: «Я служу в театре!»

— Что особенно важно в обучении студента?

— Научиться можно, нельзя научить. Главное, все время находиться в творческом поиске, не останавливаться на достигнутом. Сегодня бывает так, что поступает абитуриент на актерский факультет и думает, если стал я студентом, то уже всего достиг. Поступить — не значит поймать птицу счастья за хвост. В театре нужно ежедневно доказывать, что ты состоявшийся актер, и нельзя забывать, что при взлетах бывают и падения. Актер должен быть бойцом, должен постоянно бороться. Студентам нужно много работать над собой, забыть о личной жизни, о развлечениях. При поступлениях в ГИТИС абитуриенты ходят толпами, а при зачислении, во время обучения, начинают лениться.

Приятно заниматься с молодежью, которая любит учиться! Талант, данный вам от природы, это еще далеко не все — нужно его постоянно шлифовать, а иначе талант можно и потерять.

Кто в обучении никогда не успокаивается, тот обязательно добьется успеха. ❑

Беседовала ***Елена Воробьева***

Денис Логинов

Русская императрица

РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

Несмотря на обилие документов — в основном, германских хроник конца X– начала XI веков, в судьбе этой женщины достаточно трудно разобраться. Кто она была — невольная соучастница преступлений своего нелюбимого супруга-императора или просто жертва его воистину дьявольских деяний? Один супруг у нее был или все-таки два? Правду ли писали о ней в древних летописях, или все это выдумки скучающих монахов-летописцев? Достоверно известно только одно: внучка Ярослава Мудрого, дочь князя Всеволода и сестра князя Владимира Мономаха была отправлена в Германию в четырнадцатилетнем возрасте и вернулась в родной Киев почти тридцать лет спустя, чтобы принять постриг и умереть. Евпраксия Всеволодовна, Адельгейда, Агнесса, Пракседа, безвестная монахиня — это все одна и та же женщина с удивительной и трагической судьбой.

Ее отец, князь Всеволод, славился не только умом, но и красотой: огромные серые глаза и густые золотистые волосы Евпраксия унаследовала от него. От матери к ней перешли спокойная мудрость и гордость. Возможно, гордость была вообще фамильной чертой: первым браком князь Всеволод был женат на византийской царевне Марии, дочери императора Константина Мономаха. Она родила мужу сына Владимира (будущего Мономаха) и дочь Янку. А от второй супруги, Анны (по одним сведениям — половецкой княжны, по другим — освобожденной князем из плена русской боярышни), у князя были сын Ростислав и дочь Евапраксия.

Евпраксия росла в Киеве, при великокняжеском дворе, где получала, как это было тогда принято на Руси, довольно основательное образование. Княжон учили так же, как и княжичей: не только грамоте, но и математике, азам философии, «врачебной хитрости», календарной астрономии, «гиштории», «глаголению инемными языками». Помимо обязательных предметов, Евпраксия, как утверждают русские летописцы того времени, «переняла от матушки знатное искусство боя без оружья». Что это было за искусство, остается только догадываться, но известно, что сама княгиня научилась ему от иранской рабыни еще в половецком плену.

Красивой и рослой девочке исполнилось двенадцать лет, когда в 1083 из Германии на Русь пришло свадебное посольство от саксонского дома фон Штаденов. Свахой была овдовевшая княгиня Ода, супруга одного из умерших братьев князя Всеволода. В Германии у княгини была большая родня, вот и постаралась она сосватать одному из своих племянников богатую невесту княжеских кровей. А чтобы сватовство не сорвалось, послала на Русь самого племянника — маркграфа Генриха фон Штадена из Саксонии, обладавшего, как единодушно пишут летописцы, «ангельским ликом и чрезмерно высоким ростом». Предполагаемый жених был старше Евпраксии на четыре года и не мог похвалиться богатырским здоровьем, тетушка Ода надеялась, что сильная русская кровь поможет возродиться древнему германскому роду.

Уже давно так повелось на Руси, что княжеские дети женились на иноземках и замуж выдавались за знатных отпрысков из других стран. Династические интересы, конечно, но к тому же и забота о том, чтобы не выродились княжеские роды на Руси, как это постепенно происходило в Европе, где Папа Римский даже вынужден был запретить браки между родственниками до седьмого колена. И все равно сплошь и рядом женились на близких родственниках, отчего потомство появлялось не самое здоровое.

А мир крещеный велик: невест и женихов российские князья искали и в Византии, и в Венгрии, и в Германии, и в Польше, и в Норвегии и

даже во Франции. Старший брат Евпраксии, сын гречанки Марии, женился на саксонской принцессе Гите, сестра самого князя Всеволода, Елизавета, была сперва норвежской королевой, а, овдовев, вышла замуж за короля Дании. Младшая сестра, Анна, стала королевой французской. Евпраксии же выпал жребий идти под венец с маркграфом саксонским, ибо старшая ее сестра уже была просватана за сына византийского императора.

глась в монахини и основала в Киеве женский Андреевский монастырь, настоятельницей которого и стала. При монастыре Анна Всеволодовна основала первую известную в истории Руси школу для девочек. Тягу к «просветительской» деятельности она явно унаследовала от отца, который, «дома седя, изумеяше пять язык». Да и традиции женского образования в Византии, откуда родом была ее мать, благотворно влияли на общий уро-

В 1803 году сероглазая девочка с пышным посольством и верблюдами, «нагруженными роскошными одеждами, драгоценностями и вообще несметным богатством», была отправлена в Саксонию, в дом жениха, где, по обычаю, должна была находиться до брака и привыкать к новому быту

Однако неожиданно воспротивилось киевское духовенство. За тридцать лет до этого сватовства произошло окончательное разделение православия и католицизма, и священники постепенно стали настраивать своих князей против «иноверцев». Но князя Всеволода было невозможно заставить отказаться от принятого решения.

Тем более что личная жизнь старшей дочери Янки (Анны) сложилась неудачно: брак с византийским царевичем не состоялся, так как жениха насильно постригли в монахи. Княжна осталась на Руси, постривень культуры и распространение грамотности среди женщин княжеского дома.

А Евпраксия оказалась очень богатой невестой: к ее приданому присоединилось приданое старшей сводной сестры. В 1083 году сероглазая девочка с пышным посольством и верблюдами, «нагруженными роскошными одеждами, драгоценностями и вообще несметным богатством», была отправлена в Саксонию, в дом жениха, где, по обычаю того времени, она должна была находиться до брака, усваивать немецкий язык, привыкать к новому быту.

Но по дороге поезд русской княжны, остановившийся на ночлег в одном из германских городов, попался на глаза императору Генриху IV, известному своей алчностью. Немудрено: пятнадцать верблюдов, которых тут отродясь не видели, груженых тяжелыми тюками, да еще дюжина груженых с верхом повозок. Чуть ли не весь город сбежался на главную площадь поглазеть на «варварские диковины».

Шум привлек внимание оказавшегося проездом в том же городе императора, и он потребовал, чтобы его познакомили с невестой его вассала. Женщин Генрих вообще любил без меры и разбора, а уж богатых…

Увы, жениться на Евпраксии император не мог, так как уже давно состоял в браке и имел двух сыновей, поэтому он попытался хитростью и силой завладеть приданым «дикой россиянки». Правда это или нет, но в некоторых немецких летописях есть упоминания о том, что «невеста маркграфа Саксонского волшбою неведомой заставила диковинных животных так кричать, что и воины, и горожане обратились в бегство».

Приданое было спасено. Но император поклялся, что рано или поздно завладеет и богатством «дикарки», и ею самой. Как он собирался это осуществить, Генрих еще не придумал, но не зря в немецких землях он давно уже носил прозвище «Рыжего Сатира», а многие и вовсе считали его слугой самого сатаны. Что, в общем, было недалеко от истины: император был главой страшной секты николаитов, известной своими далеко не христианскими обрядами.

Красота Евпраксии поразила не только императора, ее жених не мог налюбоваться на свою нареченную и заявил, что желает немедленно совершить обряд бракосочетания. С огромным трудом мать, вдовствующая маркграфиня саксонская, и тетушка Ода уговорили его подождать, пока невесте исполнится шестнадцать лет — срок, установленный германскими законами.

Графиня Ода предложила, чтобы Евпраксия провела четыре оставшихся до свадьбы года в Кведлинбургском женском монастыре, где воспитывались и получали образование дочери знатных семей Германии, а игуменьями были принцессы только королевской крови. Покровительствовала монастырю сама императрица Берта — кроткая и богобоязненная супруга «Рыжего Сатира», а настоятельницей там была сестра императора Адельгейда.

У нее-то Евпраксия и училась немецкому языку и латыни. Аббатиса была так образованна, что читала не только псалмы, но и творения Вергилия и Горация. Стихи русская княжна быстро научилась понимать, и многое запоминала наизусть. А вот псалмы давались ей отчего-то труднее. Она прилежно повторяла слова псалмов следом за аббатисой, но не решалась спросить о том, что они значат. Отчего-то робела, хотя о личной жизни настоятельницы спрашивать не боялась. Адельгейда бы-

ла еще молодая и очень красивая женщина, монашеский наряд смотрелся на ней странно.

— *Отчего вы не вышли замуж, преподобная матушка?* — спросила ее как-то Евпраксия. — *Знатная, красивая, богатая, отчего вы предпочли стать невестой Христовой, а не супругой какого-нибудь могущественного владыки?*

— *Такова была воля моего отца,* — сухо ответила настоятельница и прекратила разговор.

Родительская воля и для Евпраксии была священна, поэтому она еще сильнее привязалась к настоятельнице, почитала ее как старшую сестру и решила, что, если придется перейти в католичество, то сделает она это под именем Адельгейды. Так впоследствии и произошло… увы! Ибо имя — это, как известно, судьба.

А судьба принцессы Адельгейды сложилась трагично. Вовсе не отцовская воля привела ее в монастырь; по желанию отца она должна была выйти замуж за одного из германских князей, молодого и красивого. Но ее брат Генрих заманил князя в один из своих замков и там убил руками своих поданных. А сестру, тогда еще совсем юную, изнасиловал в компании со своими собутыльниками. Адельгейда скрыла его и свой грех в Кведлинбургском монастыре, где, по воле того же брата, стала аббатисой и наставницей невинных девушек.

В пятнадцать лет Евпраксия перешла в католичество, а через год обвенчалась с Генрихом фон Штаденом. Молодые супруги нежно любили друг друга, но брак, увы, оказался недолгим: менее, чем через год, в 1087 году, Генрих был отравлен в одном из замков императора, причем тот утверждал, что это маркграф хотел его отравить и всыпал яд в бокал, да случайно перепутал и выпил отраву сам. Доказать никто ничего не смог.

Маркграфство перешло по наследству к младшему брату, Людигеру. А бездетная юная вдова вновь вернулась в Кведлингбургский монастырь, к аббатисе и воспитательнице. К своей страшной будущей судьбе.

Но пока ничего не предвещало будущих невзгод и испытаний. Жизнь в монастыре не отличалась унылым благочестием, скорее монастырь напоминал замок, куда постоянно наведывались самые разные гости — в основном, знатные господа и дамы. Вечера в трапезной проходили весело, иногда даже слишком весело, по мнению Евпраксии.

А за стенами монастыря шла непростая жизнь, наполненная интригами, военными стычками, ссорами императора Генриха с Папой Римским и итальянскими аристократами. Евпраксия ничего не знала о том, что у германского императора самая скандальная репутация на свете, хотя весь христианский мир содрогался от бесконечных непотребных выходок императора.

Генрих был коронован в четырехлетнем возрасте, после смерти своего отца, Генриха III. Формально власть перешла в руки вдовы императора, регентши Агнессы Савой-

ской, но фактически империей управляли опекуны маленького императора — архиепископы Адальберт Бременский и Ганно Кельнский. Они же занимались и его воспитанием, да так оригинально, что их воспитанник стал обладателем всех мыслимых и немыслимых пороков, а главное — проникся презрением к религии как к силе, руководящей поступками и потребностями человека. А заодно и к Риму, власть которого над собой категорически отказывался признавать.

Эта неприязнь усилилась еще и в связи с тем, что Папа Римский отказывался разрешить Генриху развестись с женой — Бертой Савойской, на которой его просто принудили жениться еще в ранней молодости. Берта родила ему двух сыновей, Конрада и Генриха, но так и не смогла дождаться хотя бы простой учтивости со стороны супруга.

Добродетельная и кроткая, Берта сама не желала развода, хотя супружеские измены императора могли истощить терпение даже святой. Тогда Генрих решил спровоцировать на супружескую измену саму императрицу и стал подсовывать ей одного за другим молодых и сладкоречивых кавалеров, которые клялись императрице в неземной страсти и умоляли о взаимности. Тщетно.

На какое-то время Генрих оставил супругу в покое, точнее, просто перестал с ней общаться. Его занимали гораздо более серьезные дела и, прежде всего, обострившаяся до предела конфронтация с Римом. Папа Григорий VII, обладавший достаточно крутым нравом, предал императора анафеме. В те времена это означало стать изгоем, будь ты хоть трижды венценосцем.

Императору пришлось признать свое поражение. Среди зимы, босиком и в рубище нищего, Генрих явился в итальянский город Каноссу, где в то время находился папа и, стоя на коленях у ворот замка, принялся молить о прощении. Тогда Папа снизошел до того, чтобы простить грешника, приказал впустить его в замок, позволил облобызать свою туфлю,

> Молодые супруги нежно любили друг друга, но брак, увы, оказался недолгим: менее чем через год после венчания Генрих был отравлен в одном из замков императора, причем тот утверждал, что это маркграф хотел его отравить, и всыпал яд в бокал, да случайно перепутал и выпил отраву сам. Доказать это так никто и не смог

отпустил Генриху грехи и снял с него проклятие церкви.

Как впоследствии выяснилось, совершенно напрасно.

Получив отпущение грехов, Генрих вернул себе утраченную, было, власть на территории Германии, а затем… объявил войну Италии и захватил Рим. Он мечтал прилюдно унизить обидевшего его Папу Григория VII, но тот, как назло, скоропостижно скончался. Выбранный вместо него Папа Урбан II, известный своей непримиримостью к еретикам и богохульникам, был вынужден искать спасения в Южной Италии. Там он получил мощную военную поддержку со стороны крупных феодалов, прежде всего, богатой и воинственной герцогини Матильды Тосканской.

Из Италии Генриха выгнали, и тут он… вспомнил о молодой богатой вдове. Точнее сказать, вспомнил об ее невероятном приданом, на которое можно было нанять сильную армию и взять реванш в Италии.

Правда, Генрих был все еще женат, но эту проблему он, наконец, решил легко и просто, не прибегая к юридическим ухищрениям. Просто пригласил супругу на праздничный ужин в один из своих замков, прилюдно заявив, что желает помириться с императрицей Бертой и жить с нею до смерти в любви и согласии. Примирение состоялось в присутствии многочисленных придворных, но как-то так вышло, что три дня спустя императрица скончалась от неизвестной болезни.

И вот тогда в трапезной Кведлинбургского монастыря появился сам император — невысокий, худощавый рыжебородый человек с гордой осанкой. Он был в трауре, только на груди ярко блестела золотая цепь. Явился он в монастырь для того, чтобы сделать официальное предложение юной вдове маркграфа саксонского Адельгейде, и сделал его в таких изысканных и полных любви выражениях, что от них вполне могла потерять голову не только юная, но и вполне зрелая женщина.

Евпраксия впервые услышала от мужчины слова любви — и радостно поверила им. К тому же перспектива стать императрицей заставляла ее сердце сладко замирать: на такую высоту еще не поднималась ни одна из русских княжон. И она дала Генриху согласие стать его женой и императрицей.

Как утверждал один из немецких хронистов, Генрих IV был не столько прельщен юностью, умом и красотой Евпраксии, сколько надеялся с помощью нового брачного союза заручиться поддержкой могущественного киевского княжеского дома в борьбе с Римским Папой, Урбаном II, и могущественной герцогиней тосканской Матильдой.

Киевский князь послал дочери свое благословение, и 14 августа 1089 года состоялось венчание и коронация Евпраксии-Адельгейды в Кельнском соборе.

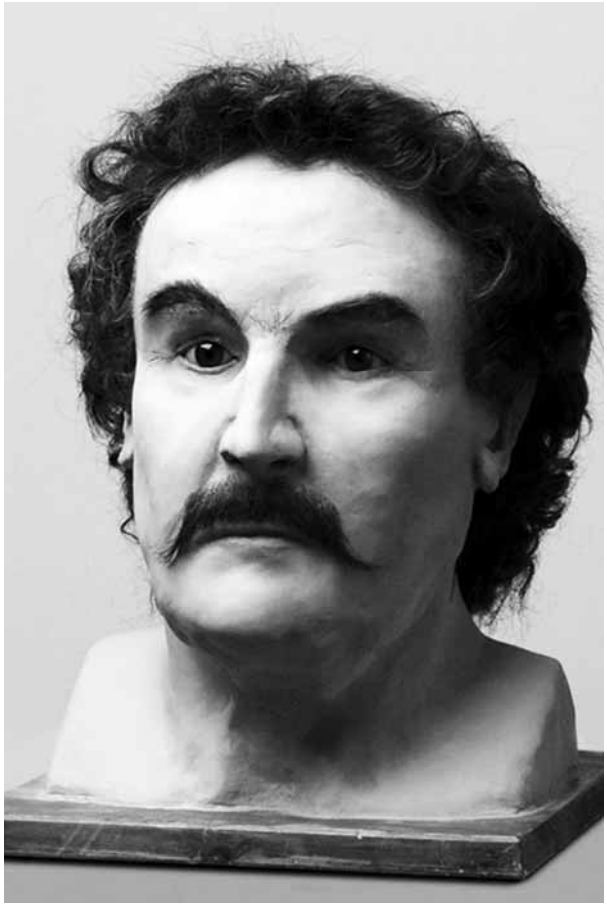
Однако цель не была достигнута: Византия прервала взаимоотношения с Германией, а византийский император Иоанн II Продром, стремившийся удержать Русь в сфере своей политики, дал понять, что но-

вый брак Евпраксии не поддерживает, и Киев отказался вступать в союз с Генрихом IV.

Его это так разозлило, что вся любовь (по большей части показная) к жене превратилась в откровенную неприязнь. Правда, он получил доступ к приданому и стал собирать новую армию из наемников на деньги супруги, но тут пришла новая сокрушительная весть: благодаря удачной дипломатии Римского Папы противники Генриха IV заключили политический и военный союз посредством брака 43-летней герцогини Тосканской и 17-летнего герцога Баварии Вельфа V. Этот союз привел к концентрации власти в руках противников императора на юге Германии и севере Италии.

Взбешенный Генрих пошел на беспрецедентный шаг: собрал верных ему северогерманских архиепископов, и они выбрали «антипапу» — Климента III. Накануне Пасхи 1091 года император после длительной многомесячной осады захватил крепость Мантую, после чего повернул свое войско в сторону Каноссы.

Но здесь фортуна окончательно от него отвернулась — Генрих IV потерпел поражение под стенами роковой для него Каноссы. Многие итальянские города заключили оборонительный и наступательный союз против императора и взяли под свой контроль альпийские перевалы, так что на этот раз Генрих оказался отрезанным от Германии и в течение трех лет не мог туда вернуться, найдя прибежище в Венеции.



Император Генрих IV. Голова, воссозданная по черепу

Его старший сын Конрад нанес отцу очередной удар, примкнув в 1093 году к Папе и его сторонникам, к тому же он был возведен в Милане на трон короля Италии. Конрад стал своеобразным знаменем борьбы с императором! Для закрепления успеха герцогиня Матильда Тосканская лично сосватала ему норманскую принцессу Констанцию. Свадьбу сыграли в замке Матильды.

А виновной за все это в глазах императора была Адельгейда…

Все это время молодая императрица находилась фактически в заключении в Вероне, где в 1092 году умер ее недавно родившийся сын.

Евпраксия-Адельгейда вообще оказалась в очень непростом положении. Став в 19 лет соправительницей громадной Священной Римской империи, она не имела возможности не только решать что-либо самостоятельно, но и узнать о родных, о сестрах, оставшихся в Киеве.

Да и новый муж, как выяснилось, имел «необузданный характер»: с ним не ужились ни мать Агнесса, ушедшая от сына, как только он стал совершеннолетним, в монастырь, ни выросшие сыновья от первого брака.

стен замка, императрице помог ее пасынок Конрад. Он доставил мачеху в Каноссу, где она была встречена Папой Урбаном II как императрица, торжественно и с почестями. Теперь ею владело одно только желание: отомстить Генриху — и обрести покой. Она не сомневалась, что события эти должны следовать именно в таком порядке. Но как отомстить?

Ей помогли и в решении этого вопроса: предложили подать на церковный собор в Констанце грамоту с жалобой на мужа, чтобы таким

> Разоблачения Евпраксии оказались сокрушительным ударом по престижу императора, но и сама она в глазах обывателей стала не жертвой, а соучастницей всех позорных дел своего супруга, и даже в киевских хрониках того времени можно встретить упоминания о ней как о «волочайке», то есть гулящей женщине

Когда в 1089 стало ясно, что планам Генриха IV по вовлечению Киева в продолжавшуюся борьбу с папским престолом не суждено сбыться, император начал вымещать свою злобу на жене, принуждая ее к участию в тайных оргиях николаитов и лично наблюдая за действиями насильников.

Помочь бежать из заточения, где ее в любую минуту могли отравить, задушить или просто сбросить со

образом оповестить всю Германию о постыдных деяниях императора Генриха IV.

Собор состоялся в апреле 1094 года. На нем читалась и обсуждалась грамота с жалобой Евпраксии на унижения, которым ее подвергал муж. Папа Урбан II предложил ей выступить с теми же разоблачениями и на предстоящем соборе в Пьяченце.

На обоих соборах Евпраксия свидетельствовала против Генриха, об-

винив его в принуждении к супружеским изменам, в частности, к сожительству со старшим сыном Конрадом, а также обвинила императора в оргиях и сатанизме. Папа Урбан II вновь предал Генриха анафеме — теперь уже без права на помилование. Жалоба Евпраксии была признана справедливой, и она получила полное отпущение грехов, как невинная жертва своего супруга.

Разоблачения Евпраксии оказались сокрушительным ударом по престижу императора, которым воспользовались для своего возвышения Конрад и маркграфиня тосканская Матильда. Но и сама она в глазах обывателей выглядела не жертвой, а соучастницей всех позорных дел своего супруга, и даже в киевских хрониках того времени можно встретить упоминания об императрице как о «волочайке», то есть гулящей женщине. В то время позор за обнародование подробностей сексуального насилия ложился не только на насильника, но и на его жертву. Публичное выступление жены против мужа было равнозначно гражданскому самоубийству, чтобы подняться над этими предрассудками, нужно было обладать незаурядным мужеством. Евпраксия им обладала, но это не принесло ей ни покоя, ни счастья.

В августе 1106 года, после многолетних попыток восстановить прежнее положение, после многочисленных сражений, всегда кончавшихся позорным поражением, низложенный император Генрих IV скончался.

Адельгейда (теперь уже снова принявшая православие Евпраксия) узнала об этом в Киеве. Она жила тут уже почти десять лет и беспрестанно вспоминала тот пасмурный день, когда пришлось вывернуть душу наизнанку перед десятками тысяч людей. А о ней самой все забыли, как только закончился судебный процесс над ее супругом-императором. Она никому не была нужна — ни грешная, ни невинная. Приняла ее только старшая сводная сестра Анна — настоятельница женского Андреевского монастыря в Киеве, куда после нескольких лет тяжелых скитаний вернулась Евпраксия.

Анна и Евпраксия часто проводили время вместе — две сестры, жизни которых были так не похожи одна на другую, а заканчивались практически одинаково, в монастырских стенах…

Евпраксию все чаще стали мучить сильные боли в груди, все чаще сердце замирало так, что казалось — больше никогда не забьется…

О том, когда это все же свершилось, когда достигла конца жизни Евпраксия, императрица Священной Римской империи, есть строка в «Ипатьевской летописи»:

«*В лето 6617 (1109) выпало преставиться Евпраксии, дочери Всеволода, месяца июля 9 дня, и положено было тело ее в Печерском монастыре у южных дверей, и сооружена была над ней божница, где лежит тело ее*».

Ей еще не исполнилось тридцати восьми лет. ❑

Ирина Опимах

БОГИНЯ АР-ДЕКО

В ЗЕЛЁНОМ «БУГАТТИ»

«Я всегда одеваюсь, как автомобиль, а автомобиль — как я», — говорила Тамара Лемпицки. Однажды, в соответствии с детально продуманным планом, она остановилась перед Гранд-отелем в Монте-Карло. Светло-желтый костюм, элегантная шляпка, активный макияж, холодная, уверенная в себе, настоящая эмансипе. Такой и увидел ее (как и было задумано художницей, тщательно планировавшей свое восхождение на вершины успеха) издатель известного немецкого журнала мод «Die Dame». Очарованный ее яркой красотой, он тут же заказал ей автопортрет, который должен был украсить обложку его журнала. И она написала себя — роскошную, в зеленом дорогущем «бугатти» (не важно, что у нее таких машин никогда не было), с белокурым локоном, выбивающимся из шлема, в длинных кожаных перчатках. В ее глазах — жадность жизни, порочность, страсть… Похоже, эта женщина запросто задавит любого, кто встанет у нее на пути. Образ, созданный Тамарой Лемпицки, стал иконой стиля 1920-х, символом века джаза. Наверное, так должны были выглядеть героини Скотта Фитцджеральда, подруги Великого Гэтсби.

Она умела жить: ставила перед собой цели, порой весьма амбициозные, и твердо шла к ним. Хотела стать известной художницей, и стала ею, пожелала оказаться героиней светской хроники — и это у нее получилось. Хотела любить и быть любимой — и это тоже ей удалось. И конечно, она хотела, чтобы о ней помнили и после ее смерти — сегодня ее картины, хоть их и не увидишь в крупных музеях, стоят миллионы долларов, их покупают сегодняшние звезды — Барбра Стрейзанд, Джек Николсон, Мадонна.

Тамара Лемпицки родилась в Москве, 16 мая 1898 года. Ее родители были вполне обеспеченными людьми. Отец, Борис Гурвик-Горски, занимался коммерцией, мать, Мальвина Деклер, происходила из богатой польской семьи. По-видимому, они любили русскую классическую литературу, недаром дочь свою назвали Тамарой — в честь героини лермонтовского «Демона». Позже у них родились еще двое — мальчик и девочка. Отец рано ушел из жизни, Тамаре тогда не было и десяти. Тайна его смерти тщательно скрывалась — говорили, что он развелся с матерью и уехал, но на самом деле, тут, скорее всего, было самоубийство. Детишек воспитывали мать и бабушка с дедушкой с материнской стороны. Декстеры принадлежали к элите тогдашней Варшавы, в их доме бывали выдающиеся музыканты Игнат Пендерецкий, Артур Рубинштейн, писатели и поэты. Взрослея в таком окружении, Тамара прониклась духом польской культуры, недаром она потом всегда называла себя полькой

и утверждала, что родилась в Варшаве.

В 1911 году Тамара переехала в Петербург. Она жила в доме своих польских родственников — Стефы и Маурициа Штиферов. Тут у нее вдруг проснулась страсть к рисованию, и она устроилась на курсы в Академию искусств. А вечера ее были

заполнены светской жизнью — спектакли Мариинского театра, концерты в Царском Селе, ужины в лучших ресторанах Петербурга. Однажды она попала на маскарад. Костюм у нее был весьма необычный — она оделась селянкой и вела за собой пару гусей. Красивая девушка не могла не обратить на себя внимание. Среди заметивших ее был и один молодой поляк — высокий, статный шляхтич Тадеуш Лемпицки, любимец столичных дам и вполне успешный адвокат, представлявший в Петербурге Товарищество Варшавско-Венской железной дороги. Тадеуш происходил из аристократической семьи — его мать, Мария Норвид, была племянницей известного польского поэта Киприана Камиля Норвида, а отец, Юлиан Лемпицки, был наследником старинного шляхецкого рода.

Тамара сразу пала жертвой его мужского обаяния. Он будет моим, решила она и начала действовать. И победила! Они стали мужем и женой в 1916 году. Свадебная церемония проходила в петербургской Часовне мальтийских рыцарей. Среди

Слева:

Прекрасная Рафаэла

Женщина с голубем

гостей торжества были высшие царские чиновники и иностранные сановники. Невеста была очень хороша — в роскошном платье с длиннющим шлейфом, она выглядела как королева. А вскоре, 16 сентября 1916 года, у четы Лемпицки родилась дочь Мария Кристина, которую в семье звали Кизеттой.

В это время в мире уже вовсю шла Первая мировая война, но на жизнь Лемпицки она почти не повлияла. Они так же наслаждались театральными премьерами, посещали модные рестораны и выставки, а в свободное время Тамара разъезжала по проспектам города на своем авто. Но вот революция изменила многое. А самое страшное случи-

Портрет дочери Кизетты

Девушка в перчатках

лось, когда в дом Лемпицки ворвались чекисты и арестовали пана Тадеуша. Совсем недавно высокопоставленные, влиятельные друзья вдруг потеряли все свое влияние и посты, и уже не к кому было обратиться за помощью. Что было делать Тамаре? Она могла рассчитывать только на себя. И она купила свободу мужа, заплатив довольно высокую цену: провела ночь с шведским послом, который потом вытащил Тадеуша из тюрьмы и помог супругам Лемпицки выбраться из России. Они уехали порознь и встретились спустя несколько месяцев в Копенгагене. Вскоре они уже были в Париже, где Тамара оказалась в совсем другой реальности. Деньги скоро ушли, а вместо блестящего галантного красавца Тадеуша с ней рядом теперь был угрюмый, ничего не желавший делать, совершенно раздавленный выпавшими на его долю испытаниями человек. Тадеуш впал в депрессию, но Тамара себе такое по-

зволить не могла, ведь надо было где-то жить и что-то есть, кормить и одевать дочь. А когда все ее драгоценности были проданы, стало совсем невесело.

И тут она вспомнила о своем девичьем увлечении рисованием. Почему бы ей не стать художницей? Да еще в Париже, в городе, где все пропитано искусством?

Ее сестра Адриенн, учившаяся на архитектора, посоветовала Тамаре записаться на курсы художников в Академии Рансома. Овладев ремеслом, Тамара могла бы рисовать портреты на заказ и таким образом зарабатывать. Итак, решено, она станет художницей.

В Академии Рансома она поучилась у Мориса Дени, а потом стала ученицей Андре Лота, преподававшего в Академии Монпарнас. Лот, соединявший в своем творчестве традиции старого французского искусства (Пуссена, Давида) и кубизм, который называл «новым классицизмом», оказал огромное влияние на становление стиля Тамары Лемпицки. Ее манера живописи нравилась парижским буржуа, для которых Пикассо и его последователи были уж чересчур смелыми и непонятными. У Тамары появились заказчики и — деньги. Она писала портреты аристократов и богачей, и на нее падал отблеск их славы. Понемногу она стала приобретать известность.

Иногда Тамара работала и для собственного удовольствия. Однажды она увидела на улице хорошенькую брюнетку, познакомилась с ней и привела в свою мастерскую. Так вскоре появилась «Прекрасная Рафаэла», позже признанная критиками «одним из наиболее важных обнаженных актов XX столетия».

В середине 1920-х годов Тамару Лемпицки уже хорошо знали в артистическом мире. В те времена стиль в живописи формировали журналы мод, и один из самых популярных журналов «Harper's Bazaar» поместил на своих страницах картины и фотографии красивой парижской художницы. Но Тамара была умной женщиной и понимала: чтобы добиться настоящего успеха, нужно много работать — она писала по 10 часов в день, а еще учиться, причем у хороших учителей. И она поехала в Италию, копировала старых мастеров и, по их примеру, писала свои картины чистыми сияющими красками, тщательно вырисовывая каждую деталь. И хотя критики называли ее «популяризатором извращенной живописи», ее работы нравились публике. Аристократки и добродетельные супруги богатых коммерсантов стояли в очередь к художнице — все хотели получить свои портреты ее кисти, желая увидеть себя сексапильными и притягательными. Репортер «Ла Полонь» писал, что «модели Тамары де Лемпицкой — современные женщины, не знающие лицемерия и стыда в категориях буржуазной нравственности. Они загорелые и смуглые от ветра, а их тела упругие, как тела амазонок». Ярая при-

Андромеда

верженица кубизма и ар-деко, Лемпицки обожала объемные фигуры, острые углы, крупные колени и выпуклые животы. На ее картинах — юные сильные тела, мужские и женские. Конечно же, себя она любила больше, чем искусство, а потому все ее картины довольно холодны, рассудочны, но при этом весьма эротичны.

Казалось бы, вот он, успех, но Тамаре этого было мало. Она хотела, чтобы о ней писали на первых страницах газет, поэтому решила проникнуть в мир настоящей богемы. В мае 1925 года она, путешествуя по Италии, познакомилась с Габриэле д'Аннунцио. Этот стареющий донжуан, в списке которого были и высокородные аристократки, и королевы театра (Сара Бернар, Элеонора Дузе, Айседора Дункан), поддался чарам красавицы Тамары и сделал ее по-настоящему знаменитой. «Может быть однажды днем, однажды вечером, однажды ночью вы почувствуете непреодолимую потребность поговорить со мной — и тогда вы напишете мне вновь. Я жду. Питаю надежду», — писала Тамара Д'Аннунцио. Она предложила написать его портрет, и он пригласил ее в свое имение «Иль Витториале» на берегу озера Гарда. Тамара понимала, что он может стать хорошей рекламой для нее. Так и случилось — о новой пассии Аннунцио писали все газеты и журналы. Но вот что касается чувств… «Я была красивой молодой женщиной. А там, напротив меня, стоял этот старый карлик в мундире». Прошло несколько месяцев, и она уехала из «Иль Витториале». На прощание Д'Аннунцио подарил ей стихотворение с посвящением «La Donna d'Oro» («Золотой женщине») и кольцо с огромным топазом. Это кольцо она с гордостью носила до конца жизни.

Вернувшись во Францию, она устроила ту самую встречу с издателем журнала мод «Die Dame», на обложке которого вскоре появился ее автопортрет в «бугатти», сделавшей ее иконой стиля 1920-х. Теперь о ней говорил весь мир.

Тамара ощущала себя свободной, считала себя вправе жить так, как ей хочется и так, как она считает нужным. «Я живу за бортом общества,

Каллы

Портрет мадам Бокард

а общественные нормы не касаются тех, кто на краю», — утверждала она. А потому позволяла себе многочисленные романы, посещала сомнительные заведения и не брезговала наркотиками. Все бы хорошо, да вот ее законный муж пан Тадеуш был совсем иных взглядов. Ему решительно не нравилось, как его жена проводит время. Супруги постоянно ссорились. «Я любила мужа, но мне нужен был флирт. И я часто флиртовала», — откровенно признавалась она многие годы спустя.

Громкий роман с Д'Аннунцио, о котором все тогда говорили, стал последней каплей. В 1927 году Тадеуш уехал в Варшаву, где познакомился с Иреной Шписс, дочерью Людвика Шписса, владельца крупнейшей в Польше фармацевтической компании. Он влюбился в Ирену и потребовал от Тамары развода. Она трижды приезжала в Варшаву, пыталась вернуть мужа, но… Пан Тадеуш проявил характер: получив развод, женился на Ирене и навсегда переехал на родину.

Надо сказать, Тамара была очень расстроена — по-видимому, она все-таки любила своего мужа, была к нему привязана. «Я — несчастное су-

щество, истерзанное, без родины, без корней, всегда одинокое», — однажды призналась она своему другу, итальянскому архитектору Джино Пуглиси.

Но такая женщина не могла долго оставаться одна. Однажды барон Рауль Куффнер, страстный поклонник ее творчества, заказал у нее портрет своей любовницы, андалусской танцовщицы Наны де Эрреры. Куффнер был очень богат — его семейство до Первой мировой войны обладало в Австро-Венгрии самыми обширными угодьями и было главным поставщиком мяса и пива для императорского стола. Барон уже успел к этому времени приобрести несколько работ Лемпицки. Он был тонким знатоком живописи, и в его замке в Диошеж в Венгрии картины Тамары висели рядом с полотнами Дюрера и английских пейзажистов XVIII века. Портрет Наны был написан, но этим история не закончилась, — очень скоро Тамара затмила в глазах барона испанку Нану. Раньше он любил ее картины, теперь он полюбил ее саму и захотел на ней жениться. В 1934 году они зарегистрировали свой брак. «Мой первый муж был очень красив. У второго был характер» — так Тамара отзывалась о своих супругах.

А между тем атмосфера в Европе становилась все более напряженной. Фашизм быстро набирал силу, и не обращать внимания на то, что происходило в Германии, было глупо и недальновидно. А Тамару и ее нового мужа никто не мог назвать глупыми. Она уже знала, что это такое — все потерять, и хорошо помнила о своих еврейских корнях. Барон Куффнер тоже имел все основания волноваться: «Чехословацкий еврейский альманах» называл его семью «замечательным еврейским родом», а как относятся к евреям в Германии, уже все знали. И вот в начале 1938 года, незаметно продав земли и разместив семейные капиталы в швейцарских банках, Куффнеры отправились в Америку.

Тамара тут же стала любимой художницей Голливуда. Теперь в ее жизни были теннис с Гретой Гарбо, обеды со звездами американского кино британцем Джорджем Сандерсом и мексиканкой Долорес дель Рио. Куффнеры взяли в аренду у режиссера Кинга Видора (снявшего «Войну

Портрет девушки

Великий князь Гавриил Константинович

и мир» с Одри Хепберн) роскошную виллу и устраивали там приемы для нескольких сотен гостей. Фотографии прекрасной Тамары появились в газетах и журналах. «Баронесса с кистью» вошла в элиту Западного побережья. «И не забудь пригласить на вечеринку баронессу Тамару де Лемпицки-Куффнер, — писали друг другу дамы Беверли-Хиллс. — Она такая забавная, а ее картины такие смешные».

В 1943 году Куффнеры перебрались в Нью-Йорк, на Манхэттен, где поселились в роскошных апартаментах. Там они расставили дорогой антиквариат, который барон вывез из своего венгерского имения. Тамара оборудовала себе студию и продолжала работать. А еще занималась дизайном — новые американские друзья часто просили обустроить их квартиры и дома.

Шло время, появлялись новые звезды, новые художники. И в один прекрасный день кто-то написал, что живопись Тамары Лемпицки устаре-

ла. Она попыталась измениться, пробовала работать в иных стилях, писала натюрморты, вдохновленная полотнами старых фламандцев и голландцев, но ничего интересного у нее не получалось, и публика не проявляла никакого интереса.

В 1962 году барон Рауль Куффнер умер. Конечно, Тамара горевала, хотя внешне это было не очень заметно. Боясь одиночества, она переехала в Хьюстон, чтобы быть поближе к дочери Кизетте. У них были непростые отношения — Тамара давила на дочь, хоть и баловала, осыпая деньгами, но мало уделяла ей внимания, тепла, а порой публично от нее отказывалась, называя девушку своей сестрой — чтобы казаться моложе. Уж очень ей не хотелось стареть…

В том же 1962 году одна из нью-йоркских галерей устроила ее персональную выставку, но критика осталась равнодушна, покупателей было немного, и Тамара поклялась, что больше никогда не будет выставляться.

А потом ее совсем забыли, но живопись стала частью ее существования, она уже не могла не работать, и все новые и новые картины аккуратно складывала в своей мастерской…

А в 1966 году парижский Музей декоративного искусства устроил выставку, посвященную ар-деко 1920-х годов. Выставка имела оглушительный успех, и стиль ар-деко снова вошел в моду. И тогда на волне этого интереса молодой искусствовед Алан Блондел организовал большую ретроспективную выставку работ Тамары де Лемпика. Она стала сенсацией — мир снова вспомнил о Лемпицки, и снова ее работы стали продаваться…

В 1978 она переехала в Мексику и купила прекрасный дом в Куэрнавака, шикарном пригороде Мехико. Ей очень хотелось, чтобы с ней там жила Кизетта… В Мексике Тамара познакомилась с молодым местным художником Виктором Контерасом. К старости она полюбила общество молодых мужчин — с ними ей казалось, что она по-прежнему юная и прекрасная. Контерас стал ей близким другом и оставался с ней до конца ее жизни. В благодарность за заботу и душевное тепло она завещала ему половину своих работ.

Тамара Лемпицки умерла во сне 18 марта 1980 года. В последние минуты ее жизни Кизетта была с ней рядом. Тамара просила, чтобы после смерти ее кремировали и развеяли прах на вершине вулкана Попокатепетль. Виктор Контерас выполнил ее последнюю волю.

Сегодня Тамара Лемпицки снова в моде. О ней пишут книги (ее жизнь так похожа на мыльную оперу!), ее выставки собирают тысячи зрителей, ее образы появляются в модных изданиях, ее картины продаются на аукционах за миллионы долларов. Она сотворила свою жизнь и сотворила свой миф, а потому ее помнят, как помнят и эпоху джаза и ар-деко, эпоху, в которой она блистательно сыграла свою роль. ❑

Татьяна Харламова

ВОЗДУШНЫЕ ЗАМКИ ИЗ ГЛИНЫ

Дмитрий Пучков никогда не учился рисовать или лепить. Не посещал изостудии, не оканчивал художественное училище или вуз. Его родители инженеры-технари, бабушки и дедушки — крестьяне. Правда, прабабушка изумительно вышивала шелком, а узоры срисовывала с окон, разукрашенных зимним морозом. Лепит Дима с тех пор, как помнит себя — с четырех лет. Одна из первых его работ — пластилиновая композиция «Наташа Ростова на балу». Позже пластилин сменила глина, сейчас его любимый материал — терракота.

Двадцать лет назад огромный старинный шкаф в квартире Дмитрия Пучкова превратился в застекленный дворец. Там, за стеклянными дверцами, — другое измерение. Глиняный народец живет по своим законам…

Вот дама, изящно приподняв край платья, явно ждет приглашения на танец. Томно наклоняет головку, пальчики сжимают веер. Паяцы предлагают принять участие в их забавах. Аскетичные монахи, прикрыв лица капюшонами, проплывают торжественной темной вереницей…

А вот монах в иезуитской шапочке. Мягкие складки узорчатой одежды ниспадают, разлетаются на не-

видимом ветру. Морщинистая шея прикрыта пышными рюшами. Поверх свободной сутаны — массивный ключ, которым открывают сундуки с драгоценностями. А что хранит в своем ларе этот монах? Доносы, индульгенции? Лукавые глаза чуть скошены, дряблые щеки напряглись — тонкими пальцами он придерживает оттопыренное ухо.

— Слухач, — комментирует Дмитрий. — Впрочем, может быть, и журналист отдела новостей, всегда ухо по ветру…

В каждой скульптуре столько жизни! Ощущение такое, что глиняные человечки замерли лишь на миг…

— Музыка всегда помогает мне, — говорит скульптор. — Вот это я делал, например, под музыку Моцарта. Те же фигурки в плащах, но лица у них другие: более молодые, просветленные. Пальцы подчиняются музыке, и получается порой что-то необычное, непредсказуемое.

Иногда Дима работает под записи любимого Вертинского и бардов. И из шкафа выглядывает старый шарманщик Вертинского, крутит глиняную шарманку…

…В квартире легкий тревожный запах глины. Запах творчества. Распорядок дня у скульптора особый — он работает ночью, до четырех утра. Сжимая в руках теплый кусок глины, чувствует, как в ответ сжимается сердце. В глине уже есть жизнь, необходимо только придать ей форму.

Творчество — это своеобразная медитация. Когда начинается процесс лепки, Дима словно в другом измерении, и сердце и голова — в нервных чутких пальцах. Тихо звучит музыка, рассветает, и на фоне рассвета из глины рождается барышня-крестьянка, заплетающая косу. Мокрая фигурка замирает на столе и рассматривает мир большими глазами. А Дима, хотя чувствует себя опустошенным, обессиленным и никогда не знает, каким будет конечный результат, все равно счастлив — родилось еще одно творение.

В уникальных глиняных и терракотовых миниатюрах есть что-то от Босха, от Гойи, от мастеров итальянского Возрождения. Но чаще всего Дмитрий обращается к зачинателю немецкого Возрождения Альбрехту Дюреру, альбом которого (наследство бабушки) всегда у него под рукой.

Так появился «Корабль дураков». Средневековый писатель Себастьян Брант в своем одноименном произведении собрал на палубе не грешников, а дураков, желая избавить от них общество. Альбрехт Дюрер сде-

лал более 70 гравюр, иллюстрирующих эту книгу. Все его дураки были непременно в колпаках с бубенчиками. На « корабле» Дмитрия Пучкова — дураки в тех же бубенчиках, только их меньше, они представляют четыре основных человеческих темперамента, один из которых — меланхолия.

— Если человек всем доволен, все у него есть, жизнь его нормальна и спокойна — творчества не может быть, — считает Дмитрий. — Творчество — это узкая тропа между пропастями. Это безумие, как писал Платон, которое может быть гениальным.

Большинство талантливых людей, по мнению Дмитрия, меланхолики, грустные затворники, их главная мука и главная радость — в творчестве. Но при этом каких можно достигнуть высот, каких откровений! За это можно заплатить любую цену.

Так думал Дмитрий двадцать лет назад, создавая свою первую «Меланхолию» и интуитивно следуя за своим «учителем» — великим Альбрехтом Дюрером.

…Блистательный мне
был обещан день
И без плаща я свой
покинул дом,
Но облаков меня
догнала тень,
Настигла буря с градом
и дождем…

Все было как в сонете Шекспира. Первые солнечные дни лета, первая любовь. Потом вдруг — ссора. И начались холодные дожди. Он мечтал об одном — опуститься в кресло-качалку, закрыть глаза и слушать шепот дождя. Вот и появилось это глиняное кресло-

качалка с потрескавшимися от времени подлокотниками и старинной высокой спинкой, а в нем — изогнувшееся существо с длинным тонким лицом интеллектуала. Чуть взлохмаченные от дождя волосы, два шрама на лице. Когда «Меланхолия» была закончена, он вдруг понял, что она — копия его любимого друга. Он в то время пребывал в легкой депрессии и, возвращаясь как-то домой, налетел на столб. Так на его лице и появились два шрама. Дмитрий не знал об этом, работая над фигуркой. Можно ли это объяснить? Вряд ли…

Дмитрий Пучков никогда не лепит конкретных людей, мужчин, женщин, зверьков. Он лепит состояние души. Его «Соня» — изящное ленивое существо в балахоне, тоже родилась в дождливые летние дни. Сидя на массивном старом сундуке, она откровенно и аппетитно зевает. Тщательно вылеплена каждая деталь старого сундука — замочки, обручи, до мельчайших тонкостей передана фактура дерева этого предмета обихода наших прабабушек.

— Я ведь Рак по гороскопу, — поясняет Дмитрий, — люблю всякие коробочки, ларечки, сундучки. У бабушки был сундук, который мне очень захотелось вылепить из глины. Пока лепил, захотелось вдруг спать, зевота замучила, вот и посадил на сундук барышню-«зевоту» и дал ей имя «Соня»…

Рядом с глиняной фигуркой «Сони» сидит на пеньке полугном-полумонах. С курчавой бородой и мешком за плечами, почти Дед Мороз. А из мешка высовываются… готические шпили старинных замков.

— Сначала я хотел вылепить просто старинный замок, — рассказывает Дима. — Но просто замок — это скучно. И вдруг вспомнились слова друга: «Носишься ты, Дима, со своими воздушными замками»… А ведь, действительно, у каждого есть свой воздушный замок. Так мой старичок с мешком за плечами стал «продавцом воздушных замков». Нелегка это ноша, поэтому и присел на пенек…

Когда Пучков впервые выставил свои работы в Измайловском парке, иностранцы рты пооткрывали. Доллары посыпались дождем, а скульптуры уехали в Австрию, Германию, даже в Австралию. С тех пор приходится работать по заказам.

— Если честно, не очень мне это нравится. Работа на заказ туго идет, теряет смысл, прелесть. Вроде бы и хорошая идея, а лепить не хочется. Это уже, скорее, ремесленничество. Художник лепит по наитию, из глубин себя, как Бог положит…

— Но доллары в наше время не помешают, не так ли? Иные за них готовы душу отдать.

— Об этом все сказано в «Портрете» Гоголя, — смеется в ответ Дима.

Сегодня уже можно сказать, что сорокапятилетний Дмитрий Пучков состоялся как скульптор. Его глиняные фигурки известны по всему миру благодаря многочисленным международным выставкам, а многие из них хранятся в музеях и частных коллекциях. ❑

Дмитрий Силкан

***

На лодке, ночью, в скорбный час
Стремлюсь все в Запределье…
Ну, почему в который раз,
Стремясь изжить безверье,
Плыву, неведомо к чему:
«Что там, в краю далеком?»
Лишь утро прожигает тьму.
Без цели, смысла, прока
Я устремляюсь вплавь туда,
Где солнца край мерцает
И где полночная звезда
Устало засыпает…
Качает лодку тихий плес,
Запели птицы ранние,
И шум проснувшихся берез —
Как с ночью расставание…
Вновь воскресает все вокруг,
Услышав гомон утренний…
И свет с небес ворвался вдруг!
А, может быть, он — внутренний?!
Молюсь на возрожденье дня —
Хоть сил уже на донышке,
Но все гребу к рассвету я
На крохотном суденышке.
И вдаль стремлюсь — опять туда,
Где горизонт отвесный…
Проходят дни… Идут года…
А я — на том же месте!..

Чужестранка

К.Н.

Спокойный, вываренный свет
От лампы в абажуре красном.
Ты недовольна — вновь рассвет
Прогонит прочь ночные краски!
И отступает полумрак
От солнца запоздалых нитей:
Светило — твой заклятый враг!
И по предчувствию, наитью

Небрежно шторами окно
Запеленаешь как младенца:
Раз ночь прошла — то все равно!
И день, лишенный совершенства,
Свершает вдалеке свой ход,
А ты, среди теней атлантов,
Заклятья гимн, секретный код,
Читаешь вслух над фолиантом.

Бес уныния

Этот сумрачный мир полуночных молитв
И мечтаний пустых отблеск внутренних битв,
Цепенеющий стон, уводящий во тьму…
Я взываю, молюсь…
Но кому? Но кому?

Гулкий мрак окружает — лишь странный
туман
Размывает сознанье… Впереди — океан
Бесполезных томлений в слепой пустоте…
Вновь слова возникают…
Но не те! Но не те!

Ощущаешь со страхом, что там, впереди?
Разрываясь восторгом, возникает в груди
Опьяняющий звук, первопульс Пустоты…
Уж не Ты ли, мой Боже?
Может, Ты? Может, Ты?

Все ищу я на стыке абсурда и грез
Первобога вселенной: кто — Пилат
иль Христос?
Только бьется в висках звук, рожденный
во мгле:
«Бог — всему запределен…
И тебе!.. И тебе!..»

Юрий Рыченков

***

Если ты пришел на Землю,
Если видел мир прекрасный,
Если к счастью прикоснулся,
Непременно должен знать,
Что пришел ты не напрасно
В этот вечный мир и властный,
И долги до крошки малой
Должен вовремя отдать.
Отскрести с души коросту,
К роднику припасть святому,
Ощутить биенье жизни,
Из глубин впитать глагол.
Налегке, с одной котомкой,
Подойти к родному дому
И упасть, уткнувшись в травы,
Будто в материн подол.

***

Э.Г.

Ты скажи мне, моя ненаглядная,
Что глаза твои стали невеселы?
Посмотри, снова осень нарядная
По округе картины развесила.

Ничего, что с утра солнце щурится,
И не высохли слезы кленовые,
Облака по краям ярким суриком
В этот день для тебя разрисованы.

Не вернуть того, что не исполнилось,
Ни на миг не приблизить свидания…
Я, уткнувшись в духмяные волосы,
Угадаю любое желание.

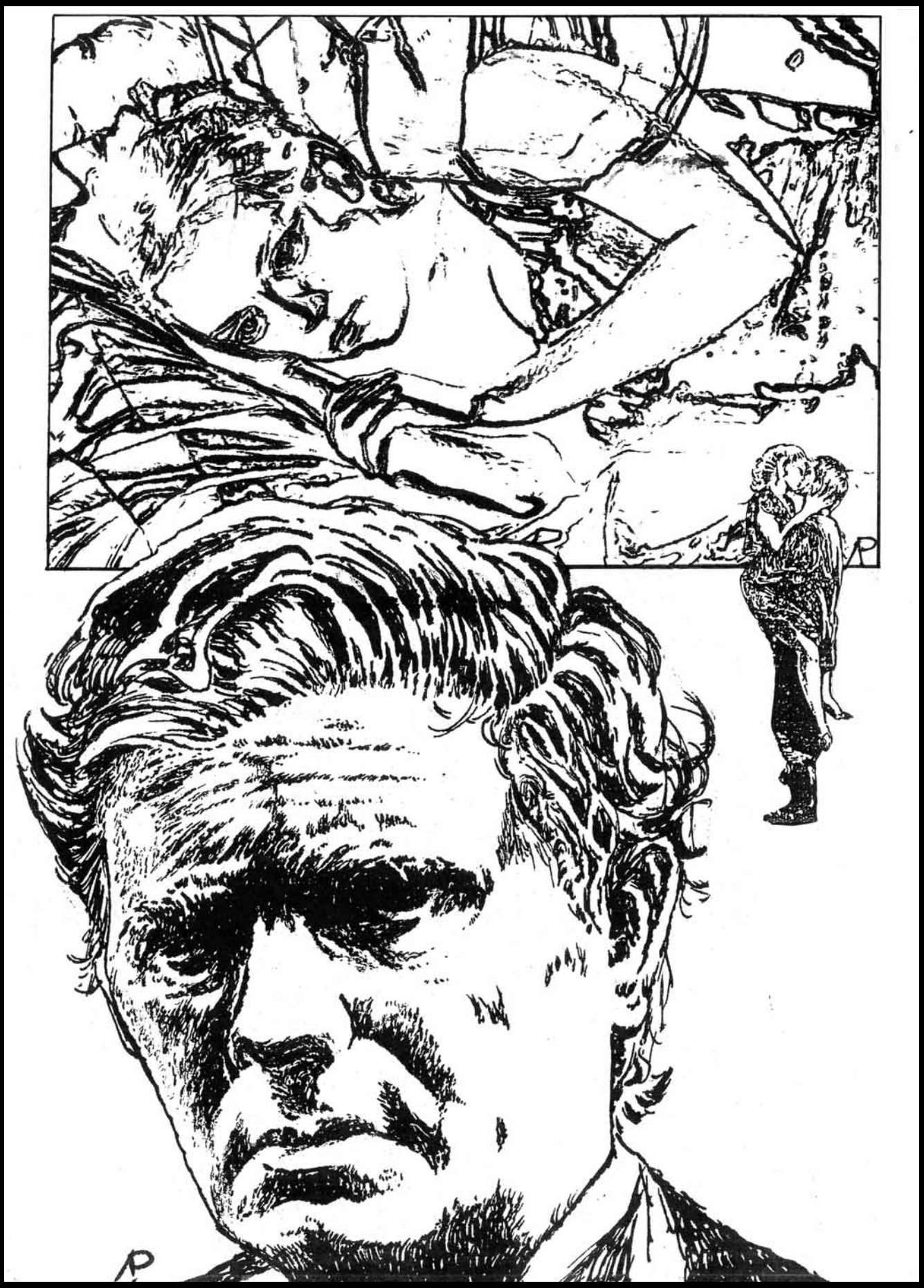
Не грусти, не печалься по осени,
Не буди понапрасну сомнения,
Мое милое чудо раскосое,
Роковое мое наваждение.

***

Любовь коснулась нас своим крылом
Всего на миг — и тихо улетела…
Увяло лето сорванным цветком,
Дождливый день смакует запах
прелый.

Мы погрустим немного, а потом
Нас жизнь закрутит вечной суетою.
Пойдут года размеренно, гуськом,
Пока не заторопятся гурьбою.

И в пустоте, как будто ни с чего,
Мы вспомним той любви
прикосновенье…
И вдруг поймем, что жили мы всего
Лишь только то прекрасное
мгновенье. ❑



Сергей Бехлер

Почему так устроена человеческая память, что со временем забывается то, что, казалось, не должно было забыться, а из ее глубинных недр спустя десятилетия вдруг всплывает давно забытое, казалось бы, навечно похороненное там? Почему за сорок с лишним лет, минувших с той поры, он ни разу не подумал о ней и напрочь забыл ее имя? Но вдруг в одну из бессонных ночей пару лет назад Константину Беккеру явственно почудился знакомый хрипловатый голос, и со дна памяти моментально выплыл наивно-обескураживающий взгляд голубых глаз и мельчайшие подробности, как документальные кадры кинохроники, вернули Константина в то далекое лето...

Центром притяжения в Самарово, так называлась, а, может, называется и сейчас южная часть города Ханты-Мансийска, была пристань, где швартовались теплоходы, идущие из Тобольска в Салехард, в Сургут, в Нижневартовск и другие северные города на реке Обь. На пути к пристани находился гастроном, около которого всегда кучковались любители «приятно» провести время.

Костя еще издали приметил на ступеньках гастронома полтора десятка парней, среди которых было и несколько девушек, и направился к ним. «Эх, и попадет мне! Ну да ладно, за семь бед один ответ!» услышал он еще издалека. В хрипловато-надтреснутом голосе девушки звучала вызывающая бравада.

— Это кому и за что попадет? — спросил Костя, пробираясь на голос и на ходу кивая головой в ответ на приветствия знакомых.

— Мне попадет. Кэп послал меня за папиросами, а я пропила его червонец.

В этот момент Костя и встретился взглядом с девушкой. Она была не намного ниже его ростом, ширококостная в плечах и в бедрах, с распущенными ниже плеч каштановыми волосами. Словно два разных магнитных полюса, они сразу и неудержимо потянулись друг к другу. Косте показалось, что он растворился и утонул во взгляде ее по-детски наивно распахнутых голубых глаз, в котором на мгновение мелькнуло удивление, сменившееся неподдельным интересом. В свои семнадцать лет он выглядел на несколько лет старше и не сомневался, что и она определила его возраст никак не меньше девятнадцати.

— Кто ты? — севшим голосом спросил Костя.

— Настя. А ты кто? — Ее грудное вибрирующее контральто завораживало слух, а взгляд был настолько беспомощно-наивным, что просто обескураживал Костю.

Приятели уже посмеивались над ними, но, видя, что они не реагируют на шутки и не замечают ничего вокруг, оставили их в покое. После десяти вечера компания стала расходиться по домам. Костя с Настей, уйдя одними из последних, прогуливались вдоль набережной.

— Вон мой катер, видишь?

— Который? Там их несколько стоит.

— А вон тот, четвертый. «СХ-21». Я там поварихой работаю. А мой кэп — родной брат отца дядя Коля.

— Так ведь он стоит прямо под окнами моего дома! — засмеялся Костя. — Окно на втором этаже без света видишь? Это моя комната.

У трапа катера он притянул Настю к себе и нежно поцеловал в мягкие податливые губы:

— До завтра. В два часа буду ждать тебя у трапа.

— Да кто меня отпустит? Я же проштрафилась. Вряд ли еще увидимся, дня через три мы переезжаем в другое место.

— Увидимся, Настя. Я обещаю. До завтра.

— Ты блаженный, что ли? — В низком гортанном голосе прозвучали нотки горечи и недоверия. — Прощай!

— Нет, — упрямо повторил Костя, — до завтра!

На следующий день ровно в два часа дня он стоял у трапа катера. Выждав минут двадцать, бросил сигаретный окурок на песок и поднялся на палубу. Низко пригнувшись, по винтовой лестнице спустился в кубрик. В тесном прокуренном помещении прямо напротив входа у дальней стенки за столом сидели трое. Судя по всему, у них было время обеда.

В центре восседал здоровый бугай в тельняшке лет двадцати пяти. Перед ним стояла эмалированная тарелка, из которой он только что зачерпнул ложкой уху, но, увидев Костю, опустил ее обратно в тарелку. Двое других, худой и длинный, лет тридцати, и невзрачный мужик неопределенного возраста в мятой рубахе, отодвинув свои пустые тарелки, пили чай из кружек. Справа у задвинутой занавески сидел на табуретке капитан. На нем был китель речника с блестящими пуговицами. Седые виски и морщины на лице выдавали солидный возраст, но, по сравнению с другими членами команды, внешность его была даже располагающей. Капитан курил папиросу и, прищурившись, внимательно разглядывал Костю.

— Чего надо? — недружелюбно спросил детина в тельняшке.

— Я пришел за Настей.

— Ни фига себе! — выдохнул тот и зашелся в громком смехе. — Пролетел ты, парень. Настя до конца недели под домашним арестом.

— Я знаю. Но я обещал, что приду за ней.

Краем глаза Костя увидел, как за спиной капитана из-за занавески выглянула Настя и, зардевшись румянцем, снова задернула ее. Теперь об отступлении не могло быть и речи.

— Вали отсюда по-хорошему, — буркнул детина.

Взаимная антипатия между ним и Костей наращивала обороты.

— Я уйду отсюда только с Настей. Или останусь здесь с ней. Третьего варианта нет.

— Есть и третий. Слушай, ты, а тебе не приходилось нырять за борт щучкой?

— Пока не приходилось.

— Хочешь попробовать?

— Можно и попробовать.

— Ну, парень, пеняй на себя — сам напросился, — заржал детина, приподнимаясь с места.

— Хватить гоготать, жеребцы!— вмешался капитан. — Тебя как зовут, парень? — обратился он к Косте.

Он назвал свое имя.

— Это с тобой Настя пропила мои деньги?

— Нет, не со мной Я подошел позже. Если хотите, я вам верну тот червонец.

— Деньги тут ни при чем. Если я отпущу ее с тобой, она снова вернется пьяной.

— Исключено. Она вернется трезвой.

— Слово? — вопрошающе взглянул капитан в глаза Косте.

— Слово! — твердо пообещал Костя.

— Настя! Чего ждешь? Не видишь, что ли, что кавалер ждет? — повернулся капитан в сторону занавески.

— Я сейчас, дядя Коля! — послышался оттуда радостный возглас.

Через несколько минут они с Костей покинули кубрик.

— Настя! В десять вечера! И ни минутой позже! — донесся вдогонку голос капитана.

Самарово расположилось у подножия горы на правом берегу Иртыша. Через двадцать километров он сливался с Обью — самой широкой и глубоководной рекой Западной Сибири, на берегах которой прошло детство Кости.

Штурмовать гору в лоб по крутому склону редко кто отваживался, но Костя знал несколько тропок в пологих местах, где можно было забраться на вершину горы без особых физических усилий, чтобы полюбоваться на город сверху, с высоты птичьего полета. Одну из таких тропинок он приметил еще прошлым летом, и сейчас они шли по ней, оживленно разговаривая. Заметив слева пологую площадку со скамейкой, укрытую густым кустарником, решили не подниматься на гору и свернули туда.

Никогда еще никто не обнимал и не целовал Настю так нежно, как Костя. С детства обделенная лаской и вниманием, она не представляла, что можно просто таять в объятиях, задыхаться от переизбытка чувств и эмоций. Он ей понравился вчера с первого взгляда, но, прощаясь у трапа катера, Настя думала, что больше никогда не увидит его.

— Откуда ты взялся такой? — прошептала она.

— Какой такой? Обычный, как и все остальные, — усмехнулся Костя и неожиданно спросил: — Скажи, а ты стихи любишь?

— Ну, если только хорошие.

— Настоящие стихи плохими не бывают.

— А ты помнишь что-нибудь наизусть?

Костя кивнул и начал декламировать:

«*В одной знакомой улице*
Я помню старый дом,
С высокой, темной лестницей,
С завешенным окном.
Там огонек, как звездочка,
До полночи светил,
И ветер занавескою
Тихонько шевелил.
Никто не знал, какая там
Затворница жила,
Какая сила тайная

Меня туда влекла!
И что за чудо-девушка
В заветный час ночной
Меня встречала, бледная,
С распущенной косой!
Какие речи детские
Она твердила мне
О жизни неизведанной,
О дальней стороне!
Как не по-детски пламенно,
Прильнув к устам моим,
Она, дрожа, шептала мне:
"Послушай, убежим!
Мы будем птицы вольные,
Забудем гордый свет…
Где нет людей прощающих —
Туда возврата нет!"
И тихо слезы капали,
И поцелуй звучал, —
И ветер занавескою
Тревожно колыхал».

Настя слушала, затаив дыхание и невольно представляла себя на месте героини стихотворения.

— Здорово! А кто это написал? — спросила она.

— Полонский. Давно, еще в прошлом столетии.

— Знаешь, мне в моей жизни было не до стихов…

И ее словно прорвало. Она рассказала Косте о себе все. Что мать — пьяница, что отец бросил семью, а она состояла на учете в детской комнате милиции, что брат отца дядя Коля взял ее на поруки и вот уже третий год она работает поварихой на его катере.

Ее тронуло, как Костя слушал — не перебивая, не задавая лишних вопросов, только гладил ее густые, распущенные по плечам волосы.

Некоторое время они сидели молча. Наконец Настя подняла на него свой по-детски наивный взгляд и спросила:

— Скажи, Костя, а ты сам стихи не пишешь?

— Открою тебе страшную тайну — пишу с четырнадцати лет. Но это еще далеко не стихи, а так бумагомаранье. У меня есть несколько начатых стихотворений, которые никак не могу дописать, а есть, наоборот, — удачное завершение, но без начала. Например, это:

«*...Но стихами и рассказами*
Твою душу очарую я,
Если ты не будешь связывать
Мои губы поцелуями».

— Буду, еще как буду! — засмеялась Настя и прильнула своими губами к Костиным...

Ровно в десять вечера она была на месте. Капитан ждал ее возвращения. Она была не только трезвой, но веселой и улыбчивой.

— Настя, ты прямо вся сияешь и светишься!

— Сияю, дядя Коля, сияю и свечусь! — ответила Настя и проворно скрылась за занавеской.

Следующие два вечера они провели на том же месте. Настя подходила в условленное время к тонкой березке, растущей перед его домом, и Костя, увидев ее в окно, тотчас выскакивал на улицу. Во время третьей встречи она с грустью в голосе сказала, что послезавтра рано утром катер уходит со стоянки в другой населенный пункт. Как обычно Костя проводил девушку до трапа, и там они попрощались, договорившись о последней встрече.

Но больше они не увиделись. С утра начался сильный ливень, который не позволял прийти на их обычное место, а чем ближе подходило время встречи, тем тревожней и беспокойней становилось на душе Кости. Он потерянно слонялся по квартире из угла в угол. Причина была не в приступе хандры, что накатывала на него время от времени, — он не хотел себе признаться, что боится этого последнего свидания, не представляет себе сцену прощания с ней. К тому же он всегда терялся перед женскими слезами, хотя и непохоже, чтобы Настя залилась слезами, а вдруг…

Он все еще не знал, что ему делать, когда в дверь постучали. Пришел его школьный друг с гитарой в руках и с бутылкой красного вина в кармане, и Костя вдруг понял, что сейчас напьется вдрызг.

Когда стрелки настенных часов показали время предстоящего свидания, первая бутылка водки была уже опустошена. Серега выпил всего стакан вина и играл на гитаре, мурлыкая под нос мелодию какой-то песни. Минут через десять Костя не выдержал и выглянул из окна: Настя стояла, ежась под дождем, и терпеливо ждала его. А рядом гнулась под ветром тонкоствольная березка.

«Какой же ты гад, Константин Беккер!» — мысленно обругал себя Костя и, подойдя к кухонному столу, сорвал ярлычок с горлышка бутылки, налил и залпом выпил полный стакан водки...

— Что так рано вернулась? — удивился дядя Коля, увидев понурую фигуру Насти. — Он не пришел?

По щекам Насти катились то ли дождевые капли, то ли слезы. Она молча скрылась за занавеской. Спустя некоторое время капитан зашел в ее каюту. Настя лежала ничком, лицом вниз.

— Поплачь, Настена, поплачь, — гладя вздрагивающие от сдерживаемых рыданий плечи, тихо утешал ее дядя Коля.

А в доме напротив в полном отрубе лежал Костя. Когда он проснулся утром и, все еще не протрезвевший, выглянул в окно, то на месте стоянки катера «СХ-21» остался только вдавленный след не песке, который медленно, но неумолимо стирали волны Иртыша...

Сколько раз за последние два года Константин Беккер пытался мысленно оправдаться перед ней. Даже если бы он и пришел, что бы это изменило? Да ничего бы не изменило. Вряд ли бы еще когда пересеклись их судьбы. Не потому, что он не имел ее адреса, который она должна была сообщить ему на несостоявшейся встрече. Имей он адрес, навестил бы он ее? Скорее всего, нет. И не только потому, что они были абсолютно разными, просто в его судьбе спустя год произошел такой перелом, какой и мысленно представить было невозможно, так что это даже к лучшему, что она не знала, где он и что с ним.

И все-таки это не оправдание для совести, ибо с годами Константин понял, что физическая боль, какой бы сильной она ни была, всегда намного слабее душевной.

Лучше избить человека, чем нанести ему душевную травму. Побои проходят через несколько дней, а душевные травмы лечатся годами. А иногда и всю жизнь.

К чему лукавить перед собственной совестью? Не сам ли он поставил диагноз в одном из своих стихотворений:

«В юности прощалось много нам,

Только не предательство и трусость».

Точнее не скажешь. Константин вздохнул и перевернулся на другой бок, подавив желание подойти к окну. Он знал, что, если встанет сейчас и подойдет к окну, то увидит там не готику немецких крыш и не вишню, растущую под ним, а тонкую молодую березку, пригнутую ветром к земле, а рядом с ней одинокую, понурившуюся фигуру девушки. Имя которой он так и не смог сейчас вспомнить...

Прости его, Настя, если сможешь. Да и автора тоже прости... ❑

Забытый смех

20-е годы были счастливыми для советской сатиры: они дали нам М. Булгакова, М. Зощенко, И. Ильфа и Е. Петрова, А. Платонова, М. Кольцова. К юмору приобщились и серьезные писатели, например, — П. Романов и В. Шишков, отразившие крестьянское восприятие революции. Продолжали работать в остром сатирическом жанре В. Маяковский и Д. Бедный.

Однако если ограничиться только этими именами, наше представление о юморе послереволюционных лет будет сильно обеднено: оркестр ведь состоит не только из солистов, а также из исполнителей, создающих ансамбль. Не зря же в кино награждают актеров за вторые роли. Поэтому, чтобы получить полное представление о юмористике 20-х годов, надо вспомнить и о сатириках «второго плана». И среди них было немало талантливых писателей, чьи судьбы по разным причинам не состоялись. Если внимательно присмотреться, то и они оставили нам в наследство немало поучительного и смешного.

Михаил Козырев

Дьявольская штука

В дождливый осенний вечер задержались в клубе после репетиции завкультотделом, режиссер и один из членов драмкружка: скоро спектакль ставить, нужно кое о чем поговорить, приготовить кое-какие вещи. И вот, когда выносили из кладовой поломанный ломберный стол, оставшийся от печальной памяти «общественного собрания», оттуда выпала колода карт и рассыпалась по полу.

Завкультотделом подобрал карты и сказал:

— Только подумаешь, что люди столько времени убивали на эту дрянь! Придешь, бывало, в «собрание» — ночь, лампа еле горит, а они сидят

вокруг стола: пас...вист...без трех... Глаза красные, нервы взвинчены, а сидят...

— Дьявольская штука! — согласился режиссер, принимая колоду от завкультотделом. — Когда я у Заволжского-Задунайского в труппе работал, сели мы как-то вечерком в картишки перекинуться. Не проходит и пяти минут — прибегают ко мне: «Ваш выход!»

«Какого черта, — говорю, — выход! Мне отыграться надо!»

«Идите, вас ждут!»

«Да что вы, говорю, — пристали — сегодня я не играю... Мне в "Железном сердце" играть...»

«Как раз "Железное сердце" и идет, второй акт уже начался!»

«Что вы, — говорю, — шутки, что ли, со мной шутите? Сегодня среда, а "Железное сердце" — в пятницу!»

«Сегодня пятница и есть!»

— Вот ведь как — три дня играли и не заметили, как время ушло! Гляжу в зеркало, а я королем Ричардом загримирован. Когда гримировался?..

— Тоже не заметил? — удивился завкультотделом.

— Заметишь тут! Дьявольская штука...

И с этими словами режиссер передал карты члену драмкружка.

— А я так, кроме как в азартные, и играть не умею, — сказал тот и, перетасовав колоду, сдал всем по карте:

— Ва-банк, что ли?

— Ва-банк! — в шутку ответил завкультотделом.

Ночью проходил мимо завклубом и обратил внимание, что в клубе светло.

«Зачем это они электричество зря жгут?» — подумал и зашел в клуб.

Видит: сидят за столом трое: завкультотделом, режиссер и член драмкружка. Лица у них нервные, возбужденные. Только и слышно:

— Беру! Сколько? Ва-банк!

— Товарищи, — сказал завклубом, — как вам не стыдно! Мы должны подавать пример, а вы... Ну что такое карты? Разве сознательные работники, кладущие все силы на просвещение широких масс...

Завкультотделом забирал огромнейший банк.

— Вот, черт побери, повезло! — сказал режиссер. — Третий раз бьет и бьет!

— Четвертому не бывать, — заявил член драмкружка. — Были бы деньги — пошел бы на все...

— Да, четвертый раз — большая редкость, — согласился завклубом.— Ты на сколько? Давай карту. Мажу остальное...

— Давай!

К утру возвращался из дальней командировки завземотделом местного волисполкома. Видит: в клубе ярко освещены окна.

— Заседание, что ли, до сих пор затянулось?

Зашел. Сидят за столом завкультотделом, режиссер, член драмкружка и завклубом. Лица у них возбужденные, глаза красные...

— Товарищи! Как вам не стыдно, — начал он.

Завклубом возразил:

— Я бы хоть сию минуту бросил, да неудобно — выиграл. Товарищи не отпустят...

— Я отыграться хочу, — мрачно возразил режиссер.

Завземотделом минут пять стоял около стола и следил за игрой.

— На тебя сдавать? — спросил у него банкомат.

— Разве для шутки...

Утром в девять часов председатель волисполкома пришел в совет: мужиков собралось порядочно, и все по земельным делам.

— Погодите, я земельного позову! Спит, небось, вчера он поздно ночью должен был приехать.

Долго искал завземотделом, не нашел, а проходя мимо клуба, обратил внимание на то, что там, несмотря на солнечный день, горит электричество.

Заходит.

— Что же вы, черти полосатые, — начал он и, увидев, чем занимаются товарищи, возмутился до глубины души:

— Товарищи, вас там ждут, — сказал он завземотделу, — а вы чем занимаетесь? Ай, ай, ай...Как вам...

Заглянул в карты завземотделом — а у того туз!

— Примажешься, что ли? У меня денег нет, — сказал тот.

Председатель примазался и выиграл.

На следующий день секретарь волисполкома отдувался за троих: и за себя, и за председателя, и за завземотделом. Сил не стало.

— Куда они, черти лысые, запропали?

Искал, искал и очутился в клубе. Видит: сидят за столом режиссер, завкультотделом, завклубом, член драмкружка, завземотделом и председатель волсовета. Лица у всех потные, возбужденные...

— Товарищи, не могу больше...

— А что? — спохватился председатель. — Разве еще работа не кончилась?

— Не начиналась! Со вчерашнего дня ждут!

— Со вчерашнего? Да я только что сюда забежал. Вот время-то идет!.. Ну ладно — я сейчас: только банк поставлю и прибегу... Погоди тут минуточку, а коли скучно, возьми карточку...

Секретарь взял.

Собравшиеся у волисполкома мужики ждали секретаря до трех часов.

— Куда он запропастился, щучий сын?

— В клуб, говорят, пошел!

— Идем в клуб — нешто можно так народ задерживать...

И человек десять мужиков ввалились в клуб.

— Погодите, — отмахнулся от них председатель, — я сейчас...

Мужики стояли и смотрели — сначала равнодушно, затем все более и более заинтересовываясь ходом игры. Наконец, один не утерпел:

— Чем так-то ждать, не дадите ли и мне карточку?

— Что ж — играй!..

В тот момент, когда я пишу, в клубе сидят уже восемьдесят три человека...

«Муравейник»,1926 г.

Евграф Дольский

Подарок Фелимона Дунькина

Однажды, при розыгрыше билетов государственного займа, Фелимон Дунькин — плотничный десятник, — выиграл сто тысяч целковых.

Фелимон Дунькин был человеком обстоятельным, образованным и серьезным. До выигрыша он выписывал целых две газеты, — одну, чтобы читать и курить, а другую, чтобы складывать на этажерку. Поэтому не мудрено, что, выиграв целых сто тысяч, он очень скоро вспомнил про родную Замареновку. Вспомнил и облился кровью:

— Сидят, горемыки, в трехстах верстах от железной дороги, как медведи в берлоге, и лапу сосут. Эх, пошлю-ка я им тысчонку рубликов — пусть они купят себе… купят себе… куп… себе… себ…

И стал думать, чтобы такое могли купить себе на эти деньги дорогие земляки? Если посоветовать им выписать на каждый двор по журналу «Пила», то, во-первых, и грамотных не наберется, чтобы прочитать хоть половину журналов, а, во-вторых, глядишь на всю Замареновку — ни одной этажерки нет, чтобы было куда «Пилу» складывать… Если, скажем, самому распорядиться деньгами и послать землякам плотничьего инструмента, которого на тысячу рублей можно целую гору купить, — так опять силы в подарке не будет, — нечего в Замареновке с плотничьим инструментом делать, — все своими средствами переделано…

Долго думал Фелимон Дунькин и, в конце концов, придумал:

«Желаю я, — написал он в денежном переводе, — чтобы дорогие мои земляки употребили эту сумму на покупку пианино для собственной школы. Желаю, чтобы услаждались они этим инструментом и купили самый лучший и, если возможно, то в столичном городе под названием Москва…»

Четыре делегата от деревни Замареновка приехали в Москву и после недолгих поисков попали в магазин музыкальных инструментов.

Пианино им очень понравилось, но его объем и вес сильно озадачили делегатов. Приказчики в магазине заикнулись было, что можно деньги заплатить, а инструмент будет выслан багажом, но делегаты на эту удочку не попались. Они твердо помнили наказ товарища Ероплясова, ездившего в двадцать пятом году в Москву на какой-то съезд:

— Помни, ребята! Нет на свете ничего жульнистей Москвы! Скажем, трамвай. Будто для езды приспособлен, будто и едет только паром и током, а только ты в него сел, так в один момент и кисет и портмоне вытащат.

Поэтому делегаты хладнокровно цыкнули на приказчиков и напомнили им ту старую истину, что дураки, были, но все вышли.

А потом поднатужились, подняли пианино на плечи, да и понесли его тихим маршем на Казанский вокзал.

Нести было до того тяжело, что один из делегатов даже такое предложение сделал:

— Подбросим мы эту штуку в чей-нибудь огород, а у себя скажем, что украл у нас ее жулик в трамвае.

— Потрудись, Митроша, — попросил его товарищ, — потрудись для общества. Может, зачтется нам эта мука при продналоге.

— Было б нам маленькую брать, — вздохнул Митроша, — ту, что в два раза меньше ростом… Позарились, черти, на рост, а ты страдай теперь! Не могу я больше идти, отдыхай, братва!

Пианино опустили на тротуар, и присели отдохнуть на нем. И не успели люди по папиросе свернуть, — откуда ни возьмись милиционер.

— Это что такое? — заревел. — Бросили поперек панели пианину, да сидят на ней? Марш с панели!

— А нам по-твоему на земле сидеть? Сам на нее сядь! — посоветовали ему делегаты.

— Уходи с панели! Не пруди панель!

— Слушай, — ласково сказали делегаты, — мало прохожим улицы? Так нет, всех на панель прет! Мил-человек, не дури, а присядь, покурим вместе. Сам-то какой губернии?

— Воронежской, но только…

— Милый, так мы тоже воронежские! Господи! Двинься, ребята, дай местечко землячку. Голубь! Уезда-то какого? Ужли Бирюченского?

— Слушайте, — приказал милиционер, — лучше уходите миром, лучше мигом поднимайтесь, не то начну честью просить!

— А говоришь воронежский! — обиделись делегаты, приспосабливаясь поднять пианино, — Воронежские, брат, душевные люди! Танбовский ты, вот какой!

Подняли пианино, плюнули и пошли.

На вокзале делегатов не пустили внутрь станции и прямо сказали, что с пианином не пустят ни в один вагон.

— Братцы, — стонали делегаты, — ежели опасаетесь, что она в вагон не влезет, так влезет она! Бочком ее просунем, туда-сюда двинем и влезет.

Но ничего не помогло.

— Сдавай пианино в багажный вагон! — вот и все, что ответили на станции.

Тогда делегаты потребовали и себе билеты в багажный вагон, но и здесь их ждало разочарование, — точно так же, как не пускали пианино в людской вагон, так же нельзя было ехать людям в багажном.

Делегатам сделали очень хорошее предложение:

— Да расстаньтесь же вы с ним, с дьяволом! Обязаны же вы железной дороге верить! Не украдет она ваше пианино!

А делегаты:

— Милые! Спасибо! Сердечно растроганы, но только дураки-то были, да все вышли! Сюда-то как мы ехали, а у Григорь Маркелова, — на что трезвенник — ни пьет, ни курит, а сперли же у него серьгу из уха! А пианино-то не серьга! За это пианино два воза серег купишь!

— Ну, — говорят им,— остается одно, — покупайте отдельный вагон, в нем и везите свое добро.

Посчитали мошну.

— Нет! Не хватит пороху!

И решили нести пианино пешком на плечах.

А от Москвы до Замареновки одна тысяча сто тридцать семь верст — ни верстой больше, ни верстой меньше…

— Что ж, — сказали делегаты, — взялся за гуж, так не говори, что не дюж!

Вздохнули, подтянули пояса, да полегонечку и пошли.

А через три месяца в Замареновку пришел только один делегат и перед всенародным митингом сделал подробный доклад.

— Волю вашу, — сказал он, — исполняем в точности, глаз с пианино не спускаем, а если и уронили, то самое великое два раза, да и то без вреда, потому что роняли, как переходили через реку вброд. Но горе наше горькое в том, что не пускают нас в поезд ни в Москве, ни на маленьких станциях, и кондукторов не подкупишь нипочем. А нести на плечах уже нет никакой человеческой силы. А потому просим препокорно общественную подводу отпустить и на ней пианино до родных мест довезть.

Покрутил деревенский мир носом, сильно покрутил, но все-таки раскачался и подводу дал. Три недели пришлось подводе ехать, пока до пианино добралась.

Делегатов нашли в избе.

— А пианино где же?

— Цела! Цела! Не бойся! — превесело ответили делегаты, — Снегом ее только занесло. Ни в одну избу не пролазила, на гумне оставили.

Взяли лопаты, потрудились для общества, но только насилу-насилу откопали, — примерзла, проклятая. Ломиком пришлось ковырнуть — тогда и подняли.

А потом, когда учительница сыграла на этом пианино «Интернационал», замареновцы нахмурились, а четыре делегата отвернулись в сторону, чтобы скрыть от мира слезы. Не того стало жаль, что понесли столько хлопот, а того, что поверили разжиревшему в городе плотничьему десятнику Фелимону Дунькину.

В самом деле, из всех клавишей пианино отвечал только один, тот самый, который в «Интернационале», в строке «Вставай, проклятьем заклейменный…», соответствует слогу «ай»…

Библиотека журнала «Смехач», 1926 г.

Василий
Лебедев-Кумач

Инкогнида

С самого же начала Досекин был неожиданно и приятно изумлен. В справочном столе, куда он, прежде всего, обратился, его приняли, как родного, назвали «дорогим товарищем», ни разу не фыркнули, ответили на все вопросы и даже дали провожатого, чтобы провести его на пятый этаж, в нужный отдел.

На лестницах царила чистота: ни окурка, ни плевочка, ни клочка бумаги! На каждой площадке в уголке были поставлены новенькие, свежевыкрашенные урны, и чистенькие плакаты над ними приглашали вежливо и решительно: «Плюйте сюда!»

Никто не толпился на лестнице, не кричал, не махал никакими бумагами, и никто не умолял никакую Катю обязательно прийти завтра в кино «Волшебные грезы». Досекин изумлялся все больше и больше.

И когда в консультации быстро и ясно написали ему ответ на заявление, а в общем отделе в десять минут напечатали и протащили по всем журналам бумажку, к его изумлению и восхищению начал примешиваться оттенок досады. Заговорило профессиональное чувство.

«Черт знает, что такое! Просят тебя произвести внезапную ревизию, говорят, что тут волокита, грязь, безобразие, неразбериха. Ты приходишь инкогнито, лазишь по всем этажам, отрываешь людей от дела… И что же? Оказывается, что здесь все просто образцово поставлено! Зря потерянное время! Даже обидно — хоть бы пустяк какой был в неисправности! Хоть бы что-нибудь!.. Стой! Пройдемся к самому главному — может, тут самая волокита-то и есть».

Но и здесь Досекина ожидало разочарование. На двери кабинета «самого главного» висел скромный и уютный плакатик:

«Прием ежедневно. Вход без доклада».

Досекин остановился у двери и прислушался. Из комнаты доносился мягкий, бархатный, рокочущий басок «самого главного»:

— …А если вам кто-нибудь, где-нибудь будет чинить задержки или препятствия, безо всякого стеснения обращайтесь прямо ко мне. Когда хотите. Я всегда рад вас видеть. И от всей души желаю вам успеха. Успех вашего Козьебродского объединения есть вместе с тем и наш успех!

«Тьфу, черт! — сплюнул Досекин. — Прямо даже до противности тошно, но от вежливости. С непривычки даже коробит. Такой сироп, что ни в какой Европе не найдешь!»

И едва он успел отскочить от двери, как из нее вышел проситель, крестьянин в плешивых валенках, с лицом, испуганным от радости. Взглянув на Досекина, он плотно прижал к груди бумажку, как бы боясь, чтобы ее вдруг не отняли, и радостно осклабился:

— Вот дела-то какие, сынок! Три месяца ходил — хучь хны. Замерзла бумажка — ни тпру, ни ну! А тут вдруг — враз все готово! Чу-де-са!

Досекин проводил глазами крестьянина, подумал и решительно направился к выходу:

«Действительно, чудеса! В других местах по три месяца тянут, а тут сразу! Вместо протокола ревизии придется похвальную статью писать. Прямо примерное учреждение, на всю республику примерное. Удивляюсь, какой идиот выдумал, что тут волокита и беспорядки?»

У самого выхода Досекин столкнулся с уборщицей, старательно подбиравшей с полу сиротливый окурок. Уборщица ворчала.

— Ты что ворчишь? — спросил Досекин без всякой определенной цели.

И вдруг уборщица подняла на него красное, потное, усталое и злое лицо.

— А как же не ворчать-то! Шестой день этак-то вот маемся. Как кто плюнет — подтирай, спичку бросит — подметай! Да еще фартук не замажь! А то, говорят, назад будем брать, так чтоб чистый был, а то уволим. И служащие все злые стали, как собаки. У себя-то там ходят на цыпочках, улыбаются, а на меня прямо ногами топают — душу отводят. И то сказать, им не легко приходится — попробуй-ка цельный-то день поработай да поулыбайся! Уж поскорей бы эта самая инкогнида приходила! Мочи больше нет!

— Кто? Кто? — изумленно переспросил Досекин.

— Инкогнида какая-то там. Тайком, вишь, ревизию нам решили назначить. И послали какую-то инкогниду. И фамилия-то какая противная. Ну, а наш заведующий, значит, прознал. Он хитрый, все наперед знает. Вот и повернул все вверх дном. Наставил всем служащим работать напоказ — вдвое, говорит, заплачу! А какой уж тут вдвое — тут и втрое не возьмешь. Барышня наша, Анна Лексеевна, секретарша, надысь мне жаловалась.

— Прежде, говорит, придет какой мужик вонючий, скажешь ему: нет! — и конец. А теперь бумаги его грязные рассмотри да пойми, что куда, да ответь, да еще улыбайся. И все вот так-то! Шестой день плачем, а улыбаемся.

И, вздохнувши, уборщица махнула рукой:

— Мочи больше нету! Хоть бы поскорей эта инкогнида, проклятая, приходила!.. ❑

«Крокодил», 1928 г.

Евгения Гордиенко

КОПЕНГАГЕНСКИЙ СТИЛЬ

Давным-давно, при сдаче экзамена по физике, одного студента спросили: «Как измерить высоту здания с помощью барометра?» Ответ студента не заставил себя ждать: «Нужно подняться с барометром на крышу здания, спустить его вниз на длинной веревке, а затем втянуть обратно и измерить длину веревки, которая и покажет точную высоту здания».

Ответ был, безусловно, верным, правда, не имел ни малейшего отношения к физике. Преподаватель, озадаченный такой выходкой студента, пригласил себе на помощь самого президента Королевской академии, Эрнеста Резерфорда.

Тот пришел и, услышав еще немало занимательных ответов на тот же вопрос, уточнил у юноши, неужели он не знает решения задачи с точки зрения физики. Студент ответил, что, разумеется, знает, но привык искать нестандартные решения, устав от постоянного навязывания решений шаблонных.

Студента, которого экзаменовал сам Резерфорд, звали

Нильс Бор

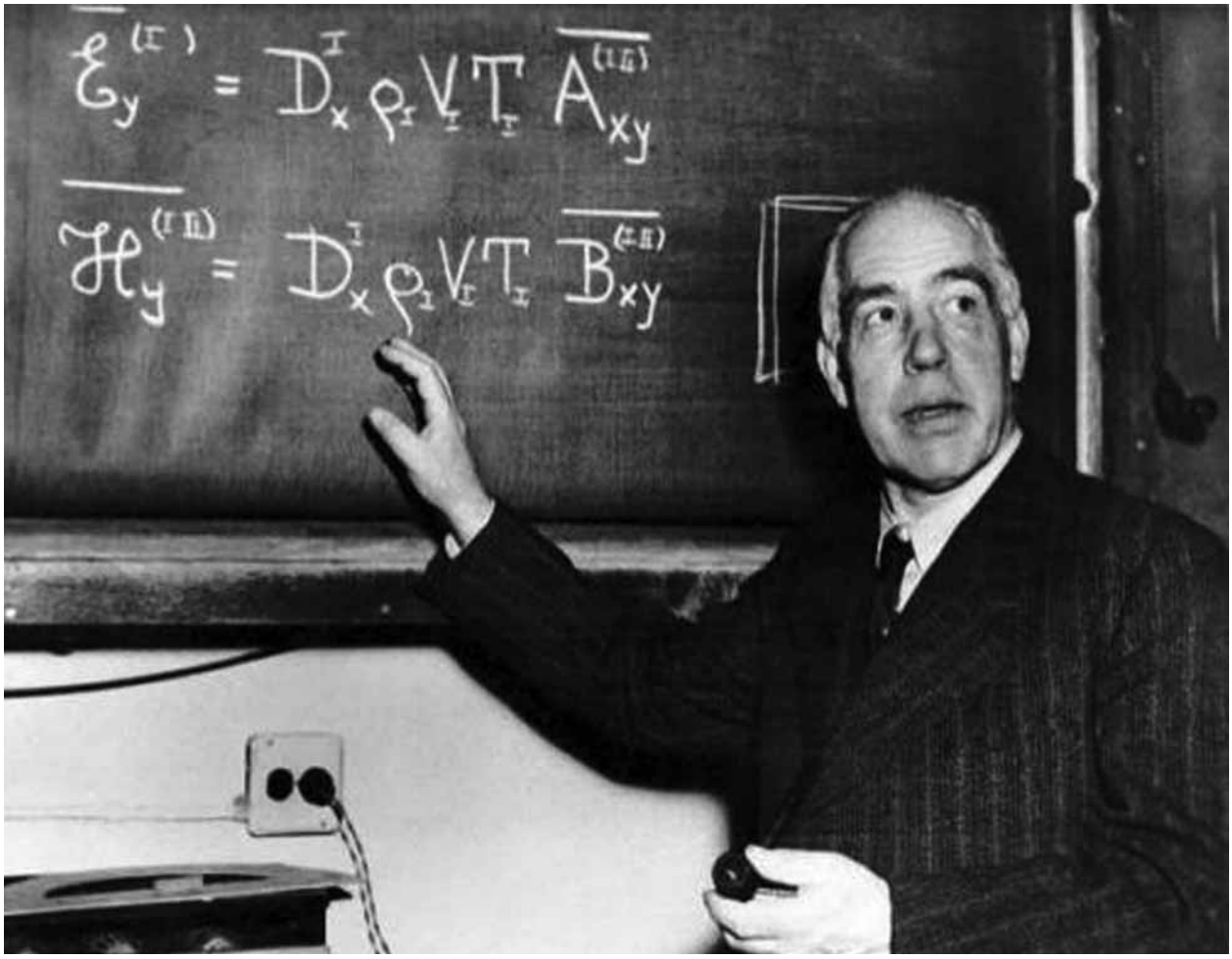
Он родился в Копенгагене, в семье профессора физиологии Христиана Бора и Эллен Адлер, дочери влиятельного и состоятельного еврейского банкира. Уже в школе Нильс проявлял интерес к физике, математике и философии. Теми же предметами был увлечен и его брат Харальд, впоследствии ставший известным математиком. Другим общим увлечением братьев был футбол. Они выступали за любительский клуб «Академиск», а Харальд впоследствии даже играл за сборную Дании. К счастью для науки, футбол остался для Боров лишь хобби.

Поступив в университет, Нильс уже вскоре получил золотую медаль Датского королевского общества за теоретическое исследование колебаний струи жидкости для более точного определения величины поверхностного натяжения воды, и ему выделили стипендию в размере 2500 крон для стажировки за границей.

В сентябре 1911 года Бор приехал в Кембридж, чтобы работать с знаменитым Дж.Дж. Томсоном в его лаборатории. Но совместная работа не была успешной. Бор впоследствии вспоминал: «Я был разочарован. Томсона не заинтересовало то, что его вычисления оказались неверными. В этом была и моя вина. Я недостаточно хорошо знал английский и потому не мог объясниться… Томсон был гением, который, на самом деле, указал путь всем… В целом, работать в Кембридже было очень интересно, но это оказалось абсолютно бесполезным занятием».

Резерфорд предложил Бору работать в его лаборатории в Манчестере. Именно здесь проходили эксперименты, которые привели этих двух ученых к пониманию планетарной модели атома. А в 1922 году Нильс Бор удостоился высшей награды — Нобелевской премии по физике «За заслуги в исследовании атомов и испускаемого ими излучения»

От бесполезной работы Бора спас именно Резерфорд, принимавший у Бора тот самый, ставший знаменитым, экзамен. Он предложил запомнившемуся ему студенту работать в его лаборатории в Манчестере. Именно здесь проходили эксперименты, которые в результате привели Бора и Резерфорда к пониманию планетарной модели атома. Если оставить за скобками многолетние эксперименты и сложные научные термины, можно сказать, что Бор помог человечеству понять физически природу периодичности химических свойств элементов — периодическую таблицу Менделеева. В 1922 году в ответ на эту услугу человечество в лице Нобелевского комитета удостоило Бо-



ра высшей научной награды — Нобелевской премии по физике «За заслуги в исследовании строения атомов и испускаемого ими излучения».

Но до этого события оставалось еще 10 лет. Пока же, в 1912-м году, Бор вернулся в Данию, где 1 августа состоялась его свадьба с Маргарет Норлунд, с которой он познакомился за несколько лет до этого. Но и во время свадебного путешествия по Англии и Шотландии Бор не переставал думать о работе. Проезжая Манчестер, молодожены посетили Резерфорда, которому Нильс передал свою подготовленную к печати статью «Теория торможения заряженных частиц при их прохождении через вещество».

Продолжая плотно сотрудничать с Резерфордом, Бор к 1916 году был уже профессором университета, а в 1920-м создал собственный Институт теоретической физики, где и оставался многие годы его бессменным директором. Именно здесь вокруг Бора постепенно оформился кружок коллег, учеников и единомышленников. Постоянные научные споры не утихали в Институте никогда. К Бору приезжали из разных стран, чтобы просто поговорить и поспорить. Здесь каждый день доказывался постулат, что именно в споре рождается истина.

Лучше всего эту научную школу можно понять, если вспомнить следующий эпизод: в 1961 году Бор по-

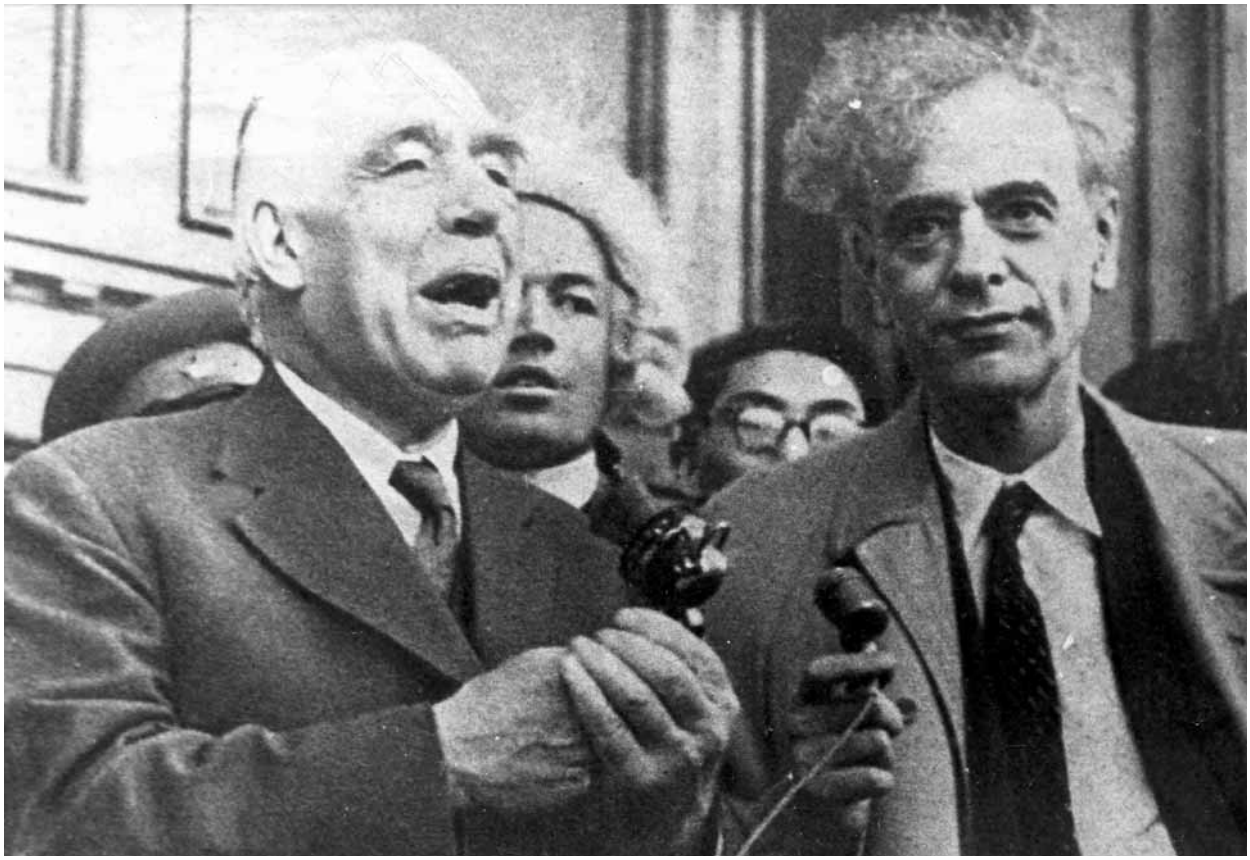
Справа:
Нильс Бор
и Лев Ландау

Альберт
Эйнштейн
и Нильс Бор

сетил Москву и побывал в гостях у своего ученика Льва Ландау. Тот спросил: «Каким секретом вы обладали, который позволил вам в такой степени концентрировать вокруг себя творческую теоретическую молодежь?» Бор ответил: «Никакого особого секрета не было, разве только то, что мы не боялись показаться глупыми перед молодежью».

Был даже заведен специальный журнал, в котором регистрировали всех, кто приезжал и уезжал, и по которому потом можно было судить о миграции ученых к Бору и его «копенгагенской группе».

Метод работы Бора многим казался странным. Сам он ничего не писал, лучше всего ему думалось, когда он диктовал. Кроме того, Бору всегда был необходим кто-то, с кем можно было бы обсудить научные проблемы. Нужен был диалог, а порой и шутливая беседа, в процессе



Когда Бор посетил Москву и побывал у Льва Ландау, тот поинтересовался, каким секретом, позволявшим в такой степени концентрировать вокруг себя молодежь, обладал ученый, на что Бор ответил: «Никакого особого секрета не было, разве только то, что мы не боялись показаться глупыми перед молодежью»

которой ученые пытались разгадать загадки природы атома. Такой метод впоследствии был назван «Копенгагенским стилем».

К Бору постоянно приезжали ученые из разных стран, признавая его несомненные заслуги перед наукой. Признавала их и Дания: с 1932 года Бор и его семья (у него было шестеро детей — пять сыновей и дочь) занимали так называемый «Дом чести» — резиденцию самого уважаемого гражданина Дании, выстроенную основателем пивоваренной компании «Карлсберг».

В 1934 году в семье случилось несчастье — во время плавания на яхте штормовой волной смыло за борт старшего сына Христиана. Его тело так и не было найдено.

В тридцатые годы, когда в Германии главенствовал нацизм, Бор помогал многим ученым, эмигрировавшим в Данию. При помощи Бора

и его брата Харальда был учрежден специальный Комитет помощи ученым-беженцам.

Во время войны, в 1941 году, Бора посетил Гейзенберг, руководивший в то время нацистским атомным проектом. Между учеными состоялся разговор, о котором впоследствии Гейзенберг вспоминал: «Копенгаген я посетил осенью 1941 г., по-моему, это было в конце октября. К этому времени мы в «Урановом обществе» в результате экспериментов с ураном и тяжелой водой пришли к выводу, что возможно построить реактор с использованием урана и тяжелой воды для получения энергии. <…> В то время мы переоценивали масштаб необходимых технических затрат. <…> При таких обстоятельствах мы думали, что разговор с Бором был бы полезен. Такой разговор состоялся во время вечерней прогулки в районе Ни-Карлсберга. Зная, что Бор находится под надзором германских политических властей, и что его отзывы обо мне будут, вероятно, переданы в Германию, я пытался провести этот разговор так, чтобы не подвергать свою жизнь опасности. Беседа, насколько я помню, началась с моего вопроса, должны ли физики в военное время заниматься урановой проблемой, поскольку прогресс в этой области сможет привести к серьезным последствиям в технике ведения войны. Бор сразу же понял значение этого вопроса, поскольку мне удалось уловить его легкий испуг, и тут же задал контрвопрос: «Вы действительно думаете, что деление урана можно использовать для создания оружия?» Я ответил: «В принципе возможно, но это потребовало бы таких невероятных технических усилий, которые, будем надеяться, не удастся осуществить в ходе настоящей войны». Бор был потрясен моим ответом, предполагая, очевидно, что я намереваюсь сообщить ему о том, что Германия сделала огромный шаг в производстве атомного оружия. Хотя я и пытался после исправить это ошибочное впечатление, мне все же не удалось завоевать доверие Бора…»

Гейзенберг явно намекал, что Бор не понял его предложения. Однако сам Бор уже в 1961 году заявлял: «Я понял его отлично. Он предлагал мне сотрудничать с нацистами…»

Этого великий ученый, разумеется, позволить себе не мог. Оставаться в Дании тоже не представлялось возможным, и в 1943 году через Швецию Бора и его сына Оге

(впоследствии тоже лауреата Нобелевской премии) переправили в Великобританию, а потом и в США, причем при перелете они чуть не погибли. Но в итоге все обошлось благополучно, и до конца войны под именами Николас и Джим Бейкер Боры работали над созданием атомной бомбы.

Разумеется, Бор не мог не осознавать опасность такой работы. Он встречался с Черчиллем и Рузвельтом, пытаясь донести до них весь ужас возможных последствий создания ядерного оружия, и призывал к полному его запрещению. Но его голос не был услышан.

О Нильсе Боре много рассказывают и пишут — как правды, так и небылиц. Говорили, что с ним совершенно невозможно было играть в шахматы. Когда противник делал неудачный, с точки зрения Бора, ход, тот возвращал фигуры в исходное положение и требовал переиграть. Ему приписывают немало афоризмов, которые, с одной стороны, говорят о нем как о человеке с отличным чувством юмора, с другой — как об ученом, привыкшем всегда следовать логике. Так, экспертом Бор называл человека, «совершившего все возможные ошибки в очень узкой специальности».

О нем говорят, с одной стороны, как о человеке с большим чувством юмора, а с другой — как об ученом, привыкшем следовать логике. На вопрос, почему он, человек науки, прибил подкову над дверьми своего дома, Бор отвечал: «Разумеется, я не верю, что подкова приносит удачу. Но я слышал, что она помогает, независимо от того, верят в нее или нет»

В 1950 году Бор опубликовал открытое письмо в ООН, настаивая на мирном сотрудничестве и свободном обмене информацией между государствами как залоге построения «открытого мира».

После войны он принимал участие в создании ЦЕРНа (Европейского центра ядерных исследований) и основании Нордита — Нордического института теоретической ядерной физики, объединенного научного центра Скандинавских государств.

На вопрос, почему он, человек науки, прибил подкову над дверьми своего дома, Бор отвечал: «Разумеется, я не верю, что подкова приносит удачу. Но я слышал, что она помогает, независимо от того, верят в нее или нет».

Сам Бор часто говорил: «Уж если рассказывать действительно интересную историю, не нужно слишком строго придерживаться фактов». Его собственную историю, закончившуюся 18 ноября 1962 года, уж точно не назовешь неинтересной. ❑

Марина Новикова

Рождество

Светел месяц, свет свечи,
Синева и вьюга,
Рождество идет в ночи,
Замерла округа.

Ярко осветил порог
Месяц тихий, лунный,
Знаю, верю — с нами Бог,
Скрип снежинок струнный.

Меж сплетения дорог,
Через перекрестья,
Вижу я — среди нас Бог,
Звон церковной песни.

Бродит вьюга в купине,
Кроет пеленою,
«Бог един!» — прошепчет мне
Ангел за спиною.

Близится волшебный час,
Божье озаренье —
Бог ведь в каждом есть из нас —
Он Небес творенье.

***

Звонкий май, и черемухи дым
Вновь объял все дома до околиц,
Только в памяти вечно храним
Свет бревенчатых маленьких горниц.

Отчего так звенит яркий луг,
Отчего так ветра пролетели, —
Старых ходиков медленный стук
Майский день отобрал у апреля.

Дивный сон — будто в небе один
Белый храм, и со множеством звонниц,
Лик прозрачный как будто сатин —
То глядит Николай Чудотворец.

Бабушке

Помню тихую музыку слов,
Тех, что ты мне всегда говорила,
Опускался вечерний покров,
И луна все поля осветила.

Помню, как накрывала гроза
Тишь далеких лугов и просторов,
По стеклу дождевая слеза —
Эхо дальних раскатистых громов.

Помню, как осветила во мгле
Мне дорогу луна, и едва ли
Чтоб по всей среднерусской земле
Так поля перезвоном шептали.

Мне звенели луга, помню я,
Как летели они мне навстречу,
Улыбалась святая земля,
Убегали дороги далече.

Возвращаюсь, за мною закат, —
Он ложится почти мне на плечи,
Луг вечерним покровом объят,
Небо вновь зажигает все свечи.

И рассказ твой вновь слушаю я,
И ты скажешь, что Петр и Павел
Час забрали, и скоро Илья
Унесет, что апостол оставил. ❑

Ия Йохимка

МОЙЩИК

Реальна ли эта история, спросишь ты? А что, собственно, есть реальность и что — навязчивый мираж, вдруг настигнувший однажды? Думаешь, кто-нибудь знает наверняка, чем отличается одно от другого, особенно в дивном Крыму? Как много вопросов, ответов будет значительно меньше. Разве что со временем они найдутся у тебя самого…

Старенькую дверь класса едва не сорвало с петель, и из нее вырвался тайфун. Орущая ватага тринадцатилетних тинэйджеров во весь опор, с возгласами и потасовками на ходу, понеслась вниз по лестнице.

— Ур-р-а! Физ-ра! Ра-а-а-а!

— Дорогу нам!

— Ты, шпынь мелкий, отскочил по-быстрому!

Мосластая рука долговязого одноклассника нависла над Матвеем. На него теперь смотрели сверху вниз большинство мальчишек и, что убивало напрочь, девчонок. Больнее всего ранили снисходительные усмешки одноклассниц.

— Че уставился! — бросила на ходу одна из них. — Дорасти сначала до меня хотя бы, потом и пялься, — саданув его локтем в бок, добавила она. — Двигай, давай, не тормози.

Тычки от вымахавших за последнее время тинэйджеров следовали один за другим. Утешало одно — силы и ловкости досадно отставшему в росте Матвею Ивашкину было не занимать. Как и здравой спортивной

злости. Нет, драться здесь, на лестнице, он с ними не станет. Но каждый получит свое. И даже больше, если уж очень напросится. В легкую. Увернувшись от очередной оплеухи, он упруго отскочил в сторону. И вот уже мосластый долговяз, промахнувшись, растянулся на лестнице, создавая свалку. Перепрыгнув через первого поверженного, Матвей увидел несущегося на него на всех парах главного классного задиру. Тот, размахивая кроссовками на связанных шнурках, метил ему прямо в лоб, но верткий Ивашкин, прыгая как мячик через несколько ступенек, успел увернуться. Противник с размаху влетел в стену и сполз по ней, расквасив себе нос. На ушах у него на связанных шнурках повисли кроссовки.

— Круто! Ну, ты красавец, — вошел в раж Матвей, — дай серьгу погонять.

Несущуюся ватагу накрыло диким смехом, а долговязый разразился смачной бранью. Матвей легко перемахнул через перила на следующий пролет и с посвистом съехал по перилам вниз.

Наконец тайфун, спустившись с лестницы, разделился на два рукава и влетел в раздевалку. Школьный звонок не заставил себя ждать. Когда в спортивной форме они вбежали в зал, мальчишек сразу выстроили в шеренгу у скалодрома. Девчонки, рассевшись на скамейке, приготовились к очередному шоу малыша Ивашкина. Одна из них, развитая не по годам, губастая и отчаянно конопатая, бросила подружкам:

— Девки, ща будет цирк. Я вам обещаю.

— Чего ты в нем нашла-то? — отозвалась одна из одноклассниц.

— Шпынь, он и есть шпынь вертлявый. Мелкота. Тебе, считай, по пояс, — презрительно добавила другая.

— Спорим, мой Мотик их сделает?

— Не смеши!

— И вообще — он сделает все, что я захочу.

— Чем докажешь? — фыркнула сидящая рядом девчонка.

— Мотя — ты лучший, слышь! — демонстративно завопила конопатая на весь спортзал. — А они — козлы вареные. Мотик, кому говорю-то? Э-у-у-у!..

Матвей с трудом спрятал улыбку, но головы не повернул. Он стоял в шеренге самым последним и старался даже не смотреть в сторону рослых сверстников. Куда приятней рассматривать эту манящую шершавую поверхность тренажера для скалолазания, имитирующего рельеф скалы. Скорей бы свисток — он взлетит на самый верх первым и только первым. Он будет выше. Выше их всех. Только бы попасть в первую же тройку.

Физруки отобрали из шеренги двоих долговязых и малыша Ивашкина, помогая им облачиться в страховочную систему и натереть ладони белым порошком магнезии, чтобы они не соскальзывали во время подъема.

Отрывистый свисток — и трое полезли вверх по скалодрому, ориентируясь по ярким разноцветным зацепкам-хваталкам. Матвей сразу вырвался вперед. Преодолевая средние и слабые нависания скальной породы, он слышал, как где-то внизу, карабкаясь, отчаянно пыхтят и чертыхаются двое долговязых. Внизу на страховке, держа спусковое устройство, на него явно любовались суровые физруки. Никто из соперников и близко не достиг верхних точек скалодрома. Оба сорвались, повиснув на страховке.

А вот и вершина! Матвей мельком оглянулся на скамейку, где сидела она. Захотелось непременно махнуть ей рукой. Риск сорваться? Плевать!

Аплодисменты и крики взорвали спортзал. Только перекошенные физиономии долговязых не выражали ничего, кроме затаившейся злобы.

— Мотик! Матвей! Ивашкин — супер! — заливалась смехом Конопатая.

— А-а-а! Я сделал это! Сделал! До чего же не хочется отсюда спускаться!

Уже в раздевалке, стоя в трусах и рубашке, Матвей протянул руку, чтобы взять с вешалки брюки. Двое неудачливых верхолазов выросли перед ним, криво усмехаясь. Переглянувшись, они выхватили брюки и принялись, как можно выше, перебрасывать их от одного к другому. Под повальный смех и улюлюканье.

— Ты, мелковидный!

— Гы-гы! Во, попрыгай, поскачи перед нами, придурок!

В дверях раздевалки вдруг возникла Конопатая, и именно в тот самый момент, когда Матвей завис в очередном прыжке. От неожиданности он налетел прямо на нее и сшиб с ног, растянувшись рядом.

Долговязые с гоготом бросились из раздевалки. Убегая, один из них забросил матвеевы брюки под самый потолок на выступающую вентиляционную трубу.

Матвей и Конопатая лежали почти в обнимку на полу. От близости ее тела у Матвея помутилось в глазах, а она, глядя на него в упор, прошептала:

— Че разлегся? Через пять минут звонок.

— Так я…

— Мне, что ль, за твоими штанами лезть?

Матвей вскочил, помог ей подняться и застыл рядом, не отрывая глаз.

— Четыре минуты до звонка. Ну? — ухмыльнувшись, буркнула Конопатая.

Он огляделся, схватил длинную скамейку, перевернул и прислонил к стене. Закрепить ее явно было не за что.

— Три с половиной минуты до звонка.

Ивашкин собрался с духом и одним махом взобрался по ней под самый потолок. Незакрепленная скамейка сползла и с грохотом упала. Зато Матвей успел зацепиться за вентиляционную трубу. Вися на ней, он на руках преодолел путь от одного ее края к другому, сдернул с трубы брюки и спрыгнул вниз, заслужив очередные аплодисменты подружки. Хохотнув, она вышла в коридор, и Матвей, быстро натянув брюки, бросился за ней. По пути он успел заскочить в спортзал и набрать в кулак из контейнера магнезии. Обогнав учителя перед самой дверью, они последними вбежали в класс.

Проходя мимо парты скалившихся долговязых, Матвей разжал кулак и с размаху кинул порошок прямо им в физиономии. Оба вытаращили глаза, побагровели и принялись неистово чихать. По классу прокатился повальный хохот. Матвей и Конопатая невозмутимо сели за свою парту.

— Зад-д-дохлики долговязые, тьфу! — громко выдала она и демонстративно принялась раскладывать на парте свои, а заодно и его учебники. Достала влажную салфетку и вытерла Матвею перепачканную магнезией руку. — Вау! Мотик, ты их сделал! А я что говорила!

Класс замер, а Матвей расцвел в широкой счастливой улыбке…

…Спустя пятнадцать лет Матвей Ивашкин, теперь вполне успешный молодой, но излишне доверчивый предприниматель, производитель современного тренажерного оборудования, мчался по трассе в новеньком автомобиле представительского класса. За эти годы он не то что подрос, а вымахал выше среднего. Но полностью облысел. Что, впрочем, не делало его менее симпатичным и обаятельным.

Рядом сидел закадычный друг Юлик — владелец известной компании в сфере «промальп». Дела у Матвея с каждым днем явно шли в гору, и они пребывали в завидном настроении, что, ясное дело, не могло радовать конкурентов. Сейчас друзья торопились в офис Матвея Ивашкина, чтобы успеть к выходу теленовостей.

В окне мелькнуло здание высотной гостиницы. На фасадной стене в ярких касках и амуниции работала группа промышленных альпинистов-мойщиков. Впрочем, сами себя ребята предпочитают называть емким словечком «промальп».

— Твои орлы?

— Мои, — отозвался Юлик.

— Круто! Я бы так никогда не смог, ясный перец, — признался Матвей, хлопнув шефа «промальпиков» по плечу.

Его отвлек звонок мобильного телефона. Нажав на кнопку, он услышал вкрадчивый скрипучий голос, который, слегка шепелявя, произнес:

— Иваф-фкин! Предлагаю в последний раз.

— В последний раз отвечаю, Денис Денисыч. Не уступлю.

— Ну-ну. Учти, сам не хочефь. Нафы позиции на рынке — не твоим чета, Матвей Андреич.

— Тема давно не предмет для переговоров. Уж говорено-переговорено вдоль и поперек, Денис Денисович. Смысл возвращаться?

— Конефно, такой герой дня, — не унимался оппонент. — Из телевизора не вылазифь. Сижу вот да любуюсь.

Голос принадлежал Денису Денисовичу Шибуге — одиозному рейдеру. Невзирая на свои неполные восемьдесят, нюх он не потерял. С очередной жертвой особо не церемонился, особенно в момент, когда вопрос о захвате предприятия был уже делом выверенным и решенным. Но было одно, что помимо воли выдавало Дениса Денисовича. Как только он чувствовал близкую добычу — а жертва принималась активно сопротивляться, он вдруг начинал заметно шепелявить и пришепетывать. Вот и сейчас Шибугу обуял охотничий азарт, и так называемые «фифекты фикции» властно завладели его речью.

— Сколь фе ты за сезон реализовал? Раз такие подарки фколам отваливаефь? Уф извиняй за нескромный вопрос, Матвей Андреич.

Сидя у телевизора в своих шикарных апартаментах, Шибуга впялился в экран, на котором шел новостной сюжет о дарении школе тренажерного оборудования — скалодрома. Там, под музыку и овации, перерезалась красная ленточка, и делал это не кто иной, как этот упертый сопляк Матвей Ивашкин. По подаренному тренажерному комплексу лезли счастливые школьники в альп-амуниции. На страховке внизу с каким-то таким же крепким, но кудрявым парнем стоял лысый, улыбающийся до ушей Ивашкин. На заднем плане красовался перетяг «С первым сентября!» Вспышки фото-и видео камер сверкали то там, то тут. Вокруг роились репортеры.

Действительно, часа полтора назад Матвей с Юликом стояли в плотном окружении «смишников», рвущихся взять интервью. Ивашкин решительно отказывался. Зачем? Он сделал это для школы только потому, что сам этого хотел. Прочие мнения его мало волновали, политика и вовсе не интересовала. Когда после торжественного открытия вышли на крыльцо, в лобовую атаку бросились наглые «желтушники».

— С чего вдруг такая щедрая спонсорская помощь? — заверещала очкастая журналюшка с сальными сосульками вместо волос.

— Значит ли это, что рентабельность вашего предприятия внезапно совершила квантовый скачок? — подхватила другая.

— А это правда, что на вас уже оказывалось жесткое давление от крупных конкурентов? — выдал худющий рослый репортер в потертой кожанке, ведущий криминальную рубрику. — Может, назовете имена?

— Не опасаетесь недружественного поглощения? — тыча микрофон ему прямо в лицо, давила та, что в сосульках. — Матвей Андреевич, что же вы молчите? Вас пугает такое количество острых вопросов?

— Может, вам некомфортно отвечать здесь? Так я могу взять эксклюзивное интервью там, где пожелаете. Предлагайте,— оттирая остальных коллег, навис над Матвеем сутулый двухметровый криминальщик.

Матвея передернуло, но он, не показывая виду, нарочито громко рассмеялся и выдал:

— А вы могли бы взять это интервью… допустим, забравшись за тридцать секунд на самую верхнюю точку скалодрома? А я бы вас там встретил.

— А что? Абсолютный эксклюзив! — подхватил Юлик.

— Как вам вариант? — улыбнулся Ивашкин.

Кожаный долговяз на секунду опешил. Этого оказалось достаточно, чтобы решающие секунды были упущены — профессиональный прокол налицо. Вздует их шеф-редактор, как есть, вздует. Матвей с Юликом быстро сели в автомобиль и выехали со школьного двора.

Юлик напряженно прислушивался к телефонному разговору. Матвей продолжал отбиваться от мертвой хватки Шибуги.

— Денис Денисыч, у вас еще что-то?

— У меня к тебе? Не-е-е-е… Не хоч…еш-ш-шь с нами слиться, так и не надо, Матвей Андреич. — Собрав волю в кулак, Шибуга старательно сражался с шипящими, усиленно артикулируя. — Желаешь-шь-шь быть самостоятельным — будь. Других найдем.

— Спасибо, Денис Денисыч, за понимание. Доброго вам.

— Что-то уж больно сладко поет, старый крокодил, — заметил Юлик. — Только что не всплакнул.

— Нормально все, — отмахнулся Матвей.

— Ты у него под прицелом?

— Оставь. Меня спасает, что вижу людей насквозь.

— Ой, ли, провидец ты наш. — Юлик вздохнул и хотел, было, еще раз щелкнуть друга по лысине, но Матвей, увернувшись, улыбнулся в ответ:

— Не грузи, да не грузим будешь.

В дверях перед Денисом Денисовичем возник его первый зам и начальник службы безопасности — Феликс Закутайло. Шибуга держал его за редкую нахрапистость, считая ее одним из главных качеств для подобного рода работы. И то, знал Закутайло свое дело. Сметливый, плотный и в меру накачанный, он держался уверенно, если не сказать, самоуверенно. Именно последнее и раздражало Шибугу в заме, за что хронический хвастун то и дело нарывался на барскую немилость. Закутайло застал конец телефонного разговора с Матвеем Ивашкиным.

— Ну, и лады, лады… — пропел Шибуга, положив трубку. — Лады ладные, дорогой Матвей Андреич. Ладу-ш-ш-ш-ки! О, умею же, когда хочу! Гы-гы.

— Не понял? — оторопел Закутайло. — Отбой, что ли? А я уже почти все приготовил.

— Не тупи, а! — рявкул Шибуга.

Закутайло недоуменно смотрел на патрона, но промолчал.

— Все, да не все, — продолжал Денис Денисович.

В кабинет с деловыми бумагами уверенной спортивной походкой вошла Лера, двадцатитрехлетняя блондинка с колючим взглядом — референт Шибуги.

Она была дочерью погибших несколько лет назад при странных обстоятельствах его бывших партнеров по бизнесу. Он пригрел ее у себя, но не доверял, как, пожалуй, и всей своей команде. Но любил под хорошее настроение разыгрывать на публику горячую отеческую любовь. Сегодня был явно не тот случай.

— По-быстрому, визажиста для нашей красавицы! — рявкнул Шибуга.

Лера от неожиданности вздрогнула и повернулась к патрону. Физиономия Закутайло вытянулась в немом вопросе. Вообще не в тему задание. Совсем, что ли, сдурел старый крокодил? Явно не его, начальника службы безопасности, сфера…

Матвей и Юлик вышли из автомобиля. Даже этот дурацкий звонок не испортил им настроения. В директорском кабинете Матвея Андреевича Ивашкина уже готовился праздничный стол, стоило поторопиться.

— Юль, дружище, спасибо, что нашел пару часов. Теперь ко мне? Всего-то на полчасика. Заскочишь?

— Куда ж от тебя деться? Кстати, Мотя, тебя ждет сюрприз и прям в тему.

— А какая у нас тема?

— И не у нас, а у вас…

— Не можешь без приколов, да?

Оба направились к воротам предприятия Ивашкина, которое стало с некоторых пор вожделенной добычей местных рейдеров.

Невдалеке от парковки стройная блондинка безуспешно пыталась сменить колесо своей розовой «ауди». Поравнявшись с ней, Матвей и Юлик притормозили.

— Не очень получается, гляжу, — подошел поближе Юлик.

Блондинка захлопала ресничками и подняла личико, сплошь усеянное конопушками.

— Точнее, совсем не получается.

— Приехали… — схватившись за голову, Юлик резко обернулся к Матвею.

Но тот уже расплылся в глуповато-восторженной улыбке, напрочь забыв о том, что только что торопился.

Управляясь с колесом, Юлик то и дело хлопал Матвея по рукам, приводя его в чувство. А когда работа была закончена, Матвей и вовсе замер. В горле стоял ком, руки дрожали, в голове помутилось. Он с ужасом представил, как она сейчас сядет в свою машину и уедет. Но Юлик крепко схватил друга за руку и потащил к воротам предприятия.

— Что за дурь завелась в этой, блестящей … в лучах ласкового сентябрьского солнца, башке? Ведь пять минут назад был еще нормальный человек.

— Да она же уезжает! — Матвей схватился за голову вспотевшими руками.

— Если б хотела, давно бы уехала, а то сидит себе да роется в сумочке.

Зацепившись взглядом за «ауди», Матвей заметил на панели перед лобовым стеклом аккуратно выложенную стопку визиток и поспешно полез в карман, доставая свою.

Но верный Юлик, не сдаваясь, продолжал упорно подтаскивать Матвея к воротам. Белокуро-конопатая «барби» оказалась проворней, она уже мчалась за ними со своей визиткой в руках.

«Вот привязалась, дуреха! Чего бы ей такое ляпнуть, чтоб отстала?» — подумал в сердцах Юлик, а вслух произнес.

— Извините, извините тысячу раз. Нас так ждут, так ждут…

Барбиобразная уперто тащилась следом, хлопая тяжеленными накладными ресницами.

— И вообще! Он немой, — вдруг выдал Юлик.

— Ой! Нет… Не может быть! — Жеманная улыбка мгновенно слетела с ее лица.

— Мы так шутим. Э-э-э… Валерия! — прочитав на ходу ее визитку, заговорил Матвей — Я непременно позвоню вам, Ва-ле-ри-я! — пропел он, сияя от распирающего его счастья.

— Можно просто Лера. А я-то как рада чудесному исцелению немого, — добавила она, бросив колючий взгляд в сторону Юлика.

Матвей все махал и махал ей, до тех пор пока Юлик окончательно не втащил его за ворота предприятия. И только тут ослабил хватку.

— Тихо, тихо, тихо... Опять торкнуло, брат? Сколько же это может продолжаться? Давайка завязывать с этой конопатой темой.

Когда проходили через просторный чистый цех в офисное здание, он попытался выхватить у друга злополучную визитку странной конопухи, но Матвей быстро спрятал ее в карман и возмущенно произнес:

— Ну, че зря цепляешься?

— Не я цепляюсь. Это тебя цепляет…

— И что теперь, удавиться? Зарыться в огороде? Забиться под лавку? Стартовать на Луну? Куда с этим податься?

— С этим не ко мне.

— А к кому же?

— К доктору. И не к психотэ-ра-пэ-у-ту, а к дяденьке психиатру, если меня уже не слышишь, Мотя.

— Все, отбой! Глянь-ка лучше, какое я новенькое оборудование установил. Работает — как швейцарские часы, не жалею, что вложился по полной. Матвей с особой гордостью демонстрировал другу свое хозяйство. Да и было, чем похвалиться. Огромный светлый цех, на полу спецпокрытие, мощная вентиляция, чистота. И рабочие, и мастера — все в фирменной спецодежде, на лицах при появлении молодого директора замелькали неподдельные улыбки, а такое сегодня еще поискать.

— Эка, ты размахнулся, Ивашкин! Вот когда ты занят делом, хоть на человека похож. Молоток, поздравляю! — не удержавшись, похвалил Юлик.

Лишь только они вошли в приемную, дверь директорского кабинета Матвея Ивашкина тор-

жественно раскрылась. Из нее пахнуло смешанным духом чего-то изысканно вкусного. Празднично накрытый стол, цветы, шампанское. Вдоль стен выстроились сотрудники, обрушившие шквал аплодисментов на своего шефа и его друга Юлика.

— Матвей Андреич, один выпуск уже прошел, но сейчас будет повтор. Мы вас поздравляем!

Кто-то уже щелкал пультом переключения телеканалов, прибавлял уровень звука.

— Это я вас всех поздравляю. Что бы я без вас делал, ребята?

Звон бокалов перекрыл задорный школьный звонок, рвущийся из телевизора. В кадре — Матвей и Юлик со школьниками у скалодрома. Событие в разгаре. Оба придерживают страховку вихрастого мальчишки, забравшегося на самую верхнюю точку. Матвей потом еще много раз будет вспоминать этот эпизод, которому в свое время не придал особого значения.

— Ух, ты! И настоящие горы не нужны! — кричал вихрастый сверху.

— Считаешь? Где же еще узнаешь себя настоящего, когда подрастешь? — улыбнулся в ответ Ивашкин.

— Главное, никогда, никогда, никогда… — начал Юлик.

— Никогда не поднимайся без страховки, — подхватил Матвей. — Запомнил?

— А на страховке чтобы был тот, кому доверяешь, — подчеркнуто серьезно добавил шеф «промальпиков».

Школьники перестали галдеть. Было слышно, как щелкают камеры набежавших «смишников». Вихрастому явно не хотелось спускаться вниз, и он, похоже, решил потянуть время.

— Давай уже, спускайся! — загалдели внизу мальчишки. — Другие тоже хотят попробовать.

Когда мероприятие уже подходило к концу, к ним подбежал тот самый вихрастый парнишка. Матвей с Юликом были увлечены беседой с преподавателями. Давали самый подробный инструктаж по эксплуатации скалодрома, в чем и преуспели. Наконец парень осмелился встрянуть в разговор взрослых:

— А вы к нам еще придете? Придете? Вы придете?

— Если хотите — придем, да? — Юлик вопросительно взглянул на Матвея. — Раз в неделю на верхолазный факультатив соберетесь?

— Да-а-а-а-а-а!!!— загорланила ребятня.

— Тогда ровно через неделю — сбор.

— Да мы для вас все условия, только приходите, Матвей Андреич, — обрадовалась пожилая школьная директриса, пожимая им обоим руки.

— Я свое дело сделал, тренажер установлен. А дальше, что называется, — на подхвате. Это вот Юлий Карлович у нас настоящий профи. Про-

мышленный альпинизм — в трудовые будни. Горные вершины — в праздники и отпуска. Не из одного меня сделал «альпика». По сравнению с ним, я — всего лишь скромный любитель...

Сотрудники дружно налегали на изысканную закуску, когда молодой директор решил сделать сообщение.

— Считаю, неделю отпуска мы заслужили. Осень. Птицы собираются на юг, а альпинисты — в Крым. Не слышу «у-р-ра»! — окинул взором подчиненных Матвей.

— Ура, само собой!

— Кстати, в новом цехе успеют тем временем смонтировать следующую линию. Наращиваем объемы производства! Идем в гору, коллеги!

Народ возликовал и опять поднял бокалы. Сквозняком приоткрыло дверь в приемную, и Матвею показалось, что там мелькнула чья-то фигура.

— Тогда за тех, кому не сидится на равнине! — провозгласил Юлик. — Кто на этот раз с нами в горы?

Ивашкин взял маркер и приготовился записывать фамилии на доске, висящей над его директорским столом. С возгласами поднялось несколько рук.

— Думаю, никто не станет со мной спорить. Первым торжественно оглашаю и вношу в список нашего нового главного маркетолога Торопахина. — Он окинул взглядом кабинет: — Кстати, где он, не вижу? Найдите его. Срочно!

Из-за стола, дожевывая, поднялась пара сотрудников и вышла из кабинета в поисках пропавшего Торопахина. А пока надо было как-то разрядить обстановку, и занялся этим Юлий Карлович.

— Минуту, господа-товарищи! Давайте-ка сюда сюрприз от нашей верхолазной конторы.

В кабинет внесли нечто объемное, величиной в человеческий рост, накрытое белым. Громко

напевая бравурный марш, Юлик жестом предложил Матвею сдернуть покрывало. Тот посмотрел в хитрющие глаза кудрявого друга, гораздого на затейливые шутки, и вздохнул, поняв, что грядет очередной прикол. Все в ожидании замерли. Матвей осторожно сдернул покрывало.

— Ну, в горы ей, конечно, нельзя…— Юлик приобнял статую за плечи. — Так что мы в заслуженный отпуск, а ее оставляем на хозяйстве.

Перед Матвеем открылась гипсовая копия статуи Венеры Милосской. На лице ее были нарисованы огромнейшие яркие конопушки.

— Только, ради бога, не в руководящий состав, — бросил кто-то из-за стола.

Все разом засмеялись. Лишь Матвей с озадаченным видом уставился на подарок и вдруг зашелся громким смехом. Юлик облегченно вздохнул.

— Мотя! Обещай, что эта в твоей конопатой коллекции будет последней, — проговорил он другу на ухо. — Сиди да любуйся, без отрыва от производства.

Из приемной влетела запыхавшаяся секретарша и выпалила, что только что позвонил пропавший Торопахин. Оказывается, отлучившись буквально на минутку, чтобы купить сигарет, он рискнул перебежать улицу на красный свет и был сбит автомобилем. Сейчас он в травмпункте с множественными переломами, потому явиться шефу пред ясны очи никак не может.

— Не нравится мне это внезапное исчезновение… — начал, было, Юлик.

— Я разберусь. Иди уже, я и так тебя задержал, дружище.

Уходя, Юлик заглянул в нагрудный карман Матвея и незаметно извлек оттуда злополучную визитку. Специально долго пожимал Ивашкину руку, глядя в глаза и пытаясь понять, не заметил ли тот пропажи.

Матвей же, провожая друга до двери, в ответ тоже крепко обнял его. И так же незаметно выдернул у того визитку из кармана обратно.

Ничего не подозревающий Юлик уходил очень довольным. Еще более довольный собой Матвей помахал ему рукой. Затем подошел к окну и мечтательно посмотрел за ворота, где час назад так неожиданно познакомился с очередной веснущатой подружкой. И с чего это Юлик решил, что они всякий раз из него веревки вьют? Матвей вздохнул, вытащил из внутреннего кармана визитку и набрал номер на мобильном.

— Ле…Лера…Лерочка?…

Спустя несколько дней Матвей и Лера уже ехали в аэропорт. На заднем сиденье лежали два рюкзака.

— По-моему я совершаю страшную глупость, — захлопала она тяжелыми ресничками. — Просто авантюра абсолютная.

— Да что вы, Лерочка. Уверен, в горах вам очень понравится. Там вообще становишься другим человеком.

— Скажете тоже.

— Горы, они такие. Смывают с тебя все лишнее, наносное, что ли. Короче, это самому надо пережить. Причем — на полную катушку.

— Предупреждаю, я — безнадежная трусиха.

— Я буду рядом неотступно. И потом, для начала пройдем учебным маршрутом. Самым незатейливым. Почти детским.

— Разве что детским, — громко засмеялась она в ответ.

Они появились в дверях здания аэропорта, когда уже вся альпгруппа была в сборе в ожидании регистрации на рейс. Кто-то чуть поодаль пил кофе за столиками, кто-то листал прессу. Их сразу заметили и не преминули обсудить очередную конопатую пассию Ивашкина.

— Гляньте-ка, какая в этот раз конопуха кипельно-блондинистая, аж глаз режет.

В одном из кресел Матвей увидел дремлющего Юлика. Если в свободное от работы время Юлий Карлович слыл редким балагуром и приколистом, то в горах — однозначно непререкаемым авторитетом, руководителем группы, настоящим «альпиком». Рядом с ним громоздились рюкзаки со снаряжением.

Матвей, сбросив в общую кучу рюкзаки, подвел к Юлику новую подружку.

— Вот и мы!

— Такие конкретные веснушки нам уже где-то встречались, — сонно отозвался друг, не особо торопясь здороваться.

— Тише ты, балалайка, она услышит.

— А меня кто услышит? Какая по счету конопатая «герла»? Мотя, ты меня пугаешь.

— Не нуди, Юлий Карлович.

Лера, присев около рюкзаков с амуницией, сделала вид, что впервые видит ледоруб.

— Ой, какая штучечка! Можно потрогать?

— Штучечка эта, как ты ее назвала, у «альпиков» на все случаи жизни, — заметил Матвей.

— А в свободной продаже есть?

— Да, и даже продается без лицензии и справки от психиатра. Но тебе к ней рановато, Леруся.

Юлик сразу проснулся. Встал и решительно оттер ее от грозного орудия альпинистов. Затем взял небольшой рюкзак Леры и как следует встряхнул.

— Кто собирал эту косметичку?

Матвей подскочил, схватил рюкзак и кинулся к Лере:

— Надо вынуть все и уложить по правилам, не возражаешь?

Девушка надула губки и принялась вытаскивать содержимое, складывая на кресло. Юлик отошел в сторону и мрачно наблюдал за ее манипуляциями.

— Так, что тут? Доставай-ка. Сейчас все будет в лучшем виде, Юлий Карлович. Спокойно, — затарахтел Матвей.

Из ее рюкзака появилась коробочка «Шанели», упаковка розовых бигуди, раздутая косметичка с парфюмерией и прочее, явно не в тему. «Альпики» за кофейными столиками с трудом сдерживали смех и понимающе переглядывались.

— А где КЛМН?

— Не поняла…

— КЛМН: кружка, ложка, миска, нож. Ладно, обойдемся моими. — Матвей стал сам укладывать ее рюкзак.

— Ес-с-сно. Кукла, — вынес приговор подошедший Юлик.

— Какая еще кукла? Где? — Лера чуть не плакала.

— Спокойно, Леруся. Я здесь. Пока есть время, изучим азы экипировки, — не сдавался Ивашкин.

— Кукла — чайник женского рода, тупо рвущийся в горы. Это так, для общего развития, — холодно бросил Юлик.

Он оттащил Матвея в сторону и, размахивая руками, возбужденно заговорил:

— Хрен бы с тобой в городе, а тут тащишь барышню на сложный маршрут. Подготовки, так понимаю, ноль? — И, отвернувшись, отправился пить кофе.

— А где все-то? — крикнул вдогонку Матвей. И только сейчас заметил у кофейных столиков остальных. Там уже несли главному «альпику» чашку дымящегося кофе.

Симферополь встретил тотально оглушающей жарой. Только когда раскаленный аэропорт остался позади, уже в предгорьях, буйно порос-

ших буком и грабом, жара отступила. Альпгруппа извилистой тропой подходила к месту стоянки. Горы утонули в плотном тумане, идущим со стороны моря. Спокойствие и величавость вековых скал навевали особое состояние, после города дышалось так легко, что тянуло в полет. Матвей и Лера шли в самом хвосте, не переставая болтать. Когда тропинка повела отцветающим лавандовым полем, Нюта остановилась, чтобы собрать немного лиловых душистых соцветий для своего фирменного чая. Рослая Лера, проходя почти вплотную мимо малышки Нюты, склонившейся над засохшими цветами, то ли ненароком, то ли специально, наступила ей на ногу и, не повернув головы, извинилась. Матвей ничего этого не заметил, увлеченно рассказывая подружке о каком-то местном загадочном горном озере, которое вдруг бесследно исчезает, а потом опять проступает из лона подземной реки.

Нюте стоило особых усилий, чтобы не брякнуть что-нибудь проходящей мимо воркующей парочке. Только когда они скрылись за пригорком, и оттуда донесся очередной женский смех, у нее вырвалось:

— Кобыла конопатая, и ржет-то по-лошадиному…

Они не торопились догонять группу, тем более что традиционное место стоянки было уже совсем рядом. В плывущем дурмане горных ароматов Матвей и вовсе впал в чувственный транс. Лера не упускала этого из виду и всю дорогу что-то шептала ему на ухо, звонко посмеиваясь и дразня. Наконец за причудливой аркообразной желтой скалой возникла знакомая можжевеловая рощица.

— Лагерь разбиваем на старом месте, — распорядился Юлик.

Подоспевший Матвей бросился с остальными ставить палатки.

— Так драйвит рядом с сильными мужчинами, — подплыла к руководителю группы Лера, искоса следя за его реакцией. — Теперь куда?

— Для начала, если трехчасовая проверка на прочность вас не пугает, вам сюда, — подчеркнуто холодно произнес Юлик и указал ей на огромный валун около разрушенной скалы, выполнявший обычно роль учебно-тренировочной горы для новичков. — Милости прошу на учебную траекторию.

Навстречу к ним уже бежал Матвей, неся страховочную систему.

Неподалеку от палаток, на том самом валуне около скалы за можжевеловой рощицей, он затеял мастер-класс для Леры, облачал ее в амуницию и упорно приободрял.

— Ты и вправду считаешь, что я смогу? — соорудила она жалобную гримасу.

— Лерусь, поверь, на скальный маршрут этой категории сложности вообще не требуется никакая специальная подготовка. Вполне по силам просто здоровому человеку.

— Зачем я только послушала тебя и поперлась сюда, идиотка, когда можно было просто валяться на пляже и купаться себе преспокойненько в ласковом море.

— Главное, преодолеть себя и пройти первые десять метров.

— Ладно, десять метров, так десять метров. А дальше видно будет.

— Даже если вдруг на секунды выползет страх высоты, то благодаря страховке и небольшой тренировке он исчезнет, поверь.

— Ну, давай уже твою тренировку, изверг естества.

Матвей просиял и выдал свою неотразимую улыбку с легким прищуром и ямочками на щеках.

— Ну, чего ты лыбишься, як майска розочка, командуй уже!

— Бережем сухожилия — вперед на разминку! Быстрее!

— Куда еще быстрее, экзекутор!

— Так, отставить лишние разговоры! — Он не сводил с нее зачарованных глаз.

Они вместе выполняли упражнения на растяжку. Спортивная на вид Лера прилежно повторяла все за Матвеем, а он то и дело наращивал темп.

— Совсем загнал, Мотик. У меня, конечно, разряд. Был. Но всего лишь по художественной гимнастике.

— Не прибедняйся, у тебя отличная базовая подготовка. Надо лишь усвоить специфику альпинизма, а это дело наживное.

— Доживное, скорее всего. В смысле, если доживу, и не уморишь меня прямо на этом месте.

— Вот теперь удачного подъема, пошла сама!

Лера, то и дело оглядываясь, неуверенно стала подниматься на валун. Юлик, сидя неподалеку на пригорке среди можжевеловых зарослей, наблюдал за происходящим, срывая и нервно жуя одну за другой синие пахучие ягоды.

— Увереннее, Лерусь, — подняв голову и глядя снизу на ее первые шаги, крикнул Матвей, — помни про десять шагов!

— Ой-й-й!

— Учись доверять страховке.

Не успев толком подняться, Лера сорвалась с относительно небольшой высоты. Отпустила опору и, испуганно вскрикнув, повисла на страховочной системе.

— Ко-о-онкретный шмяк — собирай кости! — вздохнул руководитель группы.

Аккуратно спустив Леру на землю, Матвей обнял ее и спокойно произнес:

— Еще и еще раз. Пока не окажешься наверху. Иначе завтра оставим тут, кашу варить. Что скажешь?

— Я не умею кашу, — капризно протянула конопатая «барби».

— Тогда вперед. К вершине!

Часа через два, с третьей попытки Лера все-таки взобралась на валун. Матвей радовался как ребенок. Значит, завтра он сможет показать ей настоящие горы сверху. Она просто молодчина, что бы там ни говорил Юлик. И вообще, она абсолютно необыкновенная. Таких у него еще не было.

— Там, завтра, в настоящих горах доверяй мне, Леруся, — сказал он. — Доверяй на полную. Как я тебе.

— Ага. Чмоки, Мотик. Чмоки! — Лера увлекла его за валун в можжевеловые заросли, подальше от всех, где вконец обалдевший Матвей принялся целовать каждую ее веснушку…

Ранним утром группа отправилась на восхождение. Летнее буйство крымской природы в сентябре уже принялось сменяться выгорающим пейзажем. В первых лучах на скалах поблескивали вкрапленные глинистые сланцы. Рассвет набирал силу.

Основная группа во главе с Юлием Карловичем должна была достичь вершины огромной скалы, преодолевая замысловатые отвесные отроги и выступы. Она была явно не для новичков.

Для Матвея и Леры, учитывая ее, как считалось, нулевой уровень подготовки, решено было выбрать маршрут невысокой категории сложности. Они стояли у подножья не самой высокой, но особой горы.

— Хороша? — спросил Матвей.

— Главное — не самая высокая. А как она называется?

— У нее много названий, но мы ее зовем Марш-Чайник.

— Смешно. Марш, чайник, через запятую? Или через тире?

— А как тебе больше нравится, Лерусик?

— Мне нравится, что марш, в смысле, маршрут, как ты обещал, почти детский, так?

— Так, так.

— Так что смело можешь записывать меня хоть в «чайники», хоть, как выразился Юлий Карлович, в «куклы», или как там еще.

— Ну, ну, на обиженных воду возят, — засмеялся Матвей, — в том числе и в гору.

Они осторожно, малой скоростью начали восхождение «в двойке». Хотя Матвей ужасно волновался за нее, восхождение оказалось неожиданно легким. Когда уверенно достигли вершины, рассвет совсем растаял. От суровой красоты захватывало дух, плавно парили орлы, горы властно манили вдаль, звали к себе. Горный массив, в центре которого они оказались, взобравшись на эту совсем небольшую вершину, со всех сторон оказался отделенным от соседних гор, благодаря чему создавалось впечатление, что он возвышается над всем Крымским полуостровом.

— Лерусик, да у тебя прирожденный талант скалолазки! — Матвей обнял ее и поцеловал.

— А, может, ты просто клевый учитель? — слукавила она.

— Мы еще с тобой, придет время, заберемся на самую высокую крымскую, веришь?

— Это на какую же?

— А вон видишь, вдали вырисовывается зубчатый силуэт массива Кара-Тау?

— Это с такими острыми загогулинами?

— Денек-то задается какой ясный, даже видна вершина Роман-Кош — наивысшая точка Крымских гор.

— А почему Роман?

— Названа в честь Николая II, Романова. Правда, относительно главных вершин Кавказа, Тянь-Шаня или Алтая, она совсем небольшая. В старину Роман-Кош называли Разбойничьей горой.

— Да что ты!

— По легендам, это было излюбленное место разбойников и пиратов.

— Рейдеров.

— Ну да… как бы сейчас сказали.

— Думаешь, заберемся? — Лера странно посмотрела на него и отвернулась.

— Непременно, Лерусик, теперь только вдвоем!

— Это как же ты без Юлия Карловича?

— Э-э, значит, втроем. Так и быть. Что, согласна?

Лера ничего не ответила, лишь криво усмехнулась. Они стояли, обнявшись, и яркое сентябрьское солнце лепило им прямо в макушки.

— Вдохнем жизнь полной грудью? — вырвалось у Матвея.

Но девушка словно не слышала его, глядя вниз на темное ущелье. Оно и впрямь оправдывало свое название — Каменный стакан. На самом его дне сквозь потрескавшуюся землю быстро проступала вода, заполняя пересохшее лоно.

— Ух! Глянь-ка направо, Леруся, редкой красоты вид открывается.

— Это и есть тот самый Каменный стакан?

— Сухое увлажнилось, похоже, это знак судьбы! — воскликнул Матвей. — Выходит, оно выбрало нас с тобой, чтобы явить нечто. Но вот что именно?

Оба уставились вниз на стремительно растущее блюдце сверкающего горного озерца.

— Так в чем загадка-то, Мотя?

— Говорят, надо дождаться, когда оно полностью заполнится от одной стороны Каменного стакана до другой.

Матвей достал фляжку с питьевой водой, отвинтил крышку на цепочке и протянул Лере. Заметив, что она сильно нервничает, он начал ее успокаивать:

— Ты что, Лерусь? Все же классно. Теперь точно знаю, что наша встреча была не случайной.

— Да уж, какая тут случайность…

— Это рука судьбы. Так ведь?

— Скорее колченогая нижняя конечность, — мрачно буркнула Лера.

Ее будто подменили. Она смочила платок и резко ткнула ему в руки флягу.

Матвей напился и плеснул себе немного на лицо и шею, продолжая улыбаться блаженной улыбкой. Вода в горном озере все прибывала и прибывала. Лера стала вытирать лицо влажным платком, но вдруг спохватилась — на одной половине ее лица конопушки остались, а на другой — исчезли! Как ни старался визажист, а водные процедуры оказались для них слишком серьезным испытанием.

Матвей взял из ее рук платок и в полном недоумении стер оставшиеся. Сделать это не составило труда. Он так и замер, держа платок, перепачканный гримом.

— Так в чем загадка-то озерца, Матвей?

— Сам толком не знаю. Самые противоречивые слухи.

Она метнула в него колючий взгляд, бесцеремонно выхватила из его рук платок и швырнула вниз. Озеро уже успело заполнить ложбину от одной стены Каменного стакана до другой. Расстегнув карман своей анораки, Лера достала мобильный. Набрав номер и глядя прямо в глаза Матвею, произнесла незнакомым чужим голосом:

— Денис Денисович, мы на вершине. Да, можете включать силовой ресурс. Начинайте! — Она с невозмутимым видом повернулась к Матвею: — Так в чем же все-таки загадка? Я так и не услышала от тебя, а?

Матвею казалось, что он в каком-то чумовом сне, где черная удушающая тоска нагло нависает над головой, ловя момент, чтобы вцепиться прямо ему в лысину. Нет, кто угодно, только не его Лера, Леруся, Лерусик! Так кто же?

— Будьте уверены, я со своей частью работы справлюсь, — отрапортовала она кому-то в трубку.

— Денис Денисович — это кто? Это Шибуга?.. — только и сумел выдавить из себя Матвей.

Лера вдруг наклонилась и попыталась незаметно отсоединить себя от единой системы страховки с Матвеем.

— Слухи, говоришь? Я устала от слухов. Когда несколько лет назад от взрыва в автомобиле погибли мои родители, все, что осталось мне, так это только слухи. Слухи, слухи, слухи…

— Я не знал…

— Ни родителей, ни дома, ни квартиры, ни их бизнеса, ни копейки — ни-че-го! Кого это колыхало?

— Но…

— Добрые дядечки, папины-мамины партнеры, сдали девчонку в детдом.

— Лерочка, Лера…

— И радуйся, что жива осталась. Вот такие же лысые да бритоголовые. И улыбались так же до ушей.

— Так я, я разве в чем-то…

— И исполнителя, гады, нашли такого же лысого, как сами. — Она с силой ударила Матвея по голове. — Ненавижу! Хватит, хватит прикидываться, что не въезжаешь. Я видела и документы, и на фотографиях башку вот эту лысую. Твоих рук дело, твоих, гад!

А Матвею было и невдомек, что это ложное обвинение сфабриковано и выдано накануне Лере за чистейшую правду не кем иным, как Денисом Денисовичем Шибугой.

На мобильном Матвея загудел сигнал о прилетевшем «смс». Текст на дисплее гласил: «Дорогой Матвей Андреевич, рейдерский захват вашего предприятия — лучшее решение нашей с вами старой проблемы. Прощайте. Шибуга».

— Он тебе больше ни к чему. — Лера выхватила у него из рук телефон и швырнула в озеро, уже полностью заполнившее дно ущелья. Пока Матвей ошалевшим взглядом провожал свой падающий с вершины мобильник, Лера, окончательно отсоединив себя от единой системы «двойки», неожиданно со всей силы толкнула его в спину, и он, сброшенный со скалы, полетел вслед за своим телефоном.

— Глянь направо, редкой красоты вид открывается! — последнее, что донеслось до Матвея, летящего в пропасть.

Не долетев нескольких метров до поверхности озера, он завис на веревке, предварительно закрепленной Лерой за выступ скалы. Она сверху наблюдала за ним и вдруг, схватив ледоруб, одним махом перерубила веревку и злорадно усмехнулась:

— Вот уж точно. Штучечка на любой случай!

Матвей летел прямо в таинственно поблескивающее озеро. Вдогонку за падающим «альпиком» с грохотом понесся камнепад. Секунда-другая — и он, больно шлепнувшись об воду, с головой погрузился в горное озеро.

Основная группа «альпиков», ведомая Юлием Карловичем, еще продолжала восхождение на Большую гору, когда Лера уже лихо, абсолютно профессионально спускалась с Малой горы.

— Ексель! Ничего себе, «барби»!.. — открыл рот от удивления Юлик.

— Она валит вниз одна! — вскрикнула Нюта. — А где же Матвей?

— Матвей! Мотя-я-я-я! — понеслось отовсюду.

Юлик ругал себя последними словами, продолжая наблюдать за стремительным спуском Леры. Зачем он проявил слабину и позволил этой стерве втереться к ним в группу? Но главное — какой на деле окажется цена ошибки? Что там произошло на вершине этой Малой?

— Эва! Эва-а-а-а-а-а-а-а-а!!! — бросил он особый клич, который означал — произошло нечто нештатное. Раскатистое эхо подхватило его и разнесло над горами. Группа прекратила восхождение и начинала быстрый спуск…

У самого подножья горы Лера быстро сбросила амуницию и рванула в лагерь. Схватив из палатки свои вещи, помчалась вниз к трассе.

А Матвей тем временем вынырнул из озера. По счастью, оно оказалось неглубоким. Только сильно болела голова от удара догнавшего за секунду до погружения большущего камня. На губах ощущался вкус крови. Он с трудом выбрался из воды на широкую глыбу. Так и есть, на затылке свежая рана. Но вроде бы жив.

В абсолютно прозрачной воде на дне заметил свой мобильный. Сделав усилие, нырнул и достал его. Попробовал включить, не очень на это надеясь, но аппарат, как ни странно, заработал.

— Научились делать. Да еще адаптировано под нашу нескучную российскую реальность.

Матвей позвонил в офис своего предприятия, потом еще и еще раз. Ответа не было…

Ворота ивашкинского заводика по производству тренажерного оборудования были широко распахнуты, одна из сторон и вовсе сорвана. Из фурго-

на, въехавшего на территорию на полной скорости, выпрыгивали вооруженные люди в камуфляже и масках. Не прошло и пяти минут, как немногочисленная охрана была нейтрализована. Разворачивалась классическая картина рейдерского захвата. Работу в цехах прекратили, народ высыпал к директорскому корпусу, не желая расходиться. Нанятые Шибугой бойцы частного охранного предприятия, не особо стесняясь, силой выпроваживали всех за ворота.

В приемной беспрерывно звонил телефон. Из дверей перевернутого с ног на голову директорского кабинета Матвея Андреевича Ивашкина выскочил взмыленный заместитель Шибуги и начальник службы безопасности Феликс Закутайло. Он со злостью выдернул из розетки кабель трезвонящего телефона.

К сбившимся в кучку явно запуганным сотрудникам подошел судебный пристав.

— Кто-нибудь хочет поставить под сомнение правомочность захвата? — нарисовался в дверях Закутайло.

— Служба судебных приставов. — Пристав неторопливо достал из папки документы. — Прошу ознакомиться. — И, не выпуская бумаги из рук, позволил перепуганным сотрудникам рассмотреть документы, на основании которых было принято судебное решение о смене владельца предприятия.

— Это же… за пределами законного поля! — начал, было, главный бухгалтер, сухонький дедок в толстенных очках.

— Что вы, господа. Просто расширять эти пределы — наша фишка, — не без удовольствия выдал Закутайло и резко рванул коробку с печатями у перепуганной молоденькой секретарши, пытающейся незаметно спрятать их в дамскую сумочку.

— Вы не можете, не смеете! В отсутствие нашего руководителя… — дрожащим голосом проговорила она.

— Отныне новый владелец предприятия — господин Денис Денисович Шибуга, — резко оборвал ее Закутайло. — Прошу покинуть территорию. Са-а-мим!

Бойкий дедок вдруг вспыхнул, замахал ручонками и бесстрашно бросился на здоровенного Закутайлу. За ним метнулась и вся стайка сотрудников. Кончилось тем, что им заломили руки и вывели по одному за ворота.

— Ну вот, и подкупать не пришлось. Испуг, как известно, дороже денег. — Заметив перед раскрытым сейфом на полу опрокинутую статую Венеры Милосской с яркими конопушками, Закутайло перешагнул через нее и добавил: — Наконец-то маскарад закончился. Пора докладывать патрону.

Раненный в голову Матвей лежал на мокрой глыбе в полубреду. Сознание с подсознанием, похоже, играли в прятки. Что реально, а что витает кругами, как навязчивый мираж? Дотронувшись руками до ноющей раны, поднес их к глазам. О, боже, чьи это руки?! Уж точно не его. И не только потому, что оказались окровавленными. Они были отчаянно волосатыми! Вернее, становились таковыми буквально на глазах. Причем растительность была такой густой и жесткой, что Матвею стало жутковато.

Он судорожно ощупал голову. Так и есть. На месте бывшей лысины тоже пробивались ростки жестких, как проволока, волос. Склонившись к воде, всмотрелся в свое отражение. Брови превращались в одну сплошную густую линию над глазами. На лице проступали черная щетина и усы. Все происходило стремительно и неотвратимо, как в кошмаре заправского триллера.

— Я брежу? Выпал из реальности? Не факт. Тогда что из этого есть факт?

К горлу подступила тошнота, в голове застучало.

— М-да…Милое озерцо. Но надо отдать должное — оно-то и спасло меня от неминучей гибели.

Матвей достал фляжку с пресной водой, отвинтил крышку, закрепленную на шнуре, и стал жадно пить, приговаривая:

— Да, Мотя. Похоже, это была последняя конопатая…

Перед глазами вдруг все завертелось. Фляжка, закрепленная на кожаном шнурке за его руку, соскользнула вниз, медленно заполняясь мерцающей озерной водой…

Захваченное предприятие уже почти опустело, когда Феликс Закутайло рискнул позвонить и отчитаться перед патроном.

— Денис Денисыч, поздравляю, хозяйство Ивашкина наше.

— Как прошло?

— В легкую. Расчет был верный. Так, пара-тройка задохликов охраны — и вся оборона. Все крепкие ребятки увязались с шефом в горы.

— А я ведь ему говорил. Эта корпоративная культура, Матвей Андреич, она до добра не доведет, — захохотал Шибуга.

— Во, во. Ему бы вас слушать, Денис Денисович, а не строить из себя.

— К бухгалтерии доступ, к сети?

— Наши хакеры… то есть крекеры… то есть почти уже…

Закутайло метался по кабинету, то и дело заглядывая через плечо своему хакеру-крекеру, терзающему директорский компьютер Ивашкина. Тот уже минут тридцать безуспешно пытался вскрыть систему защиты компьютерной сети предприятия.

— Денис Денисыч… я уверяю, вы ж меня знаете… Справятся в ближайшее время, — залопотал Закутайло.

— Счет на минуты, даже на секунды, Феликс!

Ловкий крекер у компьютера завопил и поднял вверх кулаки, подтверждая вход.

— Имеем! — радостно бросил в трубку Закутайло.

— Так, немедленно! С его счета перечислить… Можно даже совсем небольшую сумму… на счет, который…

— Я понял, понял. Бегу.

— Дальше сам знаешь, как и кому сообщить… Гы-гы! О благодеянии.

Шибуга вскочил и, потирая руки, забегал по комнате. Через окно он увидел, как из подъехавшего автомобиля выходит Лера и направляется к подъезду.

— Смотри-ка, живая вернулась.

Когда она поднялась в апартаменты, Шибуга, распростерши объятия, поплыл навстречу, приговаривая:

— Практически каждый месяц очередной лох просыпается утром и не догадывается, что родное предприятьице-то ему уже не принадлежат. Или не просыпается вовсе. Так?

— Я устала.

— Умница моя. Отдыхать абсолютно некогда. — Обнимая, он подвел ее к столу с горой документов. — Тебе так шли веснушки…

Группа, преодолев множественные спуски и подъемы, стояла на вершине загадочной Малой горы. Внизу в ущелье Каменный стакан поблескивало небольшое озерцо.

По мере того как спускались все ниже и ниже, вода из загадочного озера стремительно уходила обратно в подземную реку. Оно мельчало прямо на глазах, оголяя покрытое ракушечником дно.

— Я знаю, он живой, — бормотала Нюта, — он хороший альпинист.

— Хороший альпинист — живой альпинист,— мрачно заметил Юлий Карлович и стал обследовать площадку. — Гляньте, часа два-два с половиной тому здесь был сильный камнепад

Остальные приблизились и тоже глянули вниз. На глыбе, выступающей из остатков уходящей воды, они увидели лежащего неподвижно длинноволосого, если не сказать, лохматого человека. Предельно осторожно группа начала спуск в ущелье.

Тотально оволосевший Матвей без сознания лежал ничком на глыбе, а зареванная Нюта металась по кромке озера в поисках Ивашкина. Среди глыб и камней ее невысокая легкая фигурка мелькала то тут, то там. Ежик коротких каштановых волос отсвечивал на полуденном солнце.

— Матвей! Матвей! Мотя-я-я! Только найдись, только найдись!

Юлик первым подошел к неподвижно лежащему человеку. Перевернув его, заглянул в усато-бородатое лицо. Странно, но на этом парне почему-то была ветровка Матвея. Юлик скользнул взглядом ниже. Батюшки светы! На кисти руки потерпевшего он увидел знакомый с детства продольный шрам.

— Да это он…

Матвея подняли, а заодно и его фляжку с набравшейся озерной водой, которую машинально закрутили висящей на шнурке крышкой. Потрясенные «альпики» долго молчали, а подбежавшая Нюта умело обработала рану и сделала перевязку, украдкой целуя Матвея.

— Это оно спасло тебя. Да кого же еще спасать, как не тебя от тебя же самого, дурачок ты мой.

Юлий Карлович подошел к ней и, склонившись над исчезающим озером, произнес:

— К слову сказать, водоем этот по сей день остается одной из самых таинственных загадок этих мест. Он может исчезнуть буквально за несколько часов, чтобы так же внезапно на том же месте появиться вновь. Только никто не знает, почему и когда.

— Это мистика или есть научное объяснение? — спросила Нюта, заканчивая перевязку.

— Дело, скорее всего, в мощной подземной реке и карстовых провалах, которые периодически из-за смещения подземных слоев то открываются, то вдруг закрываются вновь.

Группа начала готовиться к новому восхождению, но уже с раненым товарищем на руках.

Теплый сентябрьский вечер у самого подножья гор задался на редкость мягким. Альпгруппа после богатого на события дня мирно сидела у костра. Закипал чайник, кто-то тихо играл на гитаре. Матвей уже несколько часов лежал в палатке, но по-прежнему без сознания. Юлик, пригласив из селения местного доктора и убедившись, что ничего серьезного нет, сам тщательно осмотрел друга и не торопился транспортировать его в таком состоянии в город. Профессиональный опыт и интуиция подсказывали, что на сегодня это наилучшее решение. Но были и более веские причины. Несколько тревожных звонков, поступивших на чудом уцелевший мобильный Ивашкина, принесли весть о наглом рейдерском захвате.

В палатке, увешанной по углам собранными пучками душистых трав, около Матвея хлопотала Нюта. Она сделала ему очередную инъекцию, смочила губы питьевой водой из кружки и поставила ее рядом. Удостоверившись, что никто не видит, снова и снова целовала и обнимала его. Наконец, тяжело вздохнув, девушка вышла из палатки и направилась к костру.

Невдалеке от лагеря на взгорье паслось стадо овец. Овчар, сидя верхом на лошади, тщетно пытался согнать их в кучу. Он погнался за строптивой овцой, которая никак не хотела в общее стадо. «Альпики» с любопытством наблюдали за происходящим.

Тем временем Матвей в палатке открыл глаза и огляделся по сторонам, постепенно прихо-

дя в сознание. Попробовал встать. Резкая боль как кувалдой шибанула по голове, но сильная жажда заставила все-таки подняться. Судорожно ища свою фляжку, он подошел к висящему у входа небольшому зеркальцу и тут же шарахнулся от него:

— Кто это?! — Из зеркала на него смотрел волосатый бородато-усатый тип с вытаращенными, но такими знакомыми глазами. — Я же вроде умер. А-а-а! Так это я такой в следующей жизни? Красавец! Хотя лысый мужчина — это было брутально! — Он снова схватится за голову: — А по башке уже тут успели дать?.. Че, вообще, было?

У костра заметили, что Матвей очнулся, и радостно побежали к палатке. Первыми неслись Юлик и его племянница Нюта.

— И эти все здесь! — Еле шевеля пересохшими губами, проговорил он. — А-а-а, групповая реинкарнация… Круто!

Открыл флягу и отхлебнул. Вкус озерной водицы оказался таким терпко-горьким, что Матвей тут же бросился к выходу, чтобы скорее выплюнуть. Но, сделав несколько шагов в сторону, наткнулся на несущуюся во весь опор остриженную овцу, за которой гнался овчар. Вода изо рта Матвея уже летела фонтаном и прямиком на бедное животное. Та опешила и притормозила. Не прошло и десяти секунд, как на бедняге стала пробиваться новая шерсть. Да такая густая и жесткая, что все опешили, а овчар во весь опор поскакал обратно к отаре, дико вопя:

— Шайтан! Шайтан из Каменный стакан!!!

Неистово щелкая кнутом, он погнал отару в долину, бросив бешено обрастающую овечку на произвол судьбы. Ошарашенная скотина потрясла головой, рванула с места и скрылась за холмом. Потрясенный Матвей, не мигая, уставился на фляжку с загадочной водой…

Вскоре друзья, прихватив планшетник, уединились чуть поодаль от костра. Лохмато-бородатый Матвей тряхнул вновь обретенной шевелюрой и решительно проговорил:

— Просто так я не сдамся.

— Спокойно, — осадил его Юлик, — для начала давай зайдем на твой сайт.

Вместо главной страницы загрузилось сообщение: «Этот сайт угрожает безопасности вашего компьютера».

— Хитро, мерзавцы!

— Тогда глянем в новости?

— Говорят, шансы в суде увеличиваются, если первым подать иск на рейдера, — напористо выдал Матвей, ища в сети информацию о рейдерском захвате своего предприятия. То, на что он наткнулся, повергло его в ужас. Текст информационного сообщения гласил:

«Ивашкин Матвей Андреевич, 198…… года рождения, объявлен в федеральный розыск по обвинению в пособничестве — перечислении денежных средств тайной террористической организации».

Под текстом красовалось старое фото еще абсолютно лысого Ивашкина.

— Что там? — как можно спокойнее спросил Юлик. Хотя, за то время, что друг пребывал в отключке, он успел не только промониторить больную тему, но трезво взвесить ситуацию. Сейчас главное — без паники определиться с ходом дальнейших действий.

— Привет от Шибуги, — упавшим голосом произнес Матвей. — Приплыли. Вот и подал иск.

— Ну, да. А вдруг ты жив остался. Решил подстраховаться, гад!

— М-да, стоило вам меня доставать….

— С чего сорвавшись, взгрустнулось?

— Да все с того же, Юлий Карлович.

— Эх, Мотя! Такой крутой причес сменил, а? — попытался разрядить обстановку друг. — Считай, это твой козырь!

— Да? Особенно, если единственный.

— Зато какой! Так, где твоя многострадальная мобила? Начнем с этого.

Разгоряченный Матвей снял ветровку, бросил на траву и обреченно достал из кармана мобильный.

— Сим-карту вынимай. Быстрее!

— От этой чертовой воды, что ли, припаялась, и не отковырнешь.

— Выброси, Матвей, завтра в городе другой купим.

Долетевший от костра голосок Нюты прервал их разговор:

— Ужинать, братцы «альпики»! Каша стынет!

— Пока все, Мотя. Эх, и знатная у Нютки каша! Очень рекомендую для поддержания штанов. А то тебя аж качает.

Юлик встал и быстро зашагал к группе. Матвей тупо уставился на мобильный. Корпус телефона от недавних приключений был слегка облуплен, по дисплею тянулась трещинка.

— Ну что, друг? Утопить тебя не утопили, разбить — не разбили. Спасибо за службу. Извиняй и прощай. — Он размахнулся и забросил трубку в заросли, не оборачиваясь. Затем поднялся и побрел к костру, не заметив, как аппарат, попав ненароком в ствол деревца, отскочил обратно.

Навстречу ему уже неслась сияющая Нютка, протягивая миску с дымящейся кашей. Матвей раздраженно отстранил ее руку и молча уселся рядом с Юликом. Девчушка остановилась, вся залилась пунцовой краской, но тут же взяла себя в руки. Достала упаковку с пилюлями, прописанными Матвею местным доктором, и силой затолкала парочку ему в рот.

— Накормить! По-полной накормить! — выдал командным тоном Юлий Карлович.

Девушка набрала в ложку каши и поднесла Матвею ко рту. Тот вскочил, выхватил ложку и зашвырнул в траву.

— Он не кормится! — сорвавшимся голосом пробормотала она и, чуть не плача, вскочила и унеслась за палатки.

Пару раз всхлипнув, принялась наводить порядок на площадке. В зарослях вдруг что-то блеснуло, и она увидела знакомый ей телефонный аппарат.

— Разбросался тут! Даже и не вздумаю подбирать, — пробурчала Нюта, но все же наклонилась, подняла трубку и положила ее в карман брошенной на траве сине-красной ветровки, тщательно застегнув все «молнии».

Решено было сворачивать палатки, а восхождение отложить до лучших времен. Тем более что со стороны моря хлынул влажный поток и принес теплый дождь. Прихрамывая, Матвей подошел к Нюте. Она протянула его ветровку и только собралась что-то сказать, как он опередил ее:

— Прости дурака контуженного. Спасибо тебе за все, Ню.

— Сейчас не стоит благодарности. Но я с тобой еще поговорю, когда твоя крыша возвернется.

— Считаешь, вернется? Точно?

— А то. Про таблетки не забудь, что доктор прописал, слышь?

— Ага. Ну, я похромал? Пока!

В самолете на обратном пути Матвей крепко спал, укутавшись в плед. Его едва растолкали перед посадкой. По-прежнему знобило, но снов никаких он не видел или не помнил, а потому, проснувшись, облегченно вздохнул.

После приземления, перед тем как группе разойтись, Матвей подходил к каждому из группы и жал руку.

— Вот так, ребят, вышло. Уж извиняйте, что отпускная неделя насмарку.

— Не вопрос. Главное — все живы. Да и будет что некоторым вспомнить. Отпуск всегда отпуск, чего уж там.

— Зато в понедельник, прямо с ранья, по холодку, валяйте на высотные работы. Я к господам «промальпикам» обращаюсь. Эва, все слышали? — начальственным тоном громко объявил Юлий Карлович.

— Куда наряд-то? — поинтересовались те, кому было адресовано сообщение.

— Гостиница-высотка, малышка в тридцать этажей. До понедельника, орлы!

— Кабы не вы, ребят…— взволнованно повторял Матвей. — Кабы не вы…

— Все, по домам. Тебе за руль сегодня рановато. Поедем на моей, — подходя к нему, сказал Юлик. — И по пути Нютку подвезем, да? Анюта, А-а-ань! Анечка! — Юлик искал в толпе знакомый каштановый ежик своей двадцатилетней племянницы.

— Очень надо, сама доберусь, — буркнула она, перед тем как запрыгнуть в маршрутку. — Какая я для него Нюта, Анюта, тем более Анечка? Просто тупо — Ню. Попрыгала вокруг и свободна. Зачем только дядька потащил его с нами, на свою голову?

Юлик только развел руками и покосился на Матвея. Но тот даже не глянул в ее сторону. В забинтованной лохматой голове уже созревал дерзновенный план, страстно жаждущий воплощения.

— Теперь мы за ним поохотимся! Не может быть, чтобы он сумел спрятать все концы в воду! — то и дело выкрикивал Матвей, усаживаясь в машину друга.

— Но не здесь и не прямо сейчас, — подчеркнуто спокойно произнес Юлик.

— Я теперь должен знать каждый шаг этого шепелявого аллигатора! Я…

— Наверное, хочешь сказать, мы должны? — Друзья понимающе обменялись взглядами и хлопнули друг на друга по плечу. — Нет ничего проще, умеючи-то. И такие люди есть.

— Тогда вперед! — блеснув одержимым взглядом, выдал Матвей.

— Мотик! Охота на крокодилов — наше новое хобби! Но это все завтра. А сегодня по домам, и ранний отбой.

В апартаментах Дениса Денисовича Шибуги замышлялось очередное дельце.

— Даже если он жив, в чем я сомневаюсь. А, Лерочка?

— Я сделала все, что могла.

— Сколько он уже в розыске, и все без толку, так что спокойно готовим юридически чистую продажу. У меня и покупатель на примете, — довольно пропел Шибуга, развалившись отяжелевшим телом на кожаном диване. Говорил он чисто, нисколько не шепелявя, а все потому, что настроение у него было отличное, и никто из помощников не собирался с ним спорить.

В комнату вошел Феликс Закутайло, горделиво неся папку с документами. И только открыл, было, рот, как патрон ткнул его носом в свежий факс:

— Кстати, там приглашение пришло на промышленный салон. Надо подтвердить наше участие.

— На кой ляд? — У Закутайлы вытянулось лицо.

— Надо, Феликс. Но это потом. Давай уже, рапортуй. Вижу-вижу, как бьешь копытом. Не терпится похвалиться?

— Итак, — торжественно начал Закутайло, — судебное решение об аресте акций, протокол собрания акционеров, решение суда о передаче, свидетельство на право собственности, кадастровый паспорт и прочее. Десяток документов лично довел до ума.

— Отвечаешь? Чисто сделано?

— Вы ж меня знаете! Сделано — не подкопаешься. Но и влетело в копеечку. Одному только Торопахину пришлось отвалить за слив, да отправить потом его, типа пострадавшего, на лечение в санаторий, с глаз долой до поры.

Шибуга взял из его рук папку и бегло пролистал каждый документ. Затем подошел к Лере, сидящей за компьютером, и стал диктовать:

— Уважаемый господин, как, бишь, его там?

— Господин Мулькин, — уточнила Лера и отрешенно стала набирать текст письма.

Тем временем Юлик и Матвей уже стояли за плечом опытного хакера, а вернее — крекера, вызвавшегося помочь друзьям в рискованном деле.

— Ну, все! Включаем механизм встречной атаки! — выкрикивал лохмато-бородатый Матвей Ивашкин, носясь по помещению взад и вперед и размахивая в воздухе жутко волосатыми руками.

— Что, хакнем? — Юлик уверенно положил руку на плечо парню, сидевшему за компьютером.

— Точнее, крекнем, — ответил тот. — Но наберитесь терпения, и, скорее всего, на несколько часов.

— Давай, лишь бы быстрее. Выручай, брат.

Удача мило подмигнула им, и примерно через час электронный ящик конторы Дениса Шибуги был вскрыт.

— Опа! — воскликнул потрясенный Юлик.

— Реально вскрыто? Это точно его? — забеспокоился Матвей.

На дисплее монитора возникли файлы писем. Открывая и просматривая одно за другим, наконец обнаружили то, что искали.

— Вот он — шанс упредить последствия для потерпевшей стороны, — произнес парнишка-крекер. — Ловите!

Это было письмо Шибуги, адресованное потенциальному покупателю захваченного предприятия Матвея Ивашкина.

Господину П.П. Мулькину.

Уважаемый Петр Петрович!

Настоящим сообщаю, согласно нашей предварительной договоренности, готов встретиться на промышленном салоне в выставочно-гостиничном комплексе. Детально обсудить условия купли-продажи известного вам предприятия по выпуску современного тренажерного оборудования. Весь пакет затребованных вами документов будет предоставлен в полном объеме.

С уважением, Д.Д. Шибуга

— Если они успеют продать мой заводик до того, как мы выведем их на чистую воду, что тогда?

— То вернуть его истинному владельцу, то есть тебе, будет весьма проблематично, — уточнил Юлик. — На промышленном салоне у них встреча? Так это же в понедельник. Выставочно-гостиничный комплекс, ну-ну.

— Малышка-гостиница в тридцать этажей?

— Нормально. Несколько дней у нас еще есть.

— Роем. Он много чего о себе позакопал, подлюга.

Все трое склонились над монитором компьютера. Им предстояло всего за несколько дней собрать максимально возможное количество компрометирующей информации на Дениса Шибугу.

Наконец наступил тот самый понедельник. Лера придирчиво просматривала документы для готовящейся купли-продажи и складывала в портфель Шибуги. Одну из бумаг нервно перечитала несколько раз.

— У-у-у, Закутайло, урод самонадеянный!

В дверях возник возбужденный Феликс Закутайло и прямиком направился к Лере.

— Задней левой пяткой сработано, Феликс, — сунула она ему под нос сомнительный документ.

— Проканает. И не такое лепили. Не твоего птичьего ума дело.

Лера со злостью швырнула бумаги перед ним на стол. Он невозмутимо собрал их и быстро засунул в портфель.

— Сейчас не об этом. Ты что нам гнала? Что его мобильник на дне озера? И он сам там же?

— Где же еще?

— Мне только что доложили: его номер запеленговали в черте города. Да ты, дорогуша, с ним заодно.

Лера хладнокровно смотрела ему в глаза. Шизоид конченый! Сейчас бы тем самым ледорубом да по этой тупой башке. Вот уж кого совсем было бы не жалко.

— Со мной двойная игра не пройдет, соплячка. — Упершись в нее свирепым взглядом, Закутайло сделал знак рукой, и в дверь по одному вошли четверо охранников.

— Слышь, а самого себя не пробовал подозревать? Дарю идею.

— Не наглей!

— Хочешь узнать? Так че ты тут стоишь, митингуешь? Бери своих «оленей» и найди его.

Лера схватила портфель и пыталась его застегнуть, но пальцы предательски не слушались. В комнату вошел Шибуга, вид у него был сосредо-

точенный и хмурый. Не глядя на присутствующих, он молча взял со стола подготовленный портфель и вышел. Лера выскочила за ним.

Ранним утром маленький автобус с надписью «Промальп» мчался по пустым улицам в направлении выставочно-гостиничного комплекса. За рулем сидела непривычно притихшая Нюта. На свой страх и риск Юлий Карлович взял шуструю племяшку в дело, но поставил главное условие — никаких драйверских фишек, на которые она была горазда, став еще в школе неоднократным призером юношеских автогонок. По совместительству вменил ей в обязанности еще заведование пищеблоком и аптечкой. Толковая девчушка быстро освоилась и скоро стала в группе своей. И на все у нее было свое особое мнение. Правда, никто его не спрашивал.

Сегодня в их составе на высотные работы ехал этот контуженый Лохматун. Во всяком случае, про себя она теперь только так станет его называть. И не столько потому, что дико лохматый, а оттого, что лох лохом, раз какая-то разрисованная стерва развела в легкую. И думать о нем больше нечего. Эх, сейчас бы дать по газам, пока трасса почти пустая! Куда там, разве дядька Юлий позволит оторваться. И чего он носится с этим Мотей, вернее сказать, с Лох-Мотей? Смысл выбирать в друзья клинических идиотов? Сидят вон опять — замышляют немыслимое, старые дураки.

В свои тридцать пять Юлий Карлович или Юлик, как обычно звал его Матвей Ивашкин, все чаще ловил себя на мысли, что мужская дружба уж точно — не последнее дело в жизни. И если она настоящая, а не просто дешевая игра, то в самые отчаянные минуты для друга и сам начинаешь всем нутром ощущать себя в несколько крат сильнее. Матвей и Юлик в

окружении группы о чем-то тихонько совещались. Нютке почти ничего не было слышно, как вдруг Матвей, схватившись за травмированную голову, вскочил и заорал:

— Нет! Зачем другим-то так рисковать? Это только мое, дурака пробитого, дело. Стоп! Остановите, ну же, водитель!

Он кинулся к выходу и замахал руками. Нютка ударила по тормозам, автобус резко остановился. Она испуганно смотрела в зеркало то на Матвея, то на своего шефа — дядьку Юлия Карловича.

— Все, все, как скажешь. Только завернем за угол, здесь знак, — сказал спокойно Юлик.

Нютка все сразу поняла. Перед самым выездом дядька предупредил, что едут на рисковое дело. Решено старого друга Ивашкина выручать — во что бы то ни стало. Тем более что парень сейчас, по известным причинам, в неадеквате и может наломать дров. И что-де и она тоже должна быть готова к любой «нештатке».

Юлик и Нютка понимающе переглянулись. Автобус свернул за угол, но не остановился и на полной скорости понесся дальше.

— Так я и говорю, знак на знаке, — добавил еще спокойнее Юлик.

— Где ты видел знак-то? — завопил Матвей.

Еще пару-тройку раз свернули и оказались перед школьным двором.

— Да вот он.

Матвей выскочил из автобуса, поднял голову и замер. На школьном дворе играли в футбол. По полю носились те самые мальчишки, которые всего несколько дней назад первыми опробовали подаренный скалодром и получили обещание о начале занятий в альпсекции. Увидев их с Юликом, они через весь двор помчались им навстречу. Громче всех кричал невысокий вихрастый мальчишка, повторяя давний вопрос.

— Вы еще придете? Вы придете? Придете? Еще придете? Еще…

Юлик выглянул из автобуса и, хитро прищурясь, спросил друга:

— Что, в обратку не крутится?

— Поехали! — буркнул пристыженный Матвей и полез обратно в автобус.

— Поехали, так поехали, — облегченно вздохнул Юлик.

Когда подъехали к тридцатиэтажному выставочно-гостиничному комплексу, облицованному тонированным стеклом и похожему на гигантское трехстворчатое зеркало, замкнутое в треугольник, вокруг еще не было ни души. Поднялись на крышу и начали готовиться к спуску для проведения работ. Матвей приблизился к краю крыши и глянул вниз, а затем в стороны по всему периметру высотного здания. Головокружительная высота с оттенком холодного ужаса. Это совсем не было похоже на такие знако-

мые горы. Ни тебе естественных изгибов и линий, ни дыхания живой стихии. Один мертвый бетон и стекло.

— Какая же она огромная. Просто гора стекла! Только безжизненная и мрачная.

Матвей знал, что на весь сегодняшний день «промальпики» — мойщики. И работа — не окраска, не ремонт, не монтаж, а мытье окон. Ему тоже предстояло облачиться в специальную амуницию: яркую каску и страховочную систему, среди своих называемую «трусы». Рядом громоздилась гора из ведер с крышками, пульверизаторов с моющей жидкостью, щетинистых резиновых щеток и прочего. Мойщики еще и еще раз проверяли карабины на амуниции.

Юлик придирчиво осматривал страховочные тросы, закрепленные на крыше, чутко прислушиваясь к звучанию двигателя подъемника. Ясное дело, Матвею, как альпинисту-любителю, специфика «промальп» была в новинку. Он попытался опробовать полученные инструменты мойщика, но только забрызгался пеной с ног до головы.

— Так, напомни… Какой тут главный-то струмент?

— Запомни. Главный струмент мойщика — енто его характер, — отчеканил Юлик.

Оба засмеялись, и Матвей вместе со всеми стал готовиться к спуску.

— Сел. Закрепился. Поехал! — скомандовал Юлик.

Группа синхронно осуществляла спуск сначала до окон верхнего, тридцатого этажа. Как оказалось, с утра на наружной стене значительно свежее, чем на крыше. Матвей только теперь всем нутром, всей шкурой почувствовал разницу между горами и наружной стеной высотки.

— Бод-драш-ше! — только и сказал он, вздрогнув всем телом.

— Помни, чем выше этаж, тем сильнее ветер, — донесся до него голос Юлика от соседнего окна справа.

— И тем легче ему отбросить тебя от здания, — прозвучал слева голос одного из мойщиков.

— Парни, работать! Мотя! Я — рядом.

«Только бы хватило духу. Лишь бы не опозориться перед парнями», — подумал Матвей и приступил к работе мойщика.

На площадке внутреннего двора выставочно-гостиничного комплекса, где ожидалось открытие промышленного салона, прибывал народ. Заполнялись номера гостиницы, в зале основного здания уже гудела пресс-конференция, где жаждали новостей и свежих сплетен. В центре двора, под тентовыми навесами, громоздились экспозиции с крупногабаритными образцами техники и технологического оборудования. Везде пестрели яркие баннеры и постеры с логотипами и навязчивыми слоганами компаний. Все начиналось как всегда, из года в год. Казалось, ничего не предвещало ярких событий и нештатных ситуаций.

Выйдя из автомобиля раньше Шибуги, Лера принялась разыскивать у входа потенциального покупателя. Но господина Мулькина не было в условленном месте. Набрав его номер и изо всех сил стараясь быть любезной, она произнесла:

— Петр Петрович! А, чертовы пробки? Не волнуйтесь, ждем вас в номере. Я вам сброшу «эсэмэской», как нас найти.

В гостиную номера «люкс» на пятнадцатом этаже, снятого для комфортного ведения переговоров, с причудливым полукруглым эркером и двумя огромными окнами в нем, вошли четверо охранников. Как и положено, тщательно осмотрели помещение. Затем появился Феликс Закутайло. Удостоверившись, что все «чисто», пригласил патрона — Дениса Денисовича Шибугу, которому явно было чего и кого опасаться. За ними вбежала референт Лера. Она на ходу что-то проговорила Денису Денисовичу на ухо, при этом с плохо скрываемым злорадством глянула в сторону противника, предвкушая, как тот будет выкручиваться перед патроном. Шибуга уселся на мягкий кожаный диван и заорал в своей привычной манере:

— Феликс! Закутайло, едрен!..

Закутайло поспешил сесть рядом.

— Что я слышал? — продолжил Шибуга. — Где он? Кто он? У кого этот телефонный номер?

Закутайло молчал, опустив взгляд. Рядом моргали охранники.

— Раззявы, дармоеды! Кого ты мне набрал?

Шибугу от полученной информации бросило в жар. Он вскочил и распахнул оба окна настежь.

Закутайло молча сопел, а Лера буравила его колючим взглядом.

— Слышь, паря, а че они у тебя все лысые? Те че, такое техническое задание давали? — начал уже истерить известный психопат Шибуга.

Закутайло, привыкший к внезапным психопатическим вывертам патрона, вскочил с места и подошел к раскрытому окну. Убедившись, что там все спокойно, стал ждать развития событий. Он нервно теребил штору, когда заметил сбоку на семнадцатом этаже группу работающих мойщиков.

— Ты нам что, специально таких подбирал? — ядовито спросил Шибуга.

— Во-во, фирменный стиль — голяк-тотал, — добавила Лера, сразу помрачнев.

— Не нервируй мне Лерочку, Феликс! Как можно быть таким… не чутким коллегой?

Все трое наблюдали в окна за группой мойщиков, спускающихся на следующий этаж.

— Разогнать, к чертям, а заодно и закрыть лысую тему раз и навсегда!

Закутайло сделал жест, чтобы все четверо лысых охранников вышли.

Довольная Лера мстительно следила за разборкой.

— Не стоит ваших нервов, Денис Денисович. И дело не в мальчиках его.

— В чем же, умница моя?

— О-о-ой-е!…Понаберут по объявлению… — Лера смерила Закутайло презрительным взглядом.

— Че, осмелела? Кого подсиживаешь, маленькая дрянь? — подпрыгнул Феликс.

— Отставить пузыри, коллеги!

— Чего он как шакал кидается? При одном деле, вроде, — надула губы Лера.

— Что ты, голубица … горная, — процедил сквозь зубы Феликс Закутайло.

За открытыми окнами номера, смотрящими почти друг на друга в затейливой конструкции полукруглого эркера, вися на веревках и торосах, возникли два мойщика. Тот, что помоложе и полохматей, от неожиданности слегка вздрогнул. И было отчего. Прямо на него уставились трое: Шибуга, Закутайло и Лера. Матвей усердно выполнял манипуляции по мойке окон, стараясь все повторять за Юликом. Только от неумелого обращения с пульверизатором лохматая голова, каска, усы и борода — все было в мыльной пене. Матвей сразу заметил на столе раздутый портфель с подготовленными документами для купли-продажи его предприятия.

«Ясный перец, что за портфельчик, — мелькнуло у него в голове, — вот он-то мне и нужен».

Благодаря архитектурной особенности, именно потому, что плоскости двух окон эркера находились почти напротив, мойщики могли отлично видеть друг друга через все пространство гостиной номера Шибуги.

Денис Денисович оскалился и демонстративно обнял Феликса Закутайло.

— Да хоть вот из этих лохматых набирай. Глянь, ловкие какие ребятки-то! Такие, поди, везде пролезут. Кого хошь, найдут, и хрен поймаешь.

Шибуга вернулся на диван, Закутайло поплелся за ним. Матвей с Юликом через распахнутые настежь окна слышали весь разговор и, переглядываясь, буквально давились смехом. А Лера пристально всмотрелась в лицо лохмато-бородатого мойщика, и внутри у нее что-то екнуло и замерло. Матвей скорчил жуткую рожицу и быстренько заполнил пеной из пульверизатора поверхность окна, вроде как спрятался.

В гостиничный номер почти вбежали четверо запыхавшихся лысых охранников. В руках у одного из них был листок с крупно написанным номером мобильного телефона и координатами его нахождения.

— Красавцы, прям как с конвейера. Че нарыли? — спросила Лера.

— Данный мобильный, точнее, сим-карта данного номера находится…

— Ну-у-у-у! — взвыл Шибуга.

— …Находится в пределах данного помещения.

У Матвея от увиденного и услышанного вытянулась шея, и страшно запершило в горле. Вытаращив глаза, он пытался зажать рукой рот.

— Где, где? — зашипел Шибуга. — Меня тут что, за дебила держат?! Закутайло, что за дела?

Лера быстро повернулась к окну и попыталась открыть намыленную створку, но рука мойщика быстро потянула ее обратно. На кисти руки она увидела знакомый продолговатый шрам. Теперь ошибки быть не могло. Это он!!!

— Что там, Лерочка? — спросил с дивана Шибуга, но девушка ничего не ответила, находясь в глубоком обмороке.

Шибуга засуетился, тут же подскочил к ней и усадил в кресло. Открыв глаза, Лера посмотрела на другое открытое окно. Второй мойщик, в сдвинутой на лицо каске, с суровым видом подмигнул ей, и она, мгновенно узнав его, снова потеряла сознание. Закутайло занервничал, почуяв, что ситуация выходит из-под контроля. Но в чем конкретно дело? Он подошел к Лере и пальцем с силой ткнул в так называемую «точку скорой помощи» на границе между носом и верхней губой. Она резко открыла глаза и отбросила от себя его руку.

— Ну? Говори, что знаешь! — прошипел он, склонившись над ней.

Лера достала свой мобильный и набрала номер Матвея Ивашкина. Шибуга и Закутайло стояли рядом и видели, кому адресован звонок.

У Матвея в кармане ветровки предательски зазвонил мобильный, который, как он считал, был выброшен в горах. Прямо через ткань кармана он наощупь нажимал и нажимал на дисплей аппарата, пытаясь отключить сигнал. Юлик схватился за голову. Телефон предательски звонил и звонил. Шибуга так и сел прямо на пол рядом с креслом Леры.

— Это он?!.. Нет, не могу поверить! Че за маскарад?

Закутайло с охранниками бросились к окну.

— Ивашкин, не могу поверить! Сам, да мне прямо в руки, — оживленно загомонил он.

— Да эдаким франтом, при париках… Откуда свалился на нашу голову, страдалец? — подхватил Шибуга.

— Оттуда, откуда возвращаются только такие, как я.

— Дай обниму тебя! — Закутайло все ближе подкрадывался к окну.

— Щас прям! Пару минут, господа!

— Пусть говорит, даже забавно. Времечко пошло, Матвей Андреич, если, конечно, это ты.

Лера, очнувшись, продолжала сидеть в кресле, не в силах пошевелиться от ужаса.

— Ты явно не там искала виновных, — обратился к ней Матвей.

— Виновных? В чем? — переспросил Шибуга.

— В трагической гибели ее родителей.

— А ты, выходит, знаешь, где искать? — Лера поднялась с кресла.

— Обстоятельства их гибели, как выяснилось, Денис Денисович, а на самом деле — странной гибели ваших бывших партнеров по бизнесу, находятся сейчас в свободном доступе на этом сайте. Документы засвидетельствованы очевидцами.

Матвей достал маркер и написал на оконном стекле короткую ссылку — адрес сайта, на котором была выложена нарытая ими информация, компрометирующая Дениса Шибугу.

— Видать, ты сильно головой шибанулся, парень, раз такое несешь.

— Пусть говорит, — прервала патрона Лера.

— Хватит трепаться! Давайте-ка этого типа-а-а лохматого сюда! Сам хочу с него стащить паричок да бороденку накладную.

Охранники кинулись к окну, за которым находился Матвей. Поначалу удалось схватить его за руки. Они пытались как можно ближе подтащить закрепленного мойщика к патрону, стоявшему рядом и нетерпеливо потиравшему руки.

Лера схватила планшетник и быстро пробежалась по ссылке. Наконец открылась страница с неопровержимыми документами и фотографиями. Нечего было удивляться, что нашлось немало людей, готовых поделиться информацией. Она читала текст за текстом, и глаза ее постепенно наполнялись слезами.

Матвей, насилу вырвавшись, оттолкнулся от стены ногами и отлетел слегка назад. На возвратном движении сдернул крышку со своего ведра и с размаху выплеснул воду на нападавших:

— Умойтесь, господа!!

— Что ты делаешь? — крикнул ему Юлик.

— Я становлюсь — мойщиком.

На пару секунд «умытые» остановились, отплевываясь и протирая глаза от мыльной воды. Матвей тут же надел опустевшее ведро на голову Закутайло и сильно ударил сверху кулаком по перевернутому дну. Оглу-

шенный «а-ля тевтонский рыцарь» зигзагами двинулся в глубь номера и, качнувшись, с грохотом растянулся на полу.

Тогда Шибуга сам кинулся к Матвею и вцепился ему в волосы, сильно дергая и желая снять с него предполагаемый парик.

— Да я ща сам стащу!

Матвей, щурясь от боли, вырвался из его цепких рук, направил струю моющего средства прямо в орущую пасть старого аллигатора и завопил:

— Кретин, они настоящие!

— Настоящие?! — хором выкрикнули Шибуга и охранники.

— Как настоящие? Значит… — прошептала Лера.

— То и значит. Ты хотела узнать секрет того милого озерца?

— Того?..

— Так вот мне это удалось. Что называется, испытано на себе. С твоей профессиональной помощью, дорогая.

— Но я же, я думала… Он же говорил, что это ты…

Изо рта Шибуги пошла обильная пена, захлебываясь ею, он прохрипел:

— Веришь? Веришь этому дурилке, с горки свалившемуся?

Юлик, отбиваясь от нападающих охранников, воскликнул:

— Ну, все, мыть — так мыть! — И направил мыльную струю из пульверизатора им под ноги. Еще и еще несколько раз.

Те заскользили и покатились друг на друга. Поднимались и снова падали. Объем пены в номере все рос и рос, пропорционально интенсивности телодвижений участников потасовки. На Леру напал истеричный хохот. Вдруг пришибленный Закутайло, очнувшись, встал и попытался вытащить из кармана свой револьвер.

— Ты знаешь, что твоя жизнь, придурок, висит на волоске? — зажав его в трясущейся руке, крикнул он Юлику.

— Только тут без «мокрухи», Феликс! — предупредил Шибуга.

Тогда Закутайло схватил с пола пустое ведро, подбежал к окну, размахнулся и швырнул его в Юлика.

Тот успел увернуться и, оттолкнувшись от стены, на подлете крепко зажал ногами голову нападающего Закутайло. Затем слегка подтянул за окно, чтобы тот на пару секунд увидел под собой картинку с пятнадцатого этажа.

— Так кто, говоришь, висит?

Матвей, продолжая отбиваться от охранников, с азартом наблюдал за примененным приемом.

— Вау! Юлик, спиши слова! — завопил он.

И вот уже сам, оттолкнувшись от наружной стены, на ускорении влетел в проем окна, лихо применив аналогичный захват ногами против одного из охранников.

— О, боже, я это сделал!

— Мотя, растешь на глазах.

Юлик сорвал крышку со своего ведра и с размаху выплеснул мыльную воду на ошарашенного Феликса Закутайло:

— О-о-охолонись!

Затем снова надел ведро ему на голову и оттолкнул от себя ногой. «Тевтонский рыцарь» — несчастный Закутайло, еще раз увенчанный ведром, стремглав полетел в угол.

— Что, душа в пятки ушла? — громко захохотала Лера.

Закутайло с ведром на голове рухнул, перевернувшись и закинув пятки за голову. Но до того как отключиться, из ведра донесся его глухой голос:

— Не-а… Пятки в душу...е…

Шибуга с пеной у рта, отчаянно жестикулируя, пытался что-то говорить, обращаясь то к Матвею, то к Лере, но издавал лишь хрипы. От попавшей в глаза пены градом текли слезы.

— Я… Я…. Я-а-а…

— Какой идиот вам поверит? — оттолкнул его от себя Матвей.

Лера подняла голову от дисплея планшетника. То, что она узнала, в корне перевернуло все ее сознание. Доказательные факты умышленного убийства ее родителей по заказу Дениса Шибуги сделали свое дело. Она взяла планшетник в правую руку и бросила его прямо в лицо Шибуге:

— Гадина подлая, я сама тебя раздавлю!

— Ты ше, шовшем вольтанулашь? — захлебываясь кровью, вытекающей из разбитой губы, прошепелявил он.

Закутайло, вздрагивая в конвульсиях, валялся в углу. Охранники, зацепившись за подоконник, продолжали свои попытки втащить Матвея внутрь номера. Но не тут то было, оба мойщика, пользуясь тем, что закреплены, выдавали такие фирменные фишки, которые «оленям» Закутайло были в новинку.

Лера осторожно пробиралась к портфелю с подготовленными для купли-продажи документами. Схватила его со стола и стала пятиться в сторону окна, за которым находился Матвей. Шибуга, заметив это, достал пистолет и направил его на девушку. Говорить он явно не мог и оттого потребовал портфель обратно жестом. Лера в ответ отрицательно покачала головой.

Отбив очередную атаку охранников, Юлик снял с плеча моток веревки и сделал петлю.

— Выручай, орлиный глаз! — Прищурившись, он прицельно бросил лассо и вырвал пистолет из руки Шибуги.

Лера с портфелем все ближе и ближе подбиралась к Матвею. Оружие Шибуги отлетело на подоконник перед Юликом, и он поднял его. Повисла пауза. Все замерли. Воспользовавшись моментом, Лера несколько раз сильно дернула за шторы вниз. Гардина со шторами отвалилась и упала, накрыв охранников. Те барахтались, путаясь в объемной ткани, а она с портфелем в руках пристально смотрела в глаза Матвею. Время остановилось.

— Не делай этого, — едва выдавил из себя Шибуга.

Лера глянула на бывшего патрона и передала Матвею заветный портфель. У Шибуги вдруг сразу прорезался голос:

— Ну, ты, девка, пропала!

Закутайло приходя в себя, встал на четвереньки и сбросил с головы очередное ведро. Раскачиваясь из стороны в сторону, опять выхватил из

кармана револьвер, но застыл в сильной задумчивости, почесывая ушибленный затылок. То ли восстанавливался от удара, то ли соотносил в уме открывшиеся факты и прикидывал, что его вполне могут теперь счесть сообщником Шибуги в старом деле умышленного убийства.

— У тебя там что, мозги повылетали? — прохрипел Шибуга.

— Вот, вот, советую сильно подумать, — спокойно произнес Юлик, — прежде чем оказывать содействие преступнику — Денису Денисовичу Шибуге.

— Не верь им, Феликс, они блефуют.

Матвей продолжал отбиваться от охранников.

— Здесь их не взять, — сказал Закутайло, — в безопорном пространстве с ними не тягаться.

— Да раз плюнуть! — прошамкал один из охранников, выплевывая изо рта пену.

— Отставить махаловку! — закричал Феликс. — Из амуниции их можно вытряхнуть только на крыше или внизу — на земле. И взять.

— Портфель! Портфель — главное! — орал прорезавшимся голосом Шибуга. — Мой портфельчик! Мой! Вперед, придурки!

— Одни на крышу к подъемнику и тросам! Другие вниз — встречать их, голубчиков! — прозвучала команда от Закутайло.

Взмыленные охранники выбежали из номера.

— Как же я вас тут одного оставлю? — повернулся Феликс к патрону.

— Исполнять! — гаркнул Денис Денисович.

Закутайло тревожно глянул на пистолет в руке у Юлика и закивал головой:

— Не-е-е, эти стрелять не будут. Так что я ща с ними, голубчиками, спокойно и один справлюсь! Ща-щас!

Шибуга что-то прошептал ему на ухо, тот злорадно усмехнулся и выбежал из номера вслед за охранниками.

Юлик вопросительно посмотрел на Матвея, затем демонстративно выбросил пистолет Шибуги за окно.

Тут у Леры зазвонил мобильный.

— Ага, вот и Мулькин. — Она уселась на подоконник рядом с Матвеем и произнесла: — Да, Петр Петрович! Документы? Конечно, готовы.

— Тогда я вас с Денисом Денисовичем жду внизу. Или лучше к вам? — предложил Мулькин.

— К нам — не лучше. Сделка отменяется.

— Не понял. Вы шутите?

— Или вы мне сейчас отдаете портфель, — двинулся вперед Шибуга, — или…

— Или не отдаем.

— Да я тебя своими…

Денис Денисович поднял кулаки и бросился на Ивашкина. Матвей в очередной раз оттолкнулся от наружной стены, влетел в окно и ногами с силой толкнул его в грудь. Шибуга полетел через все пространство гостиной к противоположной стене. Туда, где перед кожаным диваном красовался заморской работы эксклюзивный торшер в виде пальмы. В обнимку с ним он приземлился на кожаный диван. Попытался, было, подняться, но только запутался в длинном проводе и уронил торшер на себя.

— Меня? Кида-а-ать?! — послышалось из-под него.

— Думал, только тебе можно, рожа крокодилья? — бросила ему Лера.

— Ой, только не надо меня лечить! — кувыркаясь в проводах, верещал Денис Денисович. — Дорогуша, в подавлении виноват как раз не тот, кто подмял.

— А кто же? — спросил Матвей.

— А тот, кто позволил себя отыметь.

— Во, как оно!

— А ты думал?

— Тогда примите мои искренние, глубочайшие извинения, Денис Денисыч. Только мы еще с вами не закончили.

— Да что ты, милый! — Шибуга, наконец, выпутался из проводов, встал и, угрожающе размахивая торшером, загородил собой дверь. — Предлагаю… в последний раз… У! У-р-рою!

— Этот уроет, — дрогнула Лера. — Я с вами. Если возьмете.

Юлик отрицательно покачал головой. Понятно, что, с одной стороны, это личный выбор Матвея, простить или не простить. Но, с другой — принимать решение о том, рискнуть или не рискнуть, провоцируя нештатную ситуацию на стене, исключительно — прерогатива старшего. Одна-

ко Матвей согласно кивнул головой. Мог ли он, как явный непрофессионал в сфере «промальп», понимать, что ставит под угрозу все три жизни? До конца понимал это только Юлик, но говорить было уже поздно.

Шибуга хотел, было, отставить в сторону пальмообразный торшер, но не удержался и плюхнулся рядом с ним на взмыленный пол.

— Леруся, девочка моя! Не вздумай!

Лера оглянулась и решительно запрыгнула на подоконник.

— Не бросай меня! — уронив голову на руки, застонал Денис Денисович. — Забирай портфельчик обратно и ко мне, зайка, киса, лапуся!

На наружной стене друзья пытались максимально подтянуться друг к другу. По команде Юлика, с помощью дежурящих у подъемника коллег, тросы дислоцировались таким образом, чтобы иметь возможность создать единую связку для «промальпиков» на случай нештатной ситуации. Перебрасывая несколько раз от одного к другому резервные веревки, Юлик и Матвей быстро соорудили импровизированную «седушку», для того чтобы третий смог сесть и закрепиться. Лера стояла на самом краю подоконника, вцепившись в оконную створку, на которой еще несколько минут назад была нанесена короткая ссылка, роковым образом перевернувшая ситуацию.

Девушка мелко дрожала. Казалось, былая бесшабашная смелость покинула ее. Из глубины номера донесся рык и мерзкий зубной скрежет, издаваемый припадочным Шибугой. Матвей еще раз проверил импровизированную конструкцию и протянул Лере руку.

Денис Денисович поднял голову из-под стеклянной пальмы. Глаза налились кровью, провод от торшера был намотан у него на руке.

— Все, чумичка, тебе не жить!

Лера оглянулась на бывшего патрона, на секунду зажмурилась и, крикнув:

— А хочешь жить — гуляй смело! — сделала осторожный шаг с подоконника туда, на свободу.

Ее тут же подхватили сильные мужские руки, водрузили на подготовленное место и закрепили.

Шибуга вскочил, круша торшером мебель, но поздно — трое уже были в одной связке на наружной стене высотной гостиницы. На длинном ремне за плечом у Матвея висел заветный портфель.

— Верхолазное отродье! — добравшись до подоконника и выглянув в окно, выкрикнул Денис Денисович. — Грохнешь и себя, и ее! На что надеешься, стукнутый? — Он схватился за трос и начал в припадке дергать его, рыча и брызгая слюной. — Никто меня не любит. Никто! Получите все! Получите!

Наконец, поскользнувшись на мыльном полу, Шибуга упустил трос, и по инерции уплыл в глубь номера. Матерясь и визжа, споткнулся об искоре-

женный торшер и с размаху уселся на разбитую стеклянную пальму. Острые осколки вонзились в мягкое место старого крокодила. Он с воем взвился вверх и врезался затылком в шкаф. Сверху на голову чередой попадали экзотические вазы и статуэтки. Осколки разлетелись по всему номеру.

— Ни-кто не лю-бит!

Происки Дениса Шибуги доставили массу проблем троим спускающимся. Сохранить должное равновесие стоило большого труда. При последнем рывке Лера, резко покачнувшись, все-таки сумела удержаться на «седушке» между Матвеем и Юликом. Вдруг рывки прекратились. Трое героев тут же увеличили темп спуска. Затем на пару секунд остановились. Юлик жестом приказал дежурившим наверху у подъемника дислоцировать тросы еще чуть в сторону от окон номера Шибуги. А тот тем временем, как следует прооравшись, оттолкнулся от стены и по мыльным волнам, разгребая путь от обломков и осколков, поплыл обратно к окну. Но страховочный трос уже был вне его досягаемости. Тогда Денис Денисович решил использовать свой главный козырь:

— Забыл, Ивашкин Матвей Андреич, что ты в розыске? Так напомним.

Внизу на выставочной площадке внутреннего двора гудел народ, промышленный салон шел полным ходом. Собрав все силы, Шибуга заорал вниз что есть мочи:

— Террористы! Тер-ро-рис-ты!!!

Внутренний двор охватило смятение. Участники и гости выставки подняли вверх головы, и по площадке прокатился ропот. Кто-то громко вскрикнул. Шибуга достал мобильный и набрал номер:

— Полиция? Срочно! Мною задержан оп… оп!... опа! — В очередной раз, поскользнувшись на мыльном полу, с мобильным в руках, он лавиро-

вал, пытаясь удержать равновесие. — Опа…сный террорист! Почти задержан… можно сказать… Это разыскиваемый пособник — Матвей Ивашкин. Тот самый. Да, да! Куда выезжать? Выставочно-гостиничный комплекс. Срочно! Спасите!

Он уже предвкушал свою победу, да еще выставленную на всеобщее обозрение. Пусть все знают в этом городе, как тягаться с Шибугой. Пусть знают свое место, лохи.

В помещении дежурного пульта полиции на мониторе компьютера возникло старое фото еще лысого Матвея Ивашкина. Следом — информация о его розыске. На большой настенной карте вспыхнул мигающий значок места происшествия. Дежурный наряд бросился к машинам.

Матвей и Юлик одной рукой придерживали Леру, а другой травили веревку, осуществляя спуск. Дикая выходка противника не застала их врасплох. Был заготовлен такой контрудар, от которого тому не суждено было подняться, а только падать и падать вниз. Но до этого было еще далеко. Юлик подал особый знак на крышу своим дежурным. При этом вместе с Матвеем они издали знакомый клич:

— Эва! Эва-а-а-а-а! Эва-а-а-а-а!

Когда пара дежурных подтаскивала к кромке крыши огромный горизонтальный транспарант-перетяг, готовя его к спуску на наружную стену выставочно-гостиничного комплекса, из чердачной двери прямо на них выскочили Феликс Закутайло и двое лысых охранников. Сбив «промальпиков» с ног, принялись читать надпись на транспаранте. Она состояла из короткой ссылки на сайт.

— «Компру» гнать? А по рогам? — Охранники бросились на «промальпиков».

— Устроили тут избу-читальню. Я вам почитаю! — Закутайло выхватил револьвер. Устрашающе потрясая им, кинулся к транспаранту и стал пинать ногами, пытаясь прорвать туго натянутую баннерную ткань.

Дежурные оттолкнули его, оказав яростное сопротивление. Завязалась драка. Закутайло открыл предупредительную стрельбу. Оба охранника тоже достали оружие, и «промальпики» резко остановились. На какое-то время нападающим удалось предотвратить спуск транспаранта на наружную стену, где его появления с таким нетерпением ждали Матвей и Юлик. Закутайло расслабился, но револьвер не опустил. Он подошел к кромке крыши, глянул вниз и тут же мысленно окунулся в недавнее свое состояние, когда голова его оказалась зажатой между сильными ногами мойщика. Дикая ярость захлестнула и кинула его на парней, что-то тихонько до-

стающих из открытого ящика с амуницией мойщиков. Именно на резервные мотки веревки и рассчитывали парни. Когда Закутайло с охранниками вцепились в транспарант и стали оттаскивать его подальше от края крыши, оба «промальпика», соорудив из веревок лассо, бросили их и затянули в глухие петли Закутайлу и одного из охранников. Оружие тут же было выбито. Тут второй, самый рослый охранник, продолжавший затаскивать длинный транспарант за трубу дымохода, обернулся и опешил. Его начальник и напарник стояли, стянутые мертвыми петлями лассо, не в силах пошевелиться. Оружие, гремя, катилось вниз с одного уровня крыши на другой, пока не упало вниз. А «промальпики» продолжали накручивать вокруг них все новые и новые витки. В заключение процедуры концами веревки связанным были заткнуты рты. Дернувшись, оба упали и покатились по наклонной крыше вслед за оружием. Второй охранник в ярости приподнял длинный транспарант и издал дикий вопль, собираясь обрушить его на противников. Но его занесло, он пошатнулся и сорвался с выступа многоуровневой крыши на более низкий, следующий, где уже лежали двое связанных. «Промальпики» тем же манером мигом связали и его. Затем всех троих закрепили веревками за трубу и отправились к транспаранту. Убедившись, что он не поврежден, стали готовить его к спуску на наружную стену здания.

Тройка, в вынужденной единой связке, продолжала спуск уже на уровне десятого этажа. Юлик понимал, если его парни после сигнала «Эва» до сих пор не спустили на стену транспарант, на то оказалась серьезная причина. И явилась она, скорее всего, в образе Феликса Закутайло и его лысых «оленей».

На площадке вокруг свалившегося с крыши оружия уже собиралась толпа. Кто-то спешил

покинуть выставку, иные, напротив, проявляли интерес к развивающимся событиям. В первую очередь это были информационно оголодавшие репортеры многочисленных изданий и каналов. Они только что вышли из конференц-зала и делились мнениями.

— Прессуха — тоскляк. Хоть бери, да слово в слово переписывай материал прошлого года, только что цифры да даты поменять. Хоть бы чего свеженького…

Свеженькое не заставило себя ждать, достаточно было поднять голову вверх. На наружной стене здания в ярких касках и амуниции работала группа промышленных альпинистов — мойщиков. Правда, десяток из них работали по одному, а трое почему-то оказались в единой связке. Это не могло не заинтересовать. Но главный сюрприз был впереди. С крыши на стальных тросах медленно спускался яркий транспарант-перетяг. На красном полотне крупными синими буквами была написана всего лишь короткая ссылка. Пойти по ней не составило труда, что тут же и было сделано и, в первую очередь, голодными «смишниками». Прочий деловой народ тоже схватился за айпады и планшетники.

Заметив внизу на площадке свалившиеся с крыши револьвер и два пистолета в окружении возбужденной толпы, а над собой — победно спускающийся долгожданный транспарант, Юлик и Матвей облегченно вздохнули.

— Три ствола против трех веревок — в полном пролете.

— Вот это вштырили! — воскликнула Лера. — Получи фашист, гранату!!! Да?

Под фашистом, ясное дело, подразумевался не кто иной, как Денис Денисович Шибуга. А под гранатой — информация, которая должна была взорвать и разнести в пух и прах его тщательно склепанный имидж, а заодно и доказать несостоятельность обвинения Матвея Ивашкина в деле пособничества террористам.

Ажиотаж в толпе нарастал, защелкали вспышки фото- и видеокамер. Журналистская удача вдруг повернулась лицом, превратив монотонно текущее в связку жареных фактов. Те из тележурналистов и операторов, кто уже работал в выставочных экспозициях, побросав рекламные съемки экспонатов, один за другим наперегонки делали стендапы на фоне высотной гостиницы с вывешенным на ней транспарантом.

— Вы-ы-сокая интрига, уважаемые телезрители, — начал один из них, долговязый и худой, указывая на транспарант за своей спиной. — Итак, начинаем журналистское расследование…

Нюта, увидев, что транспарант уже выброшен на стену, и это вовсю снимают в режиме онлайн, выскочила из автобуса и рванула к большому вы-

ставочному экрану. Так и есть, любопытный менеджер экспозиции убежал с зеваками глянуть на то, что происходит в толпе. Она огляделась, поблизости никого не было. Юркнув за перегородку, пробралась к пульту. Несколько секунд — и после перекоммутации штекеров нужный вход был найден. Нюта подняла голову и посмотрела вверх. Вместо крутящегося рекламного ролика про какие-то заморские станки на огромном выставочном экране возникла картинка одного из телевизионных каналов, транслирующих прямой репортаж. В кадре был тот самый репортер-криминальщик с микрофоном в руке, который минуту назад в прямом эфире поведал своим телезрителям о высокой интриге, возникшей на выставке. Тут на площадку с включенной мигалкой и сиреной въехал полицейский автомобиль.

— А вот и полиция, — прокомментировал репортер. — Но заметьте, что журналисты нашего канала на месте событий оказались раньше!

Было видно, как его распирает от гордости то ли за себя, то ли за свой канал, то ли за все журналистское сообщество сразу.

Обернувшись, он вдруг увидел на огромном выставочном экране свое собственное изображение в онлайн, свой репортаж в прямом эфире и потерял дар речи.

— Эх, и… ваш… специальный корреспондент Иван Немелин…

— Мели, мели, Немеля, твоя неделя, — бросила пробегающая мимо Нюта.

На автостоянке около выставки метался несостоявшийся покупатель Петр Петрович Мулькин. Срывающимся фальцетом он кричал в телефонную трубку:

— Господин Шибуга! Забудьте! Нет, сотрите мой номер в вашем мобильном. Я требую!

— Не понял. Вы нездоровы?

— Гляньте на экран за моей спиной. Видите?!

Мулькин панически подбежал к своему автомобилю, плюхнулся за руль. Авто сорвалось с места и скрылось.

Нюта продолжала следить за спуском тройки. На душе было тревожно. Нет, в профессионализме своего дядьки Юлия Карловича она ни секунды не сомневалась. Но сможет ли он удержать ситуацию в своих крепких руках рядом с этими двумя, она не знала. Бросившись к автобусу, девушка схватила из него брезентовое полотно и помчалась к спускающимся «промальпикам».

Шибуга выглянул из окна номера. На ярком большом выставочном экране транслировался онлайн-репортаж с места событий. Правда, звук до уровня пятнадцатого этажа доносился слабо, зато изображение сразило Дениса Денисовича наповал — панорама гостиничной стены с группой мойщиков и ярким транспарантом, на котором он прочитал уже знакомую роковую ссылку. Следующее, что он увидел — это свою всклоченную седую голову в окне на общем плане здания. Шибуга отскочил от окна, маскируясь, набросил на себя сорванную штору и снова выглянул в окно, правда, одним глазом.

Ссылка на большом экране вновь активировалась. Открылся целый ряд фотографий и текстов с компрометирующей информацией о Денисе Денисовиче Шибуге, замешанном в давнем деле умышленного убийства, а также в махинациях и преступном пособничестве террористам. В довершение была выложена и запись с видеокамер наблюдения с тайм-кодом, подтверждающая, что деньги некоей террористической организации были перечислены со счета предприятия Ивашкина людьми Шибуги, то есть уже после рейдерского захвата.

Глаз Шибуги в недрах сорванной шторы бешено вращался.

— Тогда и вам, голубчики, амба!

На крыше события продолжали развиваться непредсказуемо. Оба охранника, умудрившись выдавить изо рта концы веревок, подползли к Закутайло и пытались зубами развязать веревку на нем. Получалось досадно медленно. Тогда связанный Закутайло психанул, подполз к механизму подъемника и несколько раз сильно ударил по нему ногами. Сбой нарушил ритмичный ход работы механизма, что тут же сказалось на спуске — движение пошло рывками, естественное траление веревки сильно усложнилось. Матвей и Юлик с трудом удерживали равновесие всей конструкции. Побелевшая Лера, покачиваясь как на волнах, пыталась балансировать между ними. Еще пара сильных рывков, и она, почти сорвавшись с импровизированной веревочной конструкции, зависла вниз головой на

съехавшей веревке, обмотанной вокруг ее корпуса и одной ноги.

— По себе знаю. Не очень приятно. Держись, — крикнул сдавленным голосом Матвей.

— Не услышал ты меня. Ни тогда, ни сейчас, — тихо проговорил Юлик.

И тут Матвею пришлось совершить почти невозможное — он подтянул Леру к себе одной рукой, спасая от неминуемого падения. Лера внизу затихла, ей казалось, что она перестала дышать. Юлик отчаянно пытался сохранить баланс всей конструкции. Вися вниз головой, она неожиданно начала раскачиваться, причем все заметнее и заметнее. От внезапно налетевшего ветра амплитуда резко возросла, заветный портфель соскользнул с плеча Матвея и полетел вниз! Он смотрел вслед ему и чувствовал, словно сам опять летит в жуткую неизвестность и слышит за собой рев нарастающего камнепада. Рад этому был лишь один человек. Подглядывая в окно, Денис Денисович подпрыгнул и заорал:

— Хрен вам, а не портфельчик! Или я не Шибуга!

— О-офигеть, зависалово… — едва вымолвил репортер, завершив один сюжет и тут же начиная следующий. Рядом на площадке снимали все прибывающие и прибывающие телевизионные бригады.

Портфель падал с высоты прямо на двоих лысых охранников, которые, согласно приказу Закутайлы, поджидали внизу.

— Во, пруха! И махаться не надо, — заговорил первый из них, задрав вверх рябое, некогда изрытое ветрянкой лицо.

Толкаясь, каждый норовил заполучить главный трофей. Но портфель, похоже, сам сделал выбор и приземлился на голову тому, кого звали Рябым.

— Сама добыча прям в рук…

Договорить он не успел. От удара по голове упавшего с высоты пятнадцатого этажа предмета Рябой рухнул всем накачанным телом на бетонную площадку и отключился. Его напарник, когда-то получивший от Шибуги прозвище «Лошак» за свое жутко вытянутое лицо, поднял взгляд к окнам номера своего патрона. Но оттуда, как ни странно, никого не было ни видно, ни слышно, что совсем не радовало. Напротив, не был ясен расклад сил, следовательно, и порядок дальнейших действий.

В недрах разгромленного гостиничного номера Денис Денисович вышел из себя. Причем настолько, что возвращаться обратно и не помышлял. Да и, спрашивается, к чему теперь сдерживать ревущую, дурью разъяренную натуру, когда повлиять на ситуацию он уже почти не мог? Через несколько минут эти ушлые верхолазы окажутся на земле, и что тогда? Чего там внизу разлегся Рябой? Куда запропастился Закутайло? Ни на кого нельзя надеяться. Все сам, все сам. В запале психопат Шибуга стал хватать с подоконников цветочные горшки и швырять их один за другим вниз, метясь в спускающуюся тройку. Матвей и Юлик смогли увернуться, но один из горшков задел Леру, что увеличило размах амплитуды ее раскачивания еще на порядок. Горшки пролетали и разбивались внизу на мелкие черепки. Шибуга даже не представлял себе, во что это сможет вылиться впоследствии.

Полицейские, докладывающие начальству по рации оперативную обстановку, в том числе, ссылаясь на информацию, широковещательно обсуждаемую почти всеми городскими средствами массовой информации, приблизились к упавшему с крыши оружию. Толпа слегка поредела. Пристально вглядываясь в окна номера Шибуги, в которых мелькала седая всклоченная голова обезумевшего Дениса Денисовича, метающего горшки с цветами, старший по званию поднес к уху рацию и принял приказ о задержании обозначенных фигурантов дела.

На дисплее компьютера в полицейском спецавтомобиле возникло фото не только Шибуги, но и лысого Матвея Ивашкина. После распечатки группе полицейских были розданы свеженькие фотографии.

— С которого начать-то? — озадачились двое молоденьких полицейских, видать, совсем новичков.

— А кто у тебя в поле обзора? — глянул на них видавший виды капитан.

— Да вон тот, всклоченный дедок, что горшки метает.

— Вот и займитесь оба. Марш наверх, на задержание!

Навстречу полицейским уже неслись «смишники», желающие взять у представителей правопорядка хоть какой-то комментарий о происходя-

щем. Их смел в сторону наряд полицейских, оцепивший площадку. Рядом взволнованно шумела толпа зевак. По почти опустевшим выставочным экспозициям ветер гнал ставшие вдруг ни кому не нужными цветастые рекламные буклеты и листовки.

До земли оставалось чуть меньше двадцати метров. Матвей уже давно не чувствовал свою руку, удерживающую девушку. Внизу был отчетливо виден одиноко валяющийся заветный портфель и рядом бедолага Рябой, лежащий без сознания. Поблизости крутился его лысый напарник по кличке Лошак. Он поднял вверх голову, наблюдая за тремя в связке. И без того длинная физиономия Лошака вытянулась, и он пробормотал:

— Неужто сами дотянут?

В это время члены бригады мойщиков спустились на землю и, освободившись от амуниции, бросились натягивать принесенный Нютой брезент. Матвей попробовал разжать руку, чтобы отпустить Леру для безопасного падения на этот растянутый квадрат, но рука не слушалась, явно не желая разжиматься. Юлик, видя, что происходит, крикнул:

— Дело сделано, теперь можешь отпускать. Ты можешь, слышь? — И тихо добавил: — Ну! Прикажи себе еще раз!

По руке пробежала мелкая дрожь, но посиневшие пальцы по-прежнему не разжимались, словно окаменевшие.

— От-пу-стить! Навсегда отпустить! — прохрипел Матвей, глядя на свою раскрывающуюся ладонь со скрюченными дрожащими пальцами.

Лера качнулась, чуть потянула на себя ногу и закрыла глаза. Веревка тут же соскочила, и девушка начала падать. Ей казалось, что она бесконечно долго и медленно летит вниз. В глаза ударил и ослепил блик от взметнувшегося ледо-

руба, перерубающего страховочную веревку. Обрубленный край змейкой ускользал с горы в мерцающее блюдце горного озерца. Оттуда доносился дикий пронзительный хохот, от которого все внутри холодело.

Увидев, как Леру вынимают из брезента и опускают на землю, Матвей и Юлик облегченно переглянулись и быстро завершили спуск. На выставочную площадку въехала «скорая», из нее выскочила врачебная бригада. Бесчувственную Леру уложили на носилки и перенесли в салон.

Сбросив амуницию, Матвей и Юлик подбежали к валяющемуся на земле портфелю. Но тут дорогу им преградил лысый Лошак. Глаза свирепо блеснули, а нижняя челюсть отвисла еще сильнее. Он засунул руку в карман и, сжимая там рукоять пистолета, тупо уставился на обоих:

— Эй, не раскатывай губищу почем зря, парни! Патрона моего вещица, и все тут.

— А чего, собственно, раскатывать-то, — широко улыбнулся Юлик. — Портфельчик можешь ему доставить, если, конечно, есть желание с ним попутно загреметь на нары.

— Отмажется, не впервой.

— А если не отмажется?

— Если смыло все отмазки после дождичка в четверг, — выступил вперед Матвей, — когда люди, которым уже нечего было терять, копали-копали, да раскопали-таки стопудовый компромат на старого зажравшегося крокодила, тогда что?

Пара полицейских, оставшихся к тому времени для работы внизу, прочесывала территорию, держа в руках ориентировку — старое фото еще лысого Матвея Ивашкина. К ним в очередной раз приблизилась толпа «смишников» с микрофонами и диктофонами на вытянутых руках.

— Буквально пару фраз о ситуации. Кто явился ее инициатором? Кого вы намерены задержать и на основании чего?

Но полицейские однозначным жестом остановили движение:

— Извините. Пока «но коммент»!

Репортер-криминальщик, увидев у них в руках фото Ивашкина, тем не менее, осмелился высказаться:

— Так ведь уже есть опровергающая информация относительно его виновности. Почему же вы намерены именно его….

— Наше дело доставить, — перебил его страж порядка, — там разберутся.

Мойщики, внимательно наблюдая за сценой, на всякий случай плотно окружили Матвея, которому явно стало не по себе. Полицейские направились к автомобилю «скорой» и заглянули в салон. Открыв глаза, Лера увидела озадаченных полицейских со знакомым фото в руках и приподд-

нялась, пытаясь сорвать с себя кислородную маску:

— Оставьте! Пустите меня к нему!.. — И тут же осеклась, поймав на себе пристальный взгляд полицейского. Затем вскочила с разложенного кресла, оказывая сопротивление фельдшеру, удерживающему маску на ее лице, и воскликнула: — Да пустите же, ей-богу! Нормально все! Некогда мне тут с вами.

Около охранника по кличке Рябой, по-прежнему лежащего без сознания, стояли Матвей, Юлик и второй охранник — Лошак, крепко вцепившийся в портфель. К ним алчущей толпой на полной скорости мчались ненасытные «смишники», только что получившие от полицейских отказ о даче интервью. От неожиданности Нюта чуть не выронила рулон брезента, который сворачивала вместе с другими мойщиками.

— Только этих здесь не хватало, понабежали, — буркнула она.

— Отвлеки их, Ню! — бросила ей подоспевшая Лера и решительно двинулась прямо к Лошаку. Тот слегка попятился и остановился как вкопанный.

Малышка Нюта не растерялась. Прихватив у одного из мойщиков оранжевую каску, надела ее на свой каштановый ежик, причем слегка набекрень, и кинула взгляд на дядьку Юлия Карловича.

— Валяй, Анютка! Можешь оторваться, но в рамках заданных координат.

Девчушка, войдя в образ, ринулась навстречу толпе репортеров. Ее тут же окружили, включив камеры и диктофоны.

— Ваша высотная профессия сопряжена с огромным риском, — начал, было, один из репортеров, но Нюта, набрав побольше воздуха, громко выпалила:

— Все! Молчать об этом больше нельзя! Высота — давно уже, можно сказать, дело привычное. А вот это! Это — просто бич наших дней!

Репортеры затаили дух, повисла пауза. Нюта дотянулась рукой до Матвея и резко дернула его, подтащив к толпе. Затем стащила с него каску и взъерошила ему волосы.

— Особенно для тех, кому… от матушки-природы так повезло с шевелюрой. Нет, вы сами потрогайте. Потрогайте, потрогайте. Можете даже слегка подергать.

Желающих оказалось много. Последней через толпу с трудом пробилась очкастая журналюшка-«желтушница» с сальными сосульками вместо волос и принялась дергать Матвея за жесткие густые волосы с особым остервенением.

— Дайте мне, дайте мне тоже! — бубнила она. — Вот это шевелюра у парня, чисто конская грива! И ва-а-ще прикольно так! Коллеги, вау, снимите нас вместе!

— Осторожней ты, тоже мне, дорвалась! — оттолкнула ее плечом Нюта.

— Ясно, что шевелюра, дальше-то что? — зашумели другие.

— Да в такой шевелюре им одно раздолье. И каски не спасают!

— Кому? Кому… раздолье? — посыпались вопросы.

— Как кому? Я же говорю — им! Летучим блохам!!

Вся братия, стоящая плотным полукругом, резко отскочила от Матвея на безопасное расстояние. Кто-то набросил на голову капюшон, кто-то, особо догадливый, раскрыл над головой зонт. Достав из кармана длинные резиновые перчатки, Нюта демонстративно натянула их на руки по самый локоть и принялась одержимо ловить воображаемых летучих паразитов. Все замерли, наблюдая со стороны. Громко взвизгнув, она дала понять, что охота в пучине матвеевой шевелюры удалась-таки, и поверженные летучие твари в ее руках.

— Дело даже не в том, чтобы поймать. Вот-вот, вот она, сволочь бацилльная! А вот еще одна, паразитка!

— А в чем же тогда? — брезгливо морщась, спросила та, что в сосульках, не переставая строчить в блокнот.

— А в том, чтобы умудриться … Во! Раз-да-вить. Бздык! Там, наверху, выше тридцатого этажа целый рассадник этих тварей летает. И чем выше, тем больше.

— А чем чревато? — спросил долговязый репортер-криминальщик Иван Немелин, недавно первым «нарисовавшийся» на фоне большого выставочного экрана и оттого явно ощущавший себя героем дня среди присутствующей журналистской братии.

— Блохи, уважаемый господин Немелин, это только во сне к деньгам, — продолжила Нюта и толкнула локтем в бок засмотревшегося на нее Матвея.

— А наяву — к дорогостоящему лечению редкой формы педикулеза, — мигом встрепенувшись, сокрушенно вздохнул он, давя прорывающуюся улыбку.

Вся бригада во главе с Юлием Карловичем в сторонке тихо рыдала друг у друга на плече от распирающего смеха. Только Лера, кусая губы, ревностно косилась на задавшийся дуэт и ругала себя последними словами за то, что сама же и поставила их рядом. Тем временем импровизированное шоу продолжалось.

— Причем, некоторые из них, — понизив голос, доверительно продолжила Нюта, — разносчики неизвестного науке вируса!

Толпа «смишников» громко ахнула и судорожно застрочила в блокнотах. Уж поверили или нет ушлые репортеры сообщению, но камеры и диктофоны были включены, блокноты заполнялись, а проверять полученные факты пока было не у кого.

— Правда, официальных подтверждений еще не поступило, — сделал шаг к толпе Матвей. — Ведутся напряженные исследования!

«Смишники» врассыпную отскочили от него и переглянулись. Что ж, может, и «утка», зато — жареная! Чего как раз и жаждет от них этот упырь, шеф-редактор.

— Короче, птичий грипп отдыхает, хотите сказать?

— Еще как, — кивнула Нюта.

— Отправлен, можно сказать, на заслуженный отдых, — вставил Матвей, — куда ему, собственно, и дорога.

Лера криво усмехнулась и метнула взгляд в сторону унылого Лошака, одиноко сидевшего на портфеле. Пожалуй, пора, пока Нютка удачно

отвлекает внимание от Рябого, спрятанного под брезентом. Бригада мойщиков надежно загородила его от толпы. Лера уверенно подошла вплотную к Лошаку. Тот вскочил, мертвой хваткой держа в одной руке портфель с документами, а другой многозначительно сжимая в кармане пистолет.

— Тихо, не суетись раньше времени, Лошачок. Есть разговор. Присядем на брезент. — Она заглянула внутрь укрытия, пощупала на руке Рябого пульс. — Ничего страшного, минут через двадцать-тридцать придет в себя. Тем более надо поторопиться.

— Далеко торопиться-то? — не поднимая глаз от руки, сжимавшей в кармане оружие, отозвался Лошак.

— Да уж подальше отсюда. Особенно тебе.

— Че эт? Гонишь, как всегда, Лерка!

— Ты-то на что рассчитываешь? Еще минут пять — и тебя просчитают.

Сверху, с пятнадцатого этажа, донесся до боли знакомый вопль. На балкон «люкса» выскочил орущий Шибуга, размахивавший оборванной шторой как флагом. За ним гнались несколько полицейских. Лера облегченно вздохнула. Ну, вот и отлично. Денис Денисович, рожа крокодилья, нарисовался в самый подходящий момент. «Смишники» тут же переключились на съемку происходящего наверху, а Матвей с Нютой, довольные и разгоряченные, возвратились к своим. Лошак же все сопел и молчал, не моргая.

— И до кучи с патроном заметут, — продолжала Лера. — Глянь наверх, вышел весь Шибуга.

— Фу-ф! Как пить дать, заметут, — выдохнул подбежавший к ним Матвей, осторожно поглядывая на вожделенный портфель.

— Заметил? — Лера осторожно придвинулась к Лошаку и погладила охранника по лысине. — Ищут только лысых.

Их окружили остальные мойщики, и Юлий Карлович произнес:

— Чего зря суетиться-то? В принципе, фактов, доказывающих невиновность Ивашкина, достаточно. Хоть лысого, хоть кудрявого.

— Вряд ли прямо здесь станут разбираться, вдруг потащат его за компанию с этими, — раздались голоса мойщиков.

— Пособникам Шибуги точно не поздоровится, — уверенно вставила Лера и поднялась с брезента. Удостоверившись, что никто из посторонних в данный момент за ними не наблюдает, она чуть приоткрыла брезентовое полотно и еще раз осмотрела неподвижно лежащего Рябого.

— Может, его прямо сейчас «скорой» сдать? На кой он тут разлегся? — предложил кто-то из мойщиков.

— Тут ничего опасного, — покачала головой Лера, — подождем немного. А сейчас есть кое-какая идея.

Вокруг валялись черепки и комья земли от выброшенных Шибугой цветочных горшков. Она осторожно взяла Рябого за уши и слегка повозила его лицом по разбросанным комьям земли, перемазав практически до неузнаваемости, слегка отбросила брезент и взглянула на Ивашкина. Матвей, сразу смекнув, для чего она это сделала, достал свой мобильный и положил Рябому в карман.

— А ты говорила, больше не понадобится.

— Я же тогда не знала…

Лошак принялся, было, громко протестовать, но вдруг смолк и призадумался.

— Как ты уже понял, — продолжил Матвей, — есть верное средство стать неузнаваемым.

— А заодно, и кудрявым, — хохотнул Юлик, — ясное дело, не за просто так.

Лошак, сидя на портфеле, только ерзал и пыхтел, пряча взгляд.

— Если ты, конечно, хочешь, — сказал Матвей и добавил, указывая на лысину охранника: — Хотя так, по-моему, круче!

Никто им не мешал, пресса была занята съемкой погони, устроенной Шибугой и полицейскими по многочисленным балконам.

Увидя полицейских, державших в руках фотоориентировку, мойщики сделали вид, что сворачивают брезент и пакуют снятую амуницию. Прочесывая поток посетителей выставки, стражи порядка остановились перед очередным лысоватым парнем. Лошак это заметил, весь напрягся и мигом сиганул под брезент. Через минуту Матвей приподнял край и заглянул под укрытие:

— Все, они ушли. Вылазь уже.

Но из-под брезента показалась только половина лысины.

— Ладно, начнем с половины, так даже интереснее, — хмыкнул Юлик.

Матвей достал фляжку с загадочной озерной водой, отвинтил крышку и заглянул внутрь. Их окружили мойщики, Нюта на всякий случай стояла рядом с аптечкой наготове. Ей вдруг стало жутковато, она вспомнила, как у горного озера нашли заросшего Матвея Ивашкина, и вздрогнула.

— Что-то тут на донышке вроде осталось. — Матвей выдавил из фляжки несколько капель на торчавшую из-под брезента половину головы.

Лошак вздрогнул, целиком нырнул под брезент, но через несколько секунд снова выглянул. Половина его головы стала стремительно зарастать густыми черными волосами, в то время как вторая оставалась по-прежнему лысой. Зрелище было настолько забавным, что мойщики покатились со смеху.

— Так годится?

В тонированной облицовке стены здания гостиницы, как в зеркале, Лошак увидел свое отражение и выкатил глаза.

— Ап-ап-ап …туда… еще, — указывая на лысую половину, умоляла добровольная жертва природного эксперимента.

Матвей требовательно протянул руку за портфелем. Лошак вытащил из-под себя перепачканный грязью портфель и протянул ему. А Юлик, забрав фляжку у Матвея и завершая процедуру, вылил остатки воды на голову Лошака. Через пару минут на второй половине лысины тоже начала пробиваться густая растительность. Все притихли, наблюдая за этим жутковатым процессом.

Лошак, осмелев, выбрался из-под брезента, снова посмотрел в чисто вымытой зеркальной тонированной облицовке стены здания гостиницы на свое отражение и гордо встал в полный рост.

— А что, хорошая работа, братцы-мойщики, — усмехнулся Юлий Карлович, имея в виду не то качественно вымытое стекло, не то затейливо преображенного охранника, а, скорее всего, и то, и другое.

Лошак огляделся, затем тихонько бочком ретировался в сторону. Когда он исчез, все облегченно вздохнули и полностью сдернули брезент с вымазанного грязью лица Рябого. Полицейские, подозрительно присматриваясь, подошли к мойщикам. Юлий Карлович тут же достал документы и передал им:

— Вот. Наряд на высотный заказ.

Полицейские долго рассматривали накладную на проведение работ. В руках у них по-прежнему было старое фото Матвея Ивашкина.

— Капитан, ищете настоящего пособника террористам? — слегка улыбнувшись, спросил Юлик. — Да вон он, в окне пятнадцатого этажа.

— Есть информация, работают уже, — наблюдая задержание Шибуги, отозвался капитан и добавил: — Э, а лысых тут нет?

— А много надо? — поинтересовались мойщики.

— А сколько есть? — Капитан придирчиво оглядел каждого.

— Чем больше, тем лучше, — ухмыльнулся второй полицейский.

— На крыше двое, — уточнил Юлик, — уже связанных.

— И с ними третий, их кретин-начальник, пособник Дениса Шибуги, — не удержавшись, добавил Матвей.

После того как сложный спуск группы был успешно завершен, дежурные мойщики оставили крышу, предварительно нейтрализовав и крепко связав троих нападавших. Связанный противник, как им казалось, более не представлял опасности и должен был тихо лежать до прихода полиции, предаваясь думам о смысле бытия. Но не таков был Феликс Закутайло. Он первым сумел выплюнуть веревочный кляп изо рта и приказал своим подопечным подползти к нему. Те зубами пытались развязать веревочный узел, чтобы освободить ему хотя бы одну руку. В конце концов это им как-то удалось, и далее Закутайло умудрился высвободиться полностью. Он даже не стал тратить время на то, чтобы затем освободить их, а поднялся и скрылся за чердачной дверью.

Внизу, у гостиничной стены, капитан по рации отдал распоряжение тем, кто работал на пятнадцатом этаже:

— Ребят, как этого психа Шибугу возьмете, загляните на крышу.

— И тут какой-то один, — взглядом указал Юлик в сторону брезента, из-под которого выглядывало тело Рябого. — Но не очень разговорчивый.

— Выбирать будете? — брякнул Матвей.

Полицейский еще раз поднес к глазам фото и направился прямиком к нему. Все замерли. Лера побледнела, Нюта зажмурилась. Полицейский

поднял руку и дернул Матвея за волосы. Извинился и отошел в сторону. Затем вернулся и дернул еще пару раз.

— О-о-ой, они настоящие!! — взвыл Ивашкин.

— Настоящие? — практически хором выдали оба полицейских.

Лера подскочила и отбросила в сторону брезент, уже окончательно открывая лежащего Рябого. Его перемазанная землей физиономия по-прежнему выглядела безмятежной.

— Ба, что ж ты, брателлочка, таким неумойкой? — понесся к нему Матвей. В голове что-то перемкнуло, и его обуял отчаянный драйв. Игра явно шла на грани фола. Юлик стоял, сжав кулаки и мрачно опустив взгляд. Лера не выдержала и выскочила вперед, оттирая в сторону Матвея:

— Да вот же он, лежит перед вами, лысиной отсвечивает. Самый что ни на есть Ивашкин.

— Он? Уверены? — подозрительно спросил капитан.

Она размахивала перед лицами полицейских своим мобильным, а ногой, словно случайно, со всей силой наступила Матвею на стопу. Тот тихо ойкнул и ретировался.

Из нагрудного кармана Рябого донесся телефонный звонок. Его это никак не колыхало, зато Лера заверещала:

— О, видите! Ивашкин Матвей Андреевич. Вот, это я ему звоню.

Полицейские переглянулись, спрятали фотоориентировку в карман и, стараясь не перепачкаться, приподняли Рябого. Он охнул и открыл глаза.

— Ты кто? — обратился к нему первый полицейский.

— Имя и фамилия? — спросил второй.

Рябой тупо уставился на них, чуть покачался всем корпусом и показал кукиш. Громко икнул и снова отключился. К нему подбежали врачи «скорой» и в сопровождении полицейских унесли на носилках. А Матвей радостно заскакал по площадке, размахивая добытым портфелем.

Шибуга, загнанный в самый угол балкона, еле держался на ногах. Выставив перед собой плетеное кресло, он вцепился в его спинку, тряс его и кричал полицейским:

— Это я, я вам звонил, сигнализировал!

Слегка притомившиеся от погони по взмыленному полу в недрах многокомнатного «люкса» полицейские, видя, что налицо клинический случай, решили дать ему прорааться.

— Я, как личность, исповедующая самое что ни на есть антирейдерство, — важно начал Денис Денисович, — и самый что ни на есть антитерроризм…

— Да, да, мы понимаем, понимаем, — кивали полицейские, подходя к нему все ближе.

— Я не мог молчать. Да я! Если бы вы только знали…

Заработала рация, и его перестали слушать. Он тут же психанул, запрыгнул на кресло, оттуда — на широкие перила балкона и крикнул:

— Стойте там, где стоите. Или прыгну!

— Уверены, что задержать придется именно вас, господин Шибуга.

Шибуга посмотрел вниз и увидел на площадке подпрыгивающего и размахивающего портфелем придурка-везунчика Матвея Ивашкина.

— Зачем меня, когда настоящий пособник террористам, перечисляющий им денежные средства, гляньте, преспокойно скачет на свободе! С портфелем! С моим портфельчиком!

Вдруг он потерял равновесие и с диким воплем полетел вниз, упав на упругую брезентовую крышу одного из павильонов с крупногабаритной выставочной техникой. Его подбрасывало как на батуте, и он запрыгал, кувыркаясь в воздухе.

— А это самая крупная, ну, оч-чень летучая блоха! — громко крикнула Нюта в сторону вновь оживившихся «смишников».

В дверях здания гостиницы возник запыхавшийся Феликс Закутайло. Все взгляды полностью были прикованы к визжащему Шибуге, так что его появления никто не заметил. Он огляделся и нырнул в толпу. Поднял голову и увидел подпрыгивающего патрона, а внизу на площадке Леру и Матвея в окружении мойщиков. В руках у Ивашкина был тот самый портфель с документами, к созданию которых Феликс когда-то сам приложил руку. Нет, он больше не думал о своем патроне и каких-либо обязательствах по отношению к нему. Но в сложившейся ситуации обнародование и, не дай

бог, предъявление в судебные органы могло ему дороговато обойтись. Он решил действовать. На площадке было многолюдно, так что подобраться незамеченным не составило труда. Феликс под шумок подбежал к Матвею, задравшему голову и зажавшему под мышкой портфель, вырвал его и бросился наутек, на бегу вытаскивая и пытаясь разорвать компрометирующие его бумаги. Матвей кинулся за ним, догнал и запрыгнул сзади на спину. Оба покатились по земле, мутузя друг друга. Раскрытый портфель валялся рядом. Мойщики бросились, было, на помощь, но Юлий Карлович решительным жестом пресек вмешательство в течение битвы, ибо теперь был уверен в долгожданной победе своего заматеревшего друга. Лера подбежала, подняла с земли документы и, тряся бумагами, двинулась навстречу журналистам. Те, с микрофонами наперевес, неслись к ней на всех парах. Первым она взяла из пачки тот самый документ, из-за которого накануне сцепилась с Закутайло, и поднесла его к объективам камер. Указывая пальцем на отдельные абзацы и строки, прокомментировала:

— Сразу видно и без всякой экспертизы, что фальсификация, а проще говоря — фанера, левой пяткой сработанная.

Гудящая толпа все плотнее окружала ее, посыпались вопросы:

— Что там еще, покажете? А остальные документы?

— Остальные не многим лучше склепаны. Но благодаря им эти так называемые высокие господа организовали рейдерский захват предприятия хорошо вам известного Матвея Ивашкина.

Всклокоченный Шибуга ползал по упругой тентовой крыше выставочного павильона, ища возможность спуститься вниз. Увидев свой открытый портфель в руках Леры и окружавших ее репортеров, он весь затрясся, покраснел и подпрыгнул. Спружинив, вылетел с тентовой крыши на уровень ниже и приземлился прямо на действующий выставочный образец автоматической упаковочной линии, а именно, на резиновую ленту транспортера.

В это время Закутайло вырвался от Матвея и, сбив на бегу Леру, выхватил у нее портфель.

— Думаешь, тебя это спасет? — закричала она. — Тебе не отмыться, урод!

«Смишники» мгновенно повернули объективы камер в сторону убегавшего Закутайло. Один из репортеров начал наговаривать текст на бегу и прямо на фоне удаляющегося похитителя портфеля:

— Знать, ставки высоки, раз такая охота за этим портфелем.

Увидев, что его снимают и бегут буквально по пятам, Феликс чуть притормозил и сильно пнул ногой в пах одного из фотокорреспондентов:

— И ты туда же! Падла, забыл, с чьих рук кормишься?

Тот упал и уронил камеру, бегущие сзади коллеги, налетев на него, попадали один за другим. Матвей тоже несся за захватчиком по выставочному павильону и был уже почти рядом. Навстречу выдвинулись полицейские с явным намерением задержать Закутайло. Увидев это, он размахнулся и, забросив портфель к Шибуге, дико расхохотался:

— Что, облом вышел?

Вконец обессиленный Шибуга пытался выбраться из недр оборудования, когда брошенный Закутайло портфель пришелся ему прямо на голову. Денис Денисович обхватил его обеими руками и, покачавшись, произнес.

— Все из-за тебя, будь ты неладен, бычья шкура! Как я устал…

Он рухнул всем своим грузным телом, а его локоть уперся в пульт управления автоматикой. Оборудование тут же послушно запустилось в работу. Первым в технологической цепочке новейшей установки начался процесс сканирования. На жидкокристаллическом дисплее появились цифры габаритов загруженного для упаковки объекта, а именно тела Шибуги. Настройка на заданные параметры и моментальный расчет необходимого упаковочного материала по плотности и прочности — все это отображалось на дисплее перед глазами обездвиженного Дениса Денисовича. Одни столбцы цифр быстро сменялись другими, бешено мигали индикаторы.

— Он нас посчитал! — прохрипел Денис Денисович, глянув на портфель, как на товарища по несчастью.

Раздался мягкий щелчок, отворился затвор глубокого зева, в который вот-вот должна была устремиться лента транспортера. Под нарастающий шум запуска пневматики Шибуга, в обнимку

с портфелем, дернулся и поехал на ленте прямо в «пасть» технического монстра. На дисплее исчезли цифры расчетов и возник одинокий ноль.

— Обнуление!!.. — прошептал Денис Денисович, чувствуя, как ухает его сердце.

Матвей летел к упаковочной установке, за ним бригада мойщиков и полицейские. Подбежав к Шибуге, сидящему высоко на движущейся ленте-транспортере, он подпрыгнул, пытаясь дотянуться до портфеля, и вдруг увидел ошалевшие глаза изможденного старика с беспомощно трясущимися руками, в котором с трудом угадывался одиозный рейдер Денис Денисович Шибуга.

Он бросился искать пульт управления автоматической установки, чтобы остановить процесс в отсутствии загулявшегося где-то оператора. Запрыгнув выше и обнаружив его, быстро стал тыкать пальцем по всему пульту. Добром это не кончилось, от короткого замыкания электропривода заискрило. Сильный удар током заставил его подпрыгнуть. В глазах потемнело, и Матвей успел только увидеть, как несколько раз дернулось грузное тело Шибуги. Внизу толкались и кричали. Установка на секунду остановилась, и гвалт стих. Все облегченно вздохнули и кинулись к Шибуге. Но тут еще раз так долбануло, что желающих резко поубавилось. Затем рывок, еще рывок, и установка опять заработала. Еще секунда — и Шибуга, в обнимку с портфелем, попав в распорный механизм, скрылся в зеве установки. Затвор с лязгом захлопнулся. Все застыли в молчании.

Через пару минут на ленте-транспортере выехало нечто, качественно упакованное. Сверху на объемную упаковку опустилась рука робота — маркировщика и шлепнула сначала дату изготовления, затем дату использования. При этом из упаковки донесся душераздирающий крик:

— Ой, мама, где я у тебя?..

На площадке полиция все еще была занята задержанием Феликса Закутайло. Его в наручниках повели к спецмашине, куда уже были доставлены задержанные на крыше двое связанных охранников. Другая часть полицейских направилась к говорящей упаковке.

— Уп-паковано. Грузите, — встретил их Юлий Карлович.

Когда объемную упаковку с Шибугой подхватили и понесли, из нее донеслось нечто внутриутробное:

— Ой, мама… я больше не буду.

— Не будешь, не будешь, — засмеялись полицейские, — даже если очень захочешь.

Чумазый, со стоящими дыбом смоляными волосами и чуть опаленными бородой и усами, Матвей пребывал в жестком ступоре. Все, ради чего

было затрачено столько крови и нервов, и не только своих собственных, а целой команды мойщиков, все это не имело смысла!

— Вот я не поняла, — манерно произнесла Лера, делая ударение на букве «о». — Это все, что взбесившаяся железяка решила изрыгнуть из себя?

Матвей, казалось, не слышал никого. Он уселся прямо на бетонный пол и вытянул ноги. Взгляд его остановился.

— А-а-а-а-а! Ур-р-р-а-а-а! Ра-а-а-а-а-а! — вывел его из прострации радостный возглас Нюты.

Что-то щелкнуло, и на ленте транспортера малой скоростью выехала аккуратная небольшая упаковка, перевязанная ярким серебряным бантом. Юлик не сдержался и, с широким поклоном к сидящему другу, выдал:

— Тобе пакет?

Матвей вздрогнул, подлетел к ней и трясущимися руками стал распечатывать. Сняв огромный бант, мерцающий серебром, передал его Нюте. Та вспыхнула, захохотала и гордо прицепила себе на каску.

— Ну, я же всегда знаю, когда тебя выносит на кривой. Вот и повторяется, как и там, у озера, как и сейчас… — Споткнувшись взглядом об уставившуюся на нее Леру, она замолчала.

Под шквал аплодисментов Ивашкин достал из упаковки заветный портфель. Открыл его и, убедившись, что основные документы на месте, просиял:

— Ага-ага, дуракам — счастье.

Мойщики ликовали. Матвей обнимал каждого в отдельности и попутно клялся в верной дружбе навек. Только Лера с Нютой, стоя по обеим сторонам от него, вцепились друг в друга взглядами, прикидывая, чья ж теперь возьмет?

Мойщики шумно загружали амуницию и садились в автобус. Всем хотелось поскорее по-

кинуть это место, тем более что вечер обещал быть намного спокойнее дня. Нюта, садясь за руль, сбросила с кресла на пол свернутый в рулон брезент.

— Герою дня почетное место! Садись, садись. Обещаю, таблетками сегодня пичкать не буду, не бойся.

Матвей, в обнимку с портфелем, плюхнулся на место рядом с ней, улыбнулся и закрыл глаза. Вот он, полный важных документов, в его руках. Теперь уж точно никому не отдаст и скоро, даст бог, вернет свое родное предприятьице, которое, отчужденное и поруганное, поди, ждет-не дождется его.

Лера стояла, облокотившись о капот своей «ауди», и долгим взглядом провожала их автобус. Всего-то и хотелось, чтобы он подошел и сказал: «Ведь самое плохое позади, так?» Взгляд ее уже не был таким откровенно колючим, как раньше. Скорее, в нем читалась то ли тоска, то ли обида, а, может, то и другое одновременно. Главное, никто не сказал ей ни одного слова: ни дурного, ни доброго, никакого. Словно ее и не было все это время среди них, словно это не она вместе с ними билась до победы. А как там дальше сложится, кто знает? И как еще разрулится все в суде, тоже вопрос. Чего гадать, она нужна ему. За ним, только за ним!

Не успела она сесть в свое авто, чтобы вихрем помчаться вдогонку, как путь ей преградила знакомая пара полицейских. Блеснули наручники, она поняла, что отстала навсегда. Ноги подкосились, она вскрикнула и упала без чувств.

В салоне маленького автобуса страсти улеглись, никто даже и не вспоминал, во всяком случае, вслух, о том, через что пришлось пройти. Текла вполне мирная беседа, кто-то из мойщиков достал с заднего сиденья гитару и запел. Юлик разливал из термоса по кружкам дымящийся чай, и по салону распространялся аромат горных трав. Прихлебывая из кружки, он подпевал слова их старой фирменной песенки, в которой особенно ему нравился припев, построенный из рефрена одной ключевой строки:

Мир хочет, чтобы ты его отмыл.

Мир хочет, чтобы ты его отмыл.

Мир хочет, чтобы ты его отмыл.

— Во-во! А еще больше — чтоб ты сам отмылся. — Юлик привстал с места и передал чумазому Матвею его кружку.

Тот отхлебнул пару глотков душистого напитка и опять нырнул в свои мечтательные видения о всенепременно светлом будущем. Юлик собрался, было, добавить, что знатный чаек этот по особому рецепту заваривает

не кто иной, как его любимая племяшка, но промолчал и глянул в ее сторону. Уверенно управляя автобусом, Нюта пыталась уйти в отрыв от осточертевших за день смишников, но дядька Юлий Карлович, который уже давно наблюдал происходящее со стороны, строго погрозил ей пальцем. Никаких обгонов! Еще на мосту не хватало нарушений. Вот и противоположный берег. Автобус мойщиков, набирая скорость, быстро оторвался от преследовавших машин и помчался по трассе туда, где река делала заметный поворот и подбиралась к череде унылых серых холмов, кое-где покрытых пожелтевшим леском. Наконец он остановился, и все вышли из салона, окидывая взглядом окрестности.

Воздух стал влажным, собиралась гроза. Река в этом месте петлей огибала унылые холмы. Только лишь закатный круг солнца коснулся серых верхушек, как воздушная масса над ними пришла в едва заметное движение. Все мелко задрожало, завибрировало, и в лучах заката из воздуха выплыло удивительное зрелище.

Над серыми холмами разворачивался цветной мираж. Он завис посредине реки между холмистым заречьем и городским берегом и стремительно проявлялся, набирая цвет. Опознать пейзаж, представленный на нем, не составило труда, он был знаком до боли. Зеленый буковый и грабовый лес сменился лиловыми лавандовыми полями, а следом — панорамой серых и желтоватых остроконечных скал. Над ними пронзительно синело крымское небо. Причем панорама не была статичной, а двигалась четко слева направо, словно ее вела уверенная рука оператора. С берега было ясно видно, как крымские горы отражались… в спокойных водах реальной русской реки. Было с чего спрыгнуть с ума. Но прыгать никто не собирался. Все стояли

как вкопанные, затаив дух. В завершение в кадре появилась маленькая желтая гора Марш-Чайник-кош и переполненное водой горное озерцо. Вода в нем поднялась стеной и выплеснулась крупным планом прямо в предполагаемый объектив невидимой камеры. Зрелище чуть покачалось над рекой и стало таять так же внезапно, как и появилось.

— Занятное местечко и славится тем, что миражи здесь не редкость, — очнувшись, произнес Юлий Карлович.

— О-о-о!... Опять аномальщина?! А здесь-то откуда? — отрешенно рассмеялся Матвей. Не иначе — за нами по пятам! Впрочем, я уже ничему не удивляюсь и готов ко всему.

У Нютки чуть не слетело с языка, что она тоже теперь готова. И готова к самому что ни на есть невероятному и сногсшибательному, лишь бы быть рядом с ним. Но вслух тихонько произнесла, стараясь казаться страшно взрослой:

— Поговаривают, подобное возникает, когда влага в воздухе становится чуть теплее, чем температура воды. Другие уповают на якобы возникающую разность потенциалов, третьи твердят что-то там про преломление солнечного света. А тут еще подземные ледяные ключи бьют со дна подземной реки, идущей мощной дугой. Вот и чудит природа, как вздумается.

— Может, кто-то упорно желает что-то сказать, — заметил Матвей. — Если, конечно, учесть, что вода — известный мощный проводник, носитель информации, то поверишь и не в такое.

— Как знать, каким неведомым способом принесла крымскую картинку эта невидимая глазу подземная река, через какие скрытые у самого сердца Земли моря-океаны прислала прямо сюда к нам то, что было явлено.

Все опять посмотрели на реку. Мираж становился все прозрачней и эфемернее.

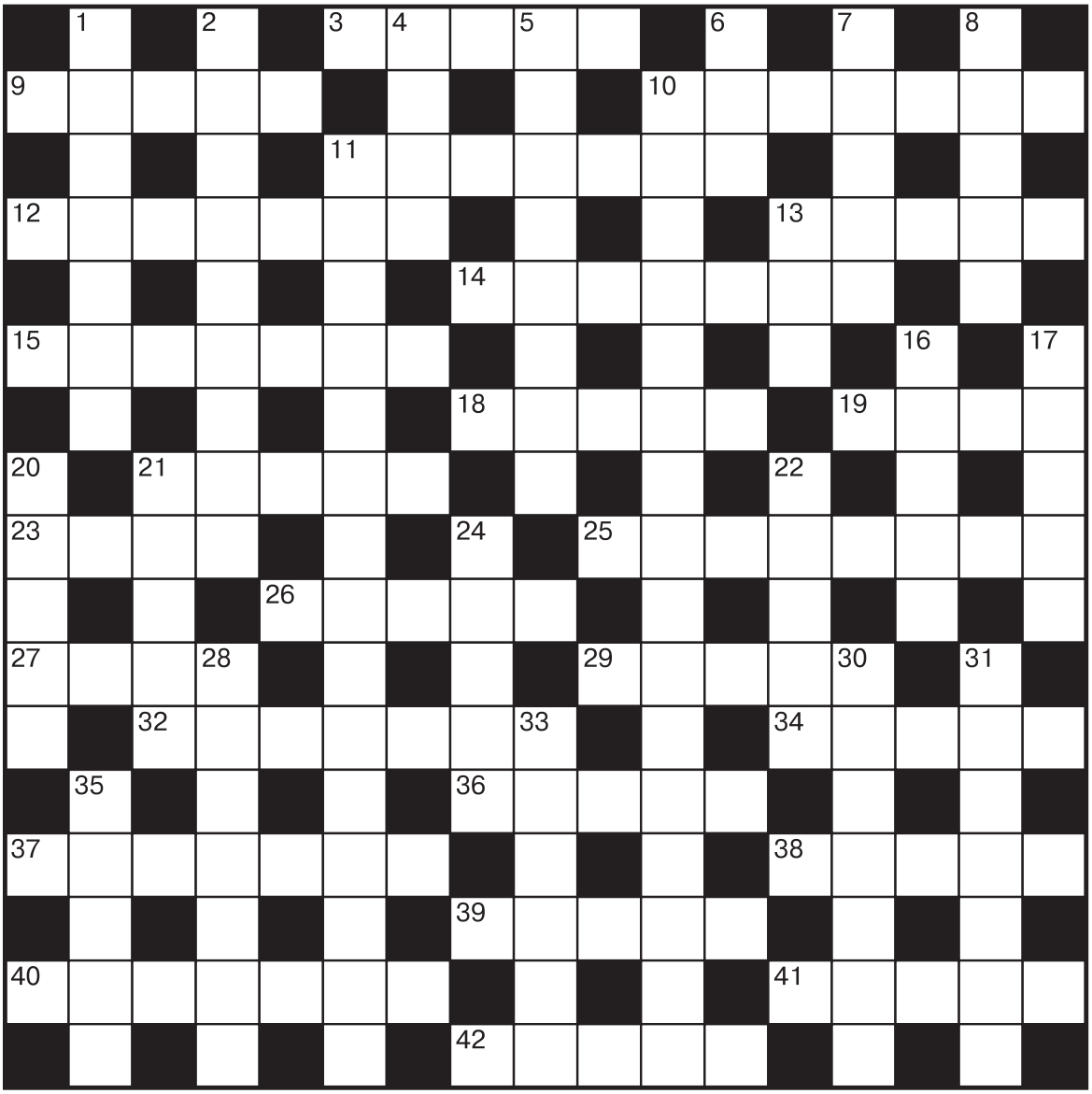
— Причем тут всякий раз «крутят» новое кино, — улыбнулся Юлик. — Никому и никогда не удавалось увидеть один и тот же мираж дважды.

— Ну, тогда всех с премьерой!!! — воскликнул Матвей.

Солнце скрывалось за череду потемневших холмов. Ударили первые молнии. Тучи сгустились, закрывая остатки видения, и из них хлынул ливень.

— Не иначе, как мир сам хочет нас отмыть, причем чисто, чисто, чисто. ❑

КРОССВОРД



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Немецкий композитор, чья молчаливость приводила Рихарда Вагнера в ярость. **9.** На каком музыкальном инструменте играет актриса Одри Тоту? **10.** Повод, чтобы обратиться к врачу. **11.** Гоголевский Плюшкин. **12.** «Железный канцлер», считавший войну с Россией гибельной для Германии. **13.** Кто такой мадьяр? **14.** Какой организм спокойно обходится без кислорода? **15.** Кто не занимал в Ливии ни одной государственной должности с 1979 года, что не мешало ему быть главой государства? **18.** Какой из итальянских клубов первым ввел сезонные абонементы? **19.** Пора, когда Александр Бородин мог писать музыку, только заболев. **21.** Универсальный закон

мерфологии гласит: «Начинать ... нужно с самого неподходящего места». **23.** «И теперь наш мирный ... вся Европа кроет матом». **25.** Интеллектуальный прорыв. **26.** В Болгарии кладут серебряную монетку в рождественский ..., кому она попадется, тот и будет счастливый в новом году. **27.** Сельское вече. **29.** Комнатный цветок, почему-то ставший символом мещанства. **32.** Кинокомедия с беременным Арнольдом Шварценеггером. **34.** Одна из четырех стихий, что поделили между собой Зодиак. **36.** «Мужик» из «мира животных». **37.** Атлантическая скумбрия. **38.** «Воскресный обед» в ресторане. **39.** Каждая хозяйка знает, что в доме ... замечает не то, что она делает, а то, что она не делает! **40.** Религия «Земли обетованной». **41.** Юный Джером Клапка Джером хотел стать политиком или литератором, но смерть родителей заставила его прервать обучение. Он нанялся в «London and North Western Railway», где проработал четыре года, собирая ..., валявшийся вдоль железнодорожных путей. **42.**«Лопни, но держи ...»

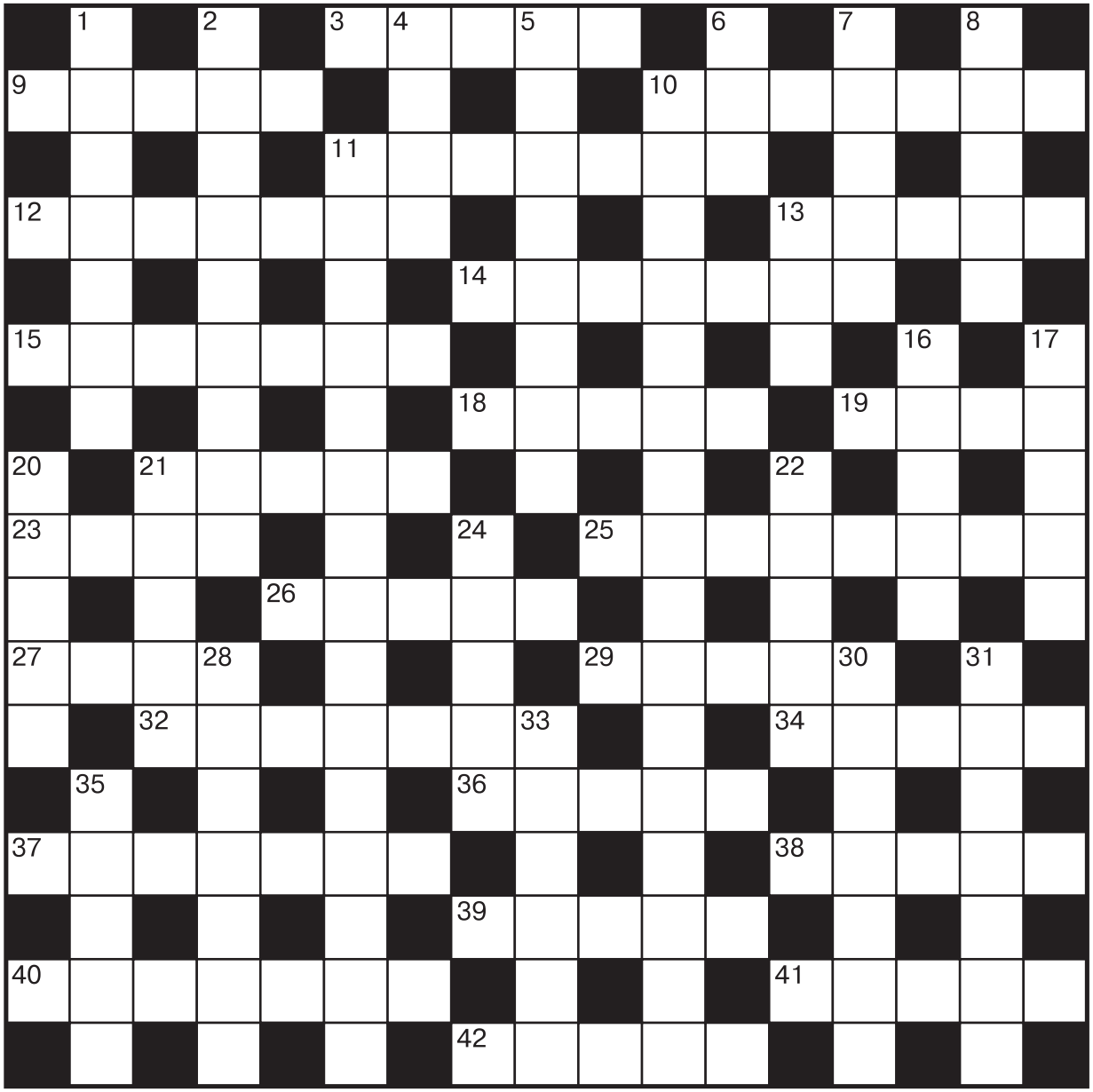
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Цена без надбавки. **2.** «Звездные врата». **4.** «Жизнь повторяет один и тот же ..., пока мы его не усвоим». **5.** «Итальянские Гималаи». **6.** Клюквенный ... заменяет кровь в блоковском «Балаганчике». **7.** Лишь шесть тысяч солнц могли бы создать такой же поток излучения, какой посылает в пространство один ... **8.** Что позволяет «поговорить с тем, с кем разговор невозможен»? **10.** Открытие Луиджи Гальвани. **11.** Главное отличие мастера от дилетанта. **13.** «Кто проворен и хитер, тот не пойман и не ...!» **16.** В каком рационе все калории сосчитаны? **17.** «Сердце цирка». **20.** Кто сговорился с Мефистофелем? **21.** «Дать ... для сплетен». **22.** «Полосатик с бахчи». **24.** Греческий остров с Долиной бабочек. **28.** Какого великого баскетболиста прозвали «Ваше Воздушество»? **30.** Рыба, поставляющая самую мелкую черную икру. **31.** Материал одеяла из рассказа «После бала» Льва Толстого. **33.** Без чего трудоголику «и жизнь не мила»? **35.** «Гамак прыгунов».

Ответы на кроссворд, опубликованный в №9

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Гусар. **9.** Блюдо. **10.** Толокно. **11.** Палатин. **12.** Тромбон. **13.** Кафка. **14.** Малахит. **17.** Ответ. **20.** Кипр. **23.** Бицепс. **24.** Радиосигнал. **25.** Отец. **26.** Дело. **27.** Диван. **29.** Вокал. **31.** Ролик. **32.** Мост. **33.** Песня. **34.** Балет. **35.** Папай. **37.** Стиль. **38.** Очередь. **39.** Житие. **40.** Гроза. **41.** Вискача. **42.** Осетр.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Флора. **2.** Адамс. **4.** Уран. **5.** Арарат. **6.** Гон. **7.** Томат. **8.** Оникс. **10.** Тиран. **11.** Портсигар. **13.** Кизил. **14.** Месси. **15.** Укроп. **16.** Спред. **18.** Бегемот. **19.** Ассорти. **21.** Рационализм. **22.** Игрок. **23.** Балалаечник. **28.** Нотариус. **29.** Визажист. **30.** Вестерн. **32.** Метрика. **36.** Удача.

ЭРУДИТ



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Михаил Булгаков полагал, что каждому порядочному человеку известно, что это действие при всех властях происходит от 2:30 ночи до 6:15 утра зимой, и от 12:00 ночи до 4:00 утра летом. **9.** С каким художником у Галы Дьяконовой и Поля Элюара случился «один брак на троих»? **10.** Триумфальный обход тореро арены в корриде. **11.** Какое множество иллюстрируют капустой романеско? **12.** Лучшее в мире смешанное виски. **13.** Соломенная шляпа у белорусов. **14.** Римские легионеры использовали ... для защиты от холода. **15.** Особая прическа у борцов сумо. **18.** Латекс в основе жевательной резинки. **19.** Какая блудни-

ца из Иерихона «объявлена праведной на основании дел»? **21.** На столе у американского президента Гарри Трумэна стояла табличка с надписью «... дальше не идет». **23.** Парижское «общежитие художников», где в свое время обосновались и Амедео Модильяни, и Марк Шагал. **25.** Каким камнем император Нерон лечил свое зрение? **26.** Какой шахматный аппарат собрал в 1868 году английский механик Чарльз Хупер? **27.** Украинский бог, ставший бессмертным, покушав молодильных яблочек. **29.** Армянская лепешка, смазанная густым сиропом. **32.** Абхазская лютня. **34.** Косоворотка до колен. **36.** Любимый деятель Гражданской войны для Сергея Есенина. **37.** Японский Садко. **38.** Ящерица из термитника. **39.** Один из сыновей библейского Аарона, пожранный «огнем Яхве». **40.** «Душистая вишня». **41.** «Истинный хозяин мира» для ацтеков. **42.** Грузинская мадера.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Многие не теряют разума потому, что его не имеют» (испанский классик). **2.** Гладиатор на колеснице. **4.** Напиток из отрубей у румын. **5.** Ускоритель высыхания лака. **6.** Русский колчан. **7.** Телеведущий, основатель American Music Award. **8.** Хазарская столица. **10.** В каком старинном замке поселилась чета герцогов Виндзор после отречения Эдуарда VIII от престола? **11.** Учение о силе лекарств. **13.** Лиственное дерево, чьим дымом пахнет вестфальская ветчина. **16.** Вино, на основе которого в прошлом французские колдуньи готовили приворотное зелье. **17.** Какой мюзикл посвящен той, что приготовила самый дорогой омлет для Аристотеля Онассиса? **20.** Пенка от соевого молока. **21.** Приговор муфтия. **22.** Сельский библиотекарь из давних времен. **24.** Дротик у древнеримского пехотинца. **28.** «Воздержание от пищи». **30.** Магическая гуделка у австралийских аборигенов. **31.** Отец великой певицы Эдит Пиаф по роду занятий. **33.** Кем был отец великого фокусника Гарри Гудини? **35.** На его памятнике в Риме начертано «От столетия, которое он предвидел, на том месте, где был заложен костер».

Ответы на эрудит, опубликованный в №9

Уважаемые читатели!
Редакция журнала «Смена» приносит извинения
за технические неполадки

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 1-е полугодие 2015 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

*** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.**

КУПОН

Ф.И. О. _____

Дата рождения_____ Индекс_____

Обл./край _____ Район_____

Город _____ Улица_____ Дом _____ Корп._____ Кв._____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от_____ с отметкой банка прилагается.

Извещение

Кассир

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 **КПП** 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) **Код ОКПО** 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Извещение

Кассир

ООО «Журнал «Смена»
получатель платежа

Расчетный счет 40702810410150414401

ОАО «Промсвязьбанк»
наименование банка

Корреспондентский счет 30101810400000000555

ИНН 7714026110 **КПП** 771401001

БИК 044525555 (для юр.лиц) **Код ОКПО** 11396455 (для юр.лиц)

другие банковские реквизиты

Адрес:

Ф.И.О.

Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»		

Подпись плательщика

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 1-е полугодие 2015 года в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		**Индекс 70656** — годовая подписка **Индекс 71518** — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов **Индекс 70820** — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		**Индекс 99406** — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		**Индекс 88998** — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

Вы можете приобрести журнал в магазине «Московский дом книги на Новом Арбате»

Московский Дом Книги

Вся пресса в одном месте!

PRESSA.RU

14010
9 770131 665607

смена №11, 2014

В начале 19-го века в России стало развиваться ситценабивное дело. Жена купца Василия Прохорова убедила его открыть ситценабивную фабрику. Василий Иванович, прислушавшись к советам жены, открыл ткацкую фабрику, а позже передал ее своему сыну Тимофею, который сразу выделился изделиями, превосходившими конкурентов чистотой отделки, красотой и оригинальностью рисунка. Число заказов быстро увеличивалось, и вскоре братья Прохоровы стали уже крупными фабрикантами, владеющими знаменитой Трехгорной мануфактурой. На протяжении десятков лет они довели «дело всей жизни» до совершенства, а отменная продукция Трехгорки получила международное признание, известное под маркой «прохоровский ситец». И понятие это стало эталоном замечательной русской династии.

Светлана **Бестужева-Лада**
«Профессия — фабрикант»

Вряд ли найдется в России человек, который не слышал имя Григория Распутина и о той пагубной роли, которую он сыграл в судьбе Российского государства. Но не все знают, что путь сибирскому старцу на самый верх Российской империи проложил целитель, мистик и предсказатель француз Филипп Антельм Низье, которого императрица Александра Федоровна считала «своим другом, посланным Богом» и который вошел в историю под именем «Филипп из Лиона».

Владимир **Братченко**
«Предшественник Григория Распутина»

А где писатели нормальные —
Или повымерли давно?
Кругом — романы криминальные
И сериальное «оно»!
Слепят обложечки блестящие
В разделе «Все для дураков».
Но есть пока и настоящие,
Вот друг мой — Юра Поляков!..

Эссе Анатолия **Пшеничного**
к 60-летию Юрия Полякова

Детектив Елены **Колчак** «Дайте попробовать»